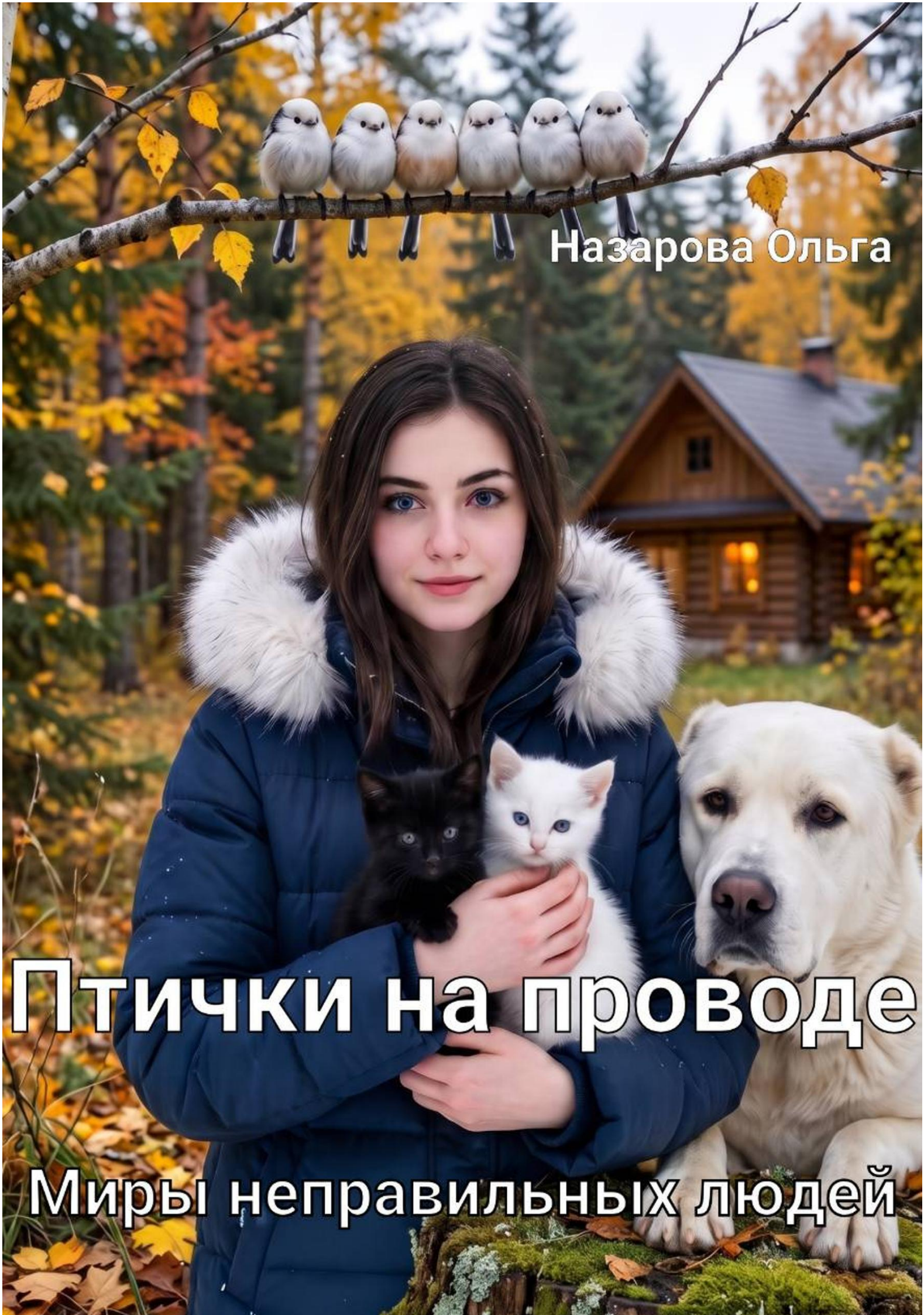
Назарова Ольга
Птички на проводе
Миры неправильных людей

Ольга Назарова

Птички на проводе

«Автор»
2026

Назарова О.

Птички на проводе / О. Назарова — «Автор», 2026

Когда родители увлечены лишь друг другом и считают, что истинной любви ничего не должно мешать, то даже дети могут стать помехой. Именно так и произошло в семействе Птичкиных – идея о том, что выросших детей как птенцов нужно выкидывать из гнезда, была охотно принята на вооружение!А в результате получилась странная компания – пятеро парней и одна девушка, выросшие вместе, которые почему-то не забыли, как поддерживали друг друга в детстве, поэтому и во взрослой жизни предпочли держаться вместе, словно настоящая стая.Юля вовсе и не стремилась быть главой этой стайки, а просто старалась поддержать своих братьев, но это стремление и крайняя предприимчивость её «Птичек» выработали в ней такой удивительный характер, что она и работу себе сама придумала, добившись прекрасных результатов, и с братьями управляется легко, и личную жизнь ликвидировала как явление, решив, что ещё одного мужчину в своей жизни она просто не выдержит, а если ещё и сын будет нет-нет! Всё это ей точно не нужно!

© Назарова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Полёты наяву 5
Глава 2. Работа, которую сама придумала 8
Глава 3. Лапы загребущие 15
Глава 4. Птички на проводе 20
Глава 5. Ненужный и даже брошенный 25
Глава 6. Никакущая 30
Глава 7. Очень осмотрительный человек 35
Глава 8. Можно попробовать 40
Глава 9. Натуральный вид 44
Глава 10. Гнездовье Птичкиных 48
Глава 11. Так ей и надо 53
Глава 12. Хорошо и никого 58
Глава 13. Пропащее поколение 63
Глава 14. Наладка жизни 67
Глава 15. Наивные птенчики 72
Глава 16. Почти полонез… 76
Глава 17. Повод для довольства 81
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Ольга Назарова
Птички на проводе

Глава 1. Полёты наяву

Нет, перед глазами Евгения Княжина, когда он падал с высоченных конструкций, приготовленных для празднования дня рождения его компании, не пролетела вся его жизнь… Даже кусочек не пролетел, только мелькнули крылья перепуганного вусмерть голубя, а ещё – перекладины и соединительные конструкции, да свистело в ушах. Хотя, может, и не свистело, а вопило, точнее, вопили свидетели его полёта. Что именно они там орали, Женя не распознал – не до того ему было!

Уж как он ухитрился перехватиться за одну из перекладин и этим притормозить свой полёт, про то он и сам не знал, но сделать это сумел! Да, приложился Женька знатно, да, сломал обе ноги, но во всём остальном, можно сказать, повезло ему просто сказочно!

– Грянуться с такой высоты и отделаться только несколькими переломами… Да вы просто везунчик! – качал головой врач, оценивая повреждения. – И позвоночник цел! Что вы там говорите? Болит? Так оно и понятно, что болит, вы же не таракан, и не Человек-паук, чтобы с шести метров ухнуть, вскочить и поскакать дальше! Да, придётся полечиться.

– И сколько это по времени? – сквозь зубы спросил Княжин. – Сколько надо будет лежать?

– Я не люблю давать прогнозы… – замялся врач. – Но судя по локации переломов и их сложности… месяца полтора-два, если всё пойдёт как нужно.

– ЧТО? Как полтора месяца? Мне сейчас нельзя! Мне работать надо! – запереживал Евгений. – Я не могу в гипсе топать по офису!

– Да какой там в гипсе топать? – фыркнул врач. – Вы лежать будете с наложением скелетного натяжения!

– Это чего? На кровати с какой-то дурацкой конструкцией? – скривился Княжин. – Не могу! Вы не понимаете!

Тут дверь распахнулась и в кабинет вошёл отец Евгения, который и был причиной, по которой его везучий сын оказался в наисовременнейшем медицинском центре концерна Мироновых.

– Женька, не дури! – строго велел он. – Сказано тебе, полтора месяца лежать, значит, так и будет!

– Да ты же понимаешь, что у меня с фирмой за это время случится… – простонал Евгений. – У меня сейчас такой момент! Я не могу тут валяться!

– Ничего такого не случится! Ну можешь и не тут, а дома! – Княжин-старший, который был директором одного из крупных предприятий концерна, прекрасно понимал, что это не очень по правилам, но если нанять приличную сиделку, купить особую кровать и обеспечить врачебный контроль, то это вполне себе возможно. А в случае с его сыном так вообще единственный возможный вариант – иначе он изведёт и себя, и врачей, и как минимум половину своих сотрудников.

Именно благодаря этому Женя через несколько дней бесконечного количества врачебных осмотров и консультаций оказался в собственной квартире с ногами, расположенными на странных, с его точки зрения, конструкциях, и ощущением ужасающей беспомощности!

– Сиделки – дневная и ночная – наняты, комп твой с работы привезли, уже всё подключили, камеру расположили так, как ты просил, – только на лицо, – говорил Женьке отец. – Мама прилетает завтра, готовься…

Нет, он пережил и это… и сиделок с их уходом, и невозможно неудобное положение тела, и даже визит мамы, которая плакать начала ещё с порога, а чего тут плакать-то, если он жив и почти здоров? Но вот чего он абсолютно не мог пережить, так это ощущения того, что он теряет контроль над фирмой!

Да-да, он без конца звонил, требовал отчёты, просматривал их, до сияющих мушек перед глазами вглядываясь в экран монитора, но прямо-таки физически ощущал, что там что-то не так…

– Да ты извёлся уже! – оценил его состояние отец, глядя на осунувшееся лицо сына, который даже в таком состоянии был на диво красив. – Хочешь, я аудиторов к тебе направлю?

Нет, этого Евгений не хотел! Он вообще принципиально не подпускал никого к управлению своей драгоценной компанией, хотя мог бы войти в состав концерна, пользоваться их аудитом, их службой безопасности, их возможностями – ему уже несколько раз предлагали!

– Нет, не надо! – в очередной раз отказался упрямец.

– Да я же просто предложил – их можно и за деньги нанять. Помнишь, я тебе говорил, что у Хантерова есть потрясающий аудитор-аналитик?

–Даже так не хочу!

– Вот баран упёртый! – вздохнул отец. – Ладно, а мне ты можешь объяснить… просто объяснить в чём проблема?

– Что-то не так, вот чую… Мне позарез надо туда! – рука сжалась в кулак, сминая какие-то распечатки, переданные через сиделку Женькиной секретаршей.

Вообще-то Княжину никто не мешал вызывать ключевых сотрудников домой, но дело осложнялось тем, что он никак не мог себе этого позволить – во-первых, из-за возмутительно привлекательной внешности, а во-вторых, из-за временной, но полнейшей беспомощности!

Как тут объяснить, что просто не в состоянии показаться подчинённым в таком виде?

Впрочем, отец его преотлично знал, поэтому через день пришёл с видом Деда Мороза, который готовится выдать хорошему мальчику Жене замечательный подарок.

– Я тебе нашёл лучшего помощника, которого только можно было! – с торжествующим видом сказал он. – Если честно, я её себе хотел нанять, но она обычно старается не задерживаться на работе – меняет работодателей.

– Её? И кто это?

– Потрясающая особа – в прыжке тебе ровно по плечо, хватка как у бультерьера, очень умна, очень внимательна, исключительно полезна! Нанимают её, когда нет возможности быть в офисе, но за ним нужен пристальный присмотр, или когда всё плохо, и нужно понять, где проблема…

– А лет-то ей сколько?

– Двадцать пять.

– Пап, ты смеёшься?

– И не думал даже! Её обычно никто не воспринимает всерьёз, а когда до людей начинает доходить, что тут что-то не то, уже поздно – она знает всё про всех, а главное – может исправить множество ситуаций!

– И ты хочешь сказать, что какая-то мелкая девчонка мне может помочь?

– Может-может! Да ты с ней поговори, сам поймёшь. И да… доверять ей можно! Проверено!

Неизвестно, что ожидал Женя, но уж точно не миниатюрную тощую девицу в сером офисном костюме, застёгнутом на все пуговицы, которая, получив от него оборотки в качестве проверки её талантов, с ходу нашла две ошибки, которые он сам не обнаружил, машинально подвинула ему поудобнее столик, на котором стоял комп, задала очень правильные вопросы, а ещё – не обратила ни малейшего внимания ни на его лицо, ни на тело, которое он сердито кутал

в одеяло, ни на плачевное состояние его конечностей, вообще ни на что – Юлию Птичкину интересовала только и исключительно работа!

Он уже понимал, что девчонку надо брать… Нет, хватать её надо – соображает очень быстро, цепкая, как капкан, а ещё – ничуть его не раздражает своим присутствием. Вот абсолютно!

– Наверное потому, что совершенно некрасивая! – решил Княжин. – Никак меня не задевает.

Но всё-таки счёл нужным поинтересоваться:

– Юлия, а почему вы не хотите работать где-то на постоянной основе?

– А мне так интереснее, – спокойно ответила Птичкина. – Я, можно сказать, кризисный менеджер. Работаю тогда, когда всё плохо. А когда уже всё наладилось, какой во мне смысл?

– Но разве вы не хотите стабильности? Спокойной работы с устоявшимся коллективом?

– Нет, не хочу, – судя по тону, говорить на отвлечённые темы Птичкина тоже не собиралась.

– Понял… сейчас придёт нотариус, мы оформим доверенность, и вы поедете в мой офис, я их предупрежу.

Он ещё какое-то время рассказывал Юлии о своём предприятии, о своих замах, о ключевых сотрудниках, о «тонких местах», которые надо было проверить в первую очередь, а когда ушла сначала нотариус, а потом и его новая рабочая, пусть и временно, единица, Княжин устало откинулся на подушки и прикрыл глаза, надеясь, что он не ошибся, доверяя важное дело по обеспечению контроля над фирмой этой девчонке.

– Выглядит она вообще-то как зашуганная студентка-первокурсница! – уже засыпая, подумал он.

О нет! Вот кем-кем, но зашуганной Юля не была никогда! Только не она! Только не в её семье! И уж конечно, не с её невыносимыми братьями и собакой!

Это Евгений мог думать, что она на что-то не обратила внимания… но он сильно ошибался! Если бы он слышал Юлины мысли, то сильно бы удивился:

– Красавец писаный, прекрасно это знает, явно пользуется... а сейчас страдает от того, что временно обесточен. Неглупый. Но… но почему он не задал себе главный вопрос? – Юля ехала в офис, который на ближайшее время станет её местом работы, и хмурилась: – Как же это он не заинтересовался, а почему, собственно, рухнула та конструкция, с которой он так дивно полетел? Может, ещё в шоке? Не успел подумать?

Юля усмехнулась, понимая, что в данный момент очень похожа на свою Мону Лизу – здоровенного алабая, которая славилась исключительной хваткой, чувством юмора и неожиданно выразительной мордой – уж улыбаться-то загадочно она умела преотлично, вот примерно так, как сейчас её хозяйка!

Глава 2. Работа, которую сама придумала

По дороге к месту своей новой работы Юля вспоминала, что именно ей рассказал Евгений о своих замах:

– Итак… у него имеются три заместителя – Александр Пасечник, Ростислав Говоров, Николай Дербенников. Со всеми Княжин начинал работать, всех знает хорошо, утверждает, что отношения дружеские. Ну-ну, посмотрим… – хмыкнула Юлия.

Она не слишком много значения придавала таким словам. Подчас «знаю хорошо» означает только, что к человеку привыкли, присмотрелись, уверены в том, что ничего нового от него не увидеть.

– И сколько людей ошибается на этом «хорошем знании», – вздохнула Птичкина.

Да, ей всего-то двадцать пять, но так как она работать начала ещё в институте и место работы меняла каждые три-четыре месяца, насмотреться успела, так что особых иллюзий у неё не было, зато была устоявшаяся клиентура, которая с удовольствием бы зацапала Юлю на постоянную работу, но она категорически отказывалась.

Вообще-то Юля эту работу придумала из-за детектива Агаты Кристи «В 4:50 из Паддингтона» – это история пожилой особы, которая ехала из Лондона в поезде и увидела в окне соседнего поезда, который несколько секунд ехал параллельно её окну, как мужчина душит женщину. Сама детективная линия придирчивой Птичкиной понравилась – она вообще любила цикл про мисс Марпл, но в этой конкретной книге её особенно впечатлила некая Люси Айлсбарроу, которая оказывала помощь в раскрытии преступления.

– Дипломированный математик, прекрасный специалист, и вдруг становится… домработницей, да не простой, а такой, у которой от клиентов отбоя нет! А всё почему? Потому, что математиков хватало, платили им неважно, а вот таких домработниц не было и её услуги стоили ого-го сколько! Понятное дело – с ней можно было ни о чём не волноваться – она умеет всё, не брезгует никакой работой, а ещё – нигде не работает слишком долго – она не рутинная служанка, к которой хозяева привыкают, потом потихоньку перестают ценить, а дальше и вовсе брюзжат и начинают прижимать, а спасатель в экстренных ситуациях!

Идея такой работы захватила Птичкину настолько, что она начала присматриваться, соображая, а куда можно было бы так устроиться…

– Домработницы не так чтобы очень нужны – это только разве что сильно состоятельным людям… но сейчас вряд ли можно будет так работать, как мне хочется. Или надо устраиваться на постоянку, или подолгу сидеть без работы. А вот если немного переделать идею, может быть интересно!

И она переделала интересно! Нет, само собой, сначала родители не поняли, зачем Юля, будучи студенткой второго курса и будущим финансовым юристом, отправилась на курсы бухучёта и аудита, а потом, закончив их, попросила отца взять её на лето к себе – поработать, так сказать, «в поле».

Первые три недели она вела себя тише воды ниже травы, а потом пришла к родителю и показала расклад:

– Твой первый зам за твоей спиной втихаря заключает контракты с некоторыми заказчиками – он основал свою фирмочку. Главбух знающая, но зашивается, ей ещё двое бухгалтеров нужны. А юрист – безграмотный.

– Юль, не смеши. Откуда ты это всё взяла? Юрист у меня очень хороший – он даже преподаёт! – фыркнул отец, а ещё через полчаса был в шоке от доказательной базы, которую ему предоставила дочурка.

Проверив факты, он выяснил, что его Птичка, как он дочку называл, была абсолютно права, а потом, для чистоты эксперимента, устроил её к своему старшему брату.

Там Юлечка распотрошила бухгалтерию, смело заявив дяде, что он кое-что перепутал – бухгалтеров берут на работу не за длинные ноги и фигуру, а чтобы они работу знали и делали её на совесть.

Дядюшка кого-то другого за такие слова в порошок бы стёр, но не Юльку, потому как единственного человека, который способен справиться не только со своими двумя родными братьями, но и с его парой оболтусов, нужно беречь и уважать. Тем более что ворох документов, который Юлька сгрузила на стол дяде, свидетельствовал об одном – она права!

– Права! Фитюлька, студентка! – рычал дядя, когда Юля ушла.

Правда, чувство самосохранения у него работало, так что меры он принял, чему вскоре нарадоваться не мог – оказывается, энергичная племяшка избавила его от огромного множества проблем!

Впечатлённый этим, он рассказал о племяннице своим приятелям, кто-то, почти в шутку, решил попробовать с ней поработать, а дальше с вытаращенными глазами делился со всеми знакомыми, кто был готов его слушать, впечатлениями о девчонке:

– Мне по плечо, на вид никакая, пару недель у меня весь коллектив её пинал – ну на новичка. А дальше она пришла и выдала мне такой расклад, о котором я даже не подозревал! После Птичкиной я уволил восемь человек, которые работали исключительно в свой карман, нанял новых, и у меня выручка попёрла!

К пятому курсу института энергичная Юлечка имела уже наработанную клиентуру, очень неплохие накопления и желание продолжать трудиться в своей нише. Причём её работа была очень и очень разной – она и в бухгалтерию могла устроиться, и в юридический отдел, и как менеджер вписаться в коллектив, и секретаршей становилась, и даже уборщицей – да-да, и полы мыла не гнушалась, когда иначе нельзя было подобраться поближе к виновникам приближающегося банкротства одного из клиентов.

– Ты у нас прямо финансовый детектив! – развлекались братья и были не правы – детектив только находит виновного, а Юлия ещё и работать умела так, чтобы подпереть плечом любую управленческую конструкцию, поэтому ей больше нравилось называть себя кризисным или форс-мажорным менеджером.

***

Прибытие форс-мажорного менеджера Птичкиной в офис Княжина ничем особенным окружающим не запомнилось – пришла такая невзрачная мелкая штучка, скромно уселась в приёмной Пасечника и принялась ждать, когда же он освободится от срочных дел.

А дел хватало – то и дело к нему заскакивали сотрудники с бумагами, слышался разговор на повышенных тонах:

– Это не мой вопрос! Ты же знаешь, что это к Ростиславу! И что, что он послал? Это его участок работы!

В конце концов самолично Александр выскочил из кабинета, явно намереваясь сходить к коллеге и уточнить, чего ради он перекидывает на него свои обязанности, и тут в приёмную вошли ещё двое молодых мужчин, и Юля поняла, что теперь видит всю тройку замов:

– Пасечник плотный, беловолосый, щёки красные – видимо, так реагирует, когда волнуется. Ростислав Говоров – видимо, вот этот кареглазый брюнет с высокими залысинами, вид сердитый, а Николай Дербенников – русоволосый, с голубыми глазами, косая сажень в плечах, выглядит очень уверенно. Ну-ка, ну-ка, и чего это они все такие… встрёпанные?

Все трое начали говорить одновременно, обвиняя друг друга в безделии и ошибках, Юлька мотала на ус сказанное и могла бы услышать много полезного, но тут вмешалась секретарша Пасечника:

– Александр Александрович, тут вас девушка дожидается…

– Какая ещё девушка? – сердито отозвался он, окидывая взглядом приёмную. – Где? Ааа, эта девушка… Девушка, что вам надо-то?

– Я от Евгения Юрьевича, – произнесла Юлия, вставая. – Он меня прислал за отчётами.

– ВАС? – невольно изумился Пасечник, обмениваясь взглядами с коллегами-замами. – Странно… а вы вообще кто такая?

– Можно сказать, что курьер, – скромно потупилась Птичкина.

– Ну тогда понятно, – пренебрежительно протянул Дербенников, окидывая взглядом не сильно-то привлекательную внешность «курьера».

– Странно только, почему он нашими курьерами пользоваться не хочет! Что за фантазия – нанимать кого-то со стороны? – возмутился Говоров, хмуря тёмные брови. – Ладно… так какие там отчёты ему надо? – обратился он к Пасечнику.

– Да вот это-то меня и смутило! – признался тот, подозрительно меряя взглядом Юлю. – Отчёты о конфиденциальной информации… причём почему-то не в электронном виде на его личную почту, а в бумажном. Я вообще не понимаю, почему я должен кому-то выдавать в руки такие документы.

– Потому, что у меня доверенность есть на представление интересов Княжина, а распечатки ему удобнее в руках держать – он же лежит, – обстоятельно пояснила Юлия.

– Ааа, так вот в чём дело! – с облегчением откликнулся Пасечник. – Ладно, я распоряжусь в бухгалтерии, чтобы вам всё выдали.

– А мне, кроме бухгалтерских, ещё велено у вас отчёты запросить – по вашим личным формам, Евгений Юрьевич сказал, что вы знаете, по каким, – Птичкина неловко развела руками, словно извиняясь за бестактную просьбу директора – действительно, и как он посмел у замов и наёмных работников что-то такое просить. Возмутительно же, да?

– Судя по их лицам, просто чрезвычайно возмутительно! – думала Юля. – Интересно, чего их так завело? Жаль, что откровенничать не начали…

По виду замов можно было сказать, что всем троим жуть как хочется перемыть Княжину кости – и целые, и не очень. Но при посторонней они больше ничего говорить не стали, сухо и сквозь зубы посулив выдать ей требуемое.

– А пока идите к главбуху, она вам всё даст… – махнул на неё рукой Говоров. – Да идите же уже, я ей позвоню и дам распоряжение.

И Юля ушла в бухгалтерию. Там она довольно быстро получила всё, что ей было нужно, а потом, вооружившись доверенностью, промчалась по всему офису, собирая документы, которые ей велел принести болящий Евгений Юрьевич, а также знакомясь с компанией.

***

За следующие несколько дней невзрачная тощая фигурка в плотноватом сером костюмчике, нелепом для августа, стала привычной – она мелькала то тут, то там, иногда предлагала помощь, иногда пристраивалась в уголке, пока ей готовили очередные отчёты, а потом под вечер исчезала, отволакивая кипы документов Княжину.

Бóльшая часть этих бумаг сгружалась в прихожей, так как нужна и не была, а вот особо важные отчёты Юля приносила работодателю.

***

Жаркий август вливался в окна потоками солнечного света, городских запахов, звуков, и всё это чрезвычайно раздражало Евгения – он не мог встать, подойти к окну, выглянуть из него, не мог сходить в душ – приходилось терпеть унизительный, с его точки зрения, уход и прикосновения сиделок.

– Закройте окно и включите кондиционер! – требовал он, чтобы хоть так облегчить себе жизнь – не слышать звуки и запахи, доносящиеся с улицы, не думать о том, что после празднования дня рождения фирмы он должен был уехать отдыхать, прихватив с собой одну свою знакомую, а вместо этого вынужден лежать тут.

Нет, нельзя сказать, что его все бросили и не вспоминали… постоянно звонили с работы, рвались приехать – и подчинённые, и та самая знакомая, и родители. Но разрешал он визиты только маме и отцу, остальных твёрдо попросил пока воздержаться от посещений.

Мама, впорхнув в квартиру, ахала и всплёскивала руками над «бедным Женечкой», и он едва-едва сдерживался, чтобы не запретить и ей приезжать – короче говоря, характер Княжина стремительно портился – безболезненно переносил он только отца и, как это ни странно, его ставленницу Птичкину.

Евгений, который уже с ума сходил от вынужденной неподвижности, от ощущения, что он не в курсе дел своего драгоценного бизнеса, с нетерпением ждал её приезда, хватался за распечатки, как утопающий за добротное такое брёвнышко, а потом требовательно косился на Юлию.

– Так, рассказывайте, что там происходит! Только подробно!

А дальше начинало твориться что-то невероятное – невзрачная деваха излагала настолько точные наблюдения, что ему начинало казаться, что он сам, собственными ногами, добрался до офиса и всё там видел и слышал!

– Да, Пасечник – перестраховщик, есть такое, – невольно усмехался Евгений. – А Говоров со своей дурацкой экономией на ерунде достаёт всех и каждого! Причём вечно теряет больше, чем сэкономил. И про Дербенникова всё верно – он не очень правильно общается с людьми.

А потом, дня через четыре таких Юлиных визитов с бумажной «добычей», ему пришло в голову спросить, какие выводы сделала его посланница – просто любопытно стало. Да и потом – почему-то она его не раздражала. Может, из-за того, что ничего лишнего не говорила, даже не смотрела на него лишний раз, а может, из-за невзрачности – он ни в какую не воспринимал Птичкину девушкой, так… просто девчонка – прыгает какой-то говорящий воробей, да и прыгает.

– Все трое замов отзвонились уже не по одному разу в возмущении, мол, чего я какую-то страшилку им посылаю, неужели же нельзя было кого-то из наших использовать? Или они сами бы приезжали с докладами… – вспоминал он. – Но не хочу я сейчас никого видеть! А вот интересно, как их восприняла эта Птичкина?

Юлия, выслушав вопрос, ненадолго призадумалась, а потом с самым невозмутимым видом ответила:

– Один, а может быть и не один из ваших замов, уводит деньги из компании.

– ЧТО? Что ты несёшь? – возмутился Княжин, пытаясь привстать, правда, быстро опомнился, подхватил одеяло, вернув его себе на грудь, и сердито покосился на Юльку – та смотрела в окно с самым невинным видом. – Глупости какие!

– Нет, не глупости. Смотрите! – Юля достала из кипы бумаг несколько распечаток и показала Княжину. – Вот этот, этот и этот платежи…

– Ну да, ООО «Ресурс инжиниринг», мы с ними давно работаем! Нашли доказательство, тоже мне!

– Да, работаете, – на всякие глупые фырканья Юля внимания давным-давно не обращала. – Только вот их два…

– Кого два? – удивился Евгений.

– Этих «Ресурсов». Вот, смотрите – название одно, а ИНН – разные. Я вошла в базу, посмотрела карточки компаний – и адреса регистраций разные, и директора…

– Не понял… это как? Мы работали только с одной компанией! – встревожился Княжин.

– Я не стала задавать прямые вопросы, чтобы не показать, что лишнее увидела. Но что есть, то есть – кто-то из ваших замов уводит деньги.

Юля призадумалась, стоит ли говорить начальству о том, что даже его родной отец озаботился, а случайно ли верхняя площадка шестиметровой конструкции, с которой Княжин-млад-

ший должен был бы выступать перед подчинёнными, была плохо закреплена. Но решила, что это лишнее:

– Это и без меня как-нибудь расследуют.

Тут в комнату без стука вошла дневная сиделка, держа в руках небольшой поднос с тарелкой, неодобрительно посмотрела на Юлию – а чего она больного отвлекает, и обратилась к Евгению:

– Вам тут корзину фруктов и ягод передали – курьер из вашего офиса приехал. Я ягоды вымыла, сразу выложила и принесла вам тарелочку! Вы должны всё-всё съесть! Это витаминчики.

На тарелке красивой горкой были высыпаны ягоды – голубика и крупная малина.

– Скушайте! – сиделка уверенно выдвинула приставной столик, не обращая внимания на недовольство пациента, поставила на него ягоды. – Вы должны всё съесть!

Княжин едва сдержался… ночная сиделка была тихой и спокойной, не лезла и не приставала к нему с указаниями, а эта… Ну невозможно же так обращаться со взрослым мужчиной, словно он мальчик трёх лет! Да, понятно, что он сейчас очень зависим от чужой помощи, но зачем это демонстрировать-то без конца!

Евгений уже решил, что попросит отца подобрать ему другую сиделку, но покосился на голубику и малину… Вот уж что-что, а эти ягоды он любил. Сиделка всё жужжала о витаминчиках и микроэлементах, которые ему непременно нужно потребить, так что он махнул рукой, словно отгоняя муху, и хмуро сказал, что ягоды поест.

Юле было безразлично, как к ней относится сиделка, но как она ухитряется не заметить, что доводит своего подопечного, Птичкина уразуметь никак не могла:

– Вот зачем она зудит и зудит? А? Чего ты вязнешь-то к человеку? Он и так едва сдерживается, чтобы тебя не послать! Ему и больно, и неловко ужасно – это ж и в туалет не выйти, не помыться самому, а тут ещё эта тётя вертится попусту!

Нет, никакой особой симпатии к Княжину Юля не испытывала, более того, была твёрдо убеждена, что чем дальше от начальства – тем лучше и спокойнее. Её работа – среди людей и документов, а начальство нужно только чтобы ему в клюве принести результаты, а ещё – чтобы деньги выплатить по итогам работы.

– Всё! А общение по душам в мои обязанности ни разу не входит! Тем более с такими… – она позволила себе мимолётный взгляд на Княжина, который, воспользовавшись тем, что сиделка наконец-то ушла, запустил руку в ягоды. – Слишком красивый… У таких характеры фффррр какие! – уж она-то знала – ещё бы! Имея двух родных и двух двоюродных братцев весьма привлекательной наружности, Юля приобрела стойкий иммунитет к мужской привлекательности!

– Вы ягоды любите? – неожиданно спросил Княжин. – Идите сюда и помогите мне – сейчас есть совсем не хочется, а потом меня опять будет доставать сиделка… с витаминчиками и микроэлементиками! – он скорчил такое выражение лица, что Юля, уже собравшаяся решительно отказаться, решила его выручить.

Она придвинула поближе стул, прислушалась – не идёт ли надоедливая тётка, взяла малину, машинально сфокусировалась на тарелке и руке Евгения… и внезапно резко шлёпнула его по кисти, вынуждая разжать пальцы. Выпавшая ягода упала на пол.

– Ты чего? С ума сошла? – прошипел Княжин, ничего такого не ожидавший.

Он изумлённо уставился на малахольную девицу, рыбкой нырнувшую куда-то вниз.

– Ты что творишь?

– Так! – Юля выпрямилась, аккуратно держа что-то в руке. – Ягоды, которые вы сейчас ели, какие они были на вкус?

– Чего? – опешил Женя. – Ягоды? Ну ягоды как ягоды… Да что такое-то?

– А то… – она разжала ладонь и кивнула на одинокую тёмную ягодку. – Что это не голубика ни разу! Это вороний глаз!

– Чего?

– Это ядовитая ягода. Смертельно ядовитая.

– Ты что? Серьёзно? – Княжин смотрел на ягодку, а потом перевёл взгляд на голубику. – Да… она не такая… А я и не заметил.

– Да и я бы не заметила, если бы такие уже не видела и не отнимала… – выдохнула Юля. – Они на вкус не очень приятные, вот я и спрашиваю, какие на вкус были те ягоды, которые вы съели?

– Нормальная голубика, – машинально ответил Княжин, а потом возмутился: – Как вообще можно продавать ядовитое?

– Не думаю, что их кто-то продавал… – задумчиво проговорила Юля, катая на ладони ягодку.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Евгений.

– Голубику культивируют, малину – тоже – это явно садовая. А вот вороний глаз растёт в лесу. Он мог сюда попасть, только если его кто-то собрал и всыпал в голубику. Вон я ещё несколько таких же ягод вижу. Только вот странно – он опасен больше для детей, для них смертельная доза – две-три ягодки, а для взрослых – в несколько раз больше! Но ягоды неприятные, много их не съесть.

– То есть это просто попугать решили? – предположил Княжин.

– Может и так, а может, мы чего-то не знаем… – Юля пожала плечами, забирая тарелку со столика. – Это на анализ надо отправить или сразу полицию вызвать. Даже от одной ягоды может стать нехорошо!

– Полицию пока не надо, – решил Евгений. – А вот отцу я позвоню.

Тут вошла сиделка, которая несла поднос с вымытыми фруктами, она увидела, что девица самовольно убирает тарелку с ягодами, и гневно воскликнула:

– Вам кто разрешил? Ему надо эти ягоды съесть, а вы их куда переставляете?

Рык разъярённого Княжина заставил её замолчать, а когда, сорвавшись с работы, в квартиру сына приехал его отец, сиделка была уволена.

– Не заметить, что вместе с голубикой вы высыпаете какие-то другие ягоды, которые вам привёз непонятно кто… это сильно, конечно! – сухо процедил какой-то незнакомый Евгению тип, приехавший с отцом. – А вы их мыли?

– Ополоснула… – сиделка мяла в руках бумажный платочек. – А что?

На вопрос ей никто не ответил, а вот на следующий же день пришли результаты анализа, который определил, что вся малина внутри была обработана концентрированным отваром из корней и листьев того же вороньего глаза.

– При мытье отвар практически не удалился, так что концентрация, даже если съесть всего несколько ягод, была более чем достаточной для летального исхода, – докладывал Хантеров, глядя на побледневшего Княжина-старшего и его сына. – Так что вам, Евгений Юрьевич, очень повезло, что ваша подчинённая оказалась такой глазастой. Впрочем, ей тоже повезло…

Евгений уже знал, что Хантеров является начальником службы безопасности концерна Мироновых, и что отец, встревоженный странным падением сына, просил его проверить, а точно ли это был несчастный случай.

– Но вам всё-таки больше подфартило, – продолжал Хантеров. – Вы и в первый раз выжили, – пояснил он.

– В первый раз…

– Да, я не могу ручаться головой – вещественных доказательств нет, но более чем уверен, что крепление было ослаблено намеренно – до вас на эту же площадку поднималось сразу

несколько человек, потом все перед вашим приездом ушли на обед, а когда приехали вы и забрались наверх, конструкция рухнула.

Евгений обречённо прикрыл глаза. Он прекрасно помнил, что ему сказала Птичкина, и понимал, что её находка – это просто… мотив.

Глава 3. Лапы загребущие

Пока Евгений переваривал информацию, Хантеров пригласил Юлию в соседнюю комнату – очень уж хотелось с ней побеседовать.

– Юлия Андреевна, меня зовут Кирилл Харитонович Хантеров. Я – глава службы безопасности концерна Миронова. Нас о содействии попросил отец Евгения Юрьевича. Могу ли я вам задать несколько вопросов?

– Можете. Но отвечать на вопросы, которые касаются моей работы у Евгения Юрьевича, я могу только с его разрешения, – Юлия спокойно смотрела на собеседника.

– Разумеется-разумеется! – согласился «покладистый» Хак, про себя поставив девчушке большой плюс – далеко не все так среагируют – очень многие сразу бы начали вываливать все известные им сведения. А вот Птичкина чётко отделила «мух от котлет», ясно сознавая, что концерн к Княжину-младшему никакого отношения не имеет. – Я просто хотел спросить, как именно вы обратили внимание на ягоды?

– Я знаю все ядовитые ягоды нашей полосы, – пожала плечами Юлия.

– Ого… какие неожиданные познания! А почему, если не секрет?

– У меня два родных и два двоюродных брата, которых в детстве оставляли под моим присмотром. Пришлось выучить и узнавать «в лицо» всё, что могло быть съедено и не пошло бы им на пользу.

– Тогда понятно! А братья младшие?

– Двое младше, только… ненамного, – Птичкина вздохнула, явно о чём-то своём. – А двое старше, но не сильно.

Хак оценил выражение её лица – такое бывает у умудрённых жизнью нянюшек, которые точно знают, что их подопечные без пригляда могут перевернуть мир вверх ногами без особых на то усилий.

– Приходилось отбирать? – неожиданно понимающе уточнил Кирилл Харитонович.

– И неоднократно, – мрачно ответила Юля.

– Тогда понятно, что вы с ходу узнали ягоду, – кивнул Хак. – А как вы думаете, это покушение связано с работой Княжина?

– Я не настолько хорошо знаю рабочие отношения Евгения Юрьевича, чтобы говорить на эту тему, – Юлия точно знала, что Княжин сам должен решить, говорить о том, что кто-то из его замов уводит деньги, или нет, а ещё – когда именно это делать.

Нет, если бы спрашивали полицейские, она бы, конечно, ответила, но какое дело до внутренних проблем чужой компании этому типу с тяжёлым взглядом и вкрадчивыми манерами?

Хак, который уже навёл справки, откуда взялась эта неприметная особа, с уважением подумал о том, что характеристика, выданная Княжиным-старшим, видимо, абсолютно верна: «Девушка очень талантливая! Ухитряется найти слабые места компании, оставаясь практически незаметной – она вообще не любит быть на виду, кроме тех случаев, когда ей это нужно для работы. Умеет молчать о тех вещах, которые не должны быть озвучены, но, увы, работает на одном месте максимум два-три месяца – принцип у неё такой».

Хак, питающий слабость к коллекционированию талантливых сотрудников, мысленно потёр руки – ценный кадр просто-таки просился в его коллекц… в смысле, в их концерн!

– Принципы – вещь важная, но работа в надёжной компании, тем более в нашей, может быть интереснее этого принципа. Главное – понять, что именно её заинтересует… – думал он, задавая рутинные вопросы о действиях сиделки, о том, не видела ли Юлия курьера, не слышала ли в офисе Княжина, что его собираются присылать…

– Нет, никаких упоминаний о курьере не было, а когда он приходил, я была на полдороге сюда, – Юля отвечала абсолютно спокойно, что в общении с Хантеровым удавалось далеко не всем, так что его мнение об этой особе только укреплялось.

***

Осознание того, что кто-то из ближайших помощников планомерно и изобретательно пытается его уничтожить, а ещё настойчивая просьба отца и заставили Княжина всё-таки пойти на контакт с Хантеровым:

– Жень, ты же понимаешь, что тут уж или полицию надо подключать, или с Кириллом Харитоновичем сотрудничать. Полиция расследует твоё падение, но пока безрезультатно – оно и понятно – о втором покушении они понятия не имеют, так что тебе решать, к кому обратиться, но сам ты, тем более в таком состоянии, просто не справишься! Да и потом – а если бы ты съел голубику, а Юлия – малину… и отравились бы вы оба? Там отравы, похоже, на вас обоих хватило бы. Кто даст гарантию, что следующий ход гада, который на тебя покушается, не заденет кого-то из окружающих?

Эти доводы сработали, и упёртый Евгений согласился на помощь чужой службы безопасности. Нет, была у него и своя, но сотрудники занимались присмотром за производством – чтобы у некоторых работников и посторонних мимопроходящих ничего лишнего к рукам не прилипало.

Хантеров, пока отец Евгения занимался уговорами, продолжал общаться с Юлией.

– А сиделка? Вам не показалось, что в её настойчивости есть что-то неправильное?

– Нет. По-моему, обычная сверхзаботливая тётушка, – пожала плечами Птичкина. – Из тех, кто непременно навязывает добавку, когда человеку еда в горло не лезет – само собой, из лучших побуждений.

– Это сильно раздражало Евгения Юрьевича?

– Очень.

Хак подумал, что он Княжина-младшего в этом вопросе преотлично понимает – навязчивая сверхопека способна вывести из себя даже здорового человека, а уж когда взрослый мужчина оказывается в беспомощном состоянии, такая сиделка может извести до бешенства… Судя по всему, сидящая перед ним девушка это тоже отлично сознавала.

– Ах, ну да… четверо братьев! – размышлял про себя Кирилл Харитонович. – Я так думаю, что о мужчинах и их реакциях она много чего и знает, и понимает.

Когда их беседу прервал Княжин-старший, пригласив к сыну, Хак прихватил с собой и Юлию:

– Евгений, вы же не возражаете? – светски улыбнулся он. – Ваша подчинённая ни в какую не выдаёт мне даже крохи информации, которая как-то касается вашего бизнеса, и это, разумеется, правильно, но раз уж я занимаюсь этим делом, то мне бы хорошо знать, что именно она видела в офисе. Я, конечно, могу туда съездить сам, разумеется, с вашего позволения, но думаю, что наблюдения Юлии Андреевны будут весьма полезны.

Женя поймал вопросительный взгляд Птичкиной и… испытал прилив благодарности – он-то прекрасно понимал, как трудно ничего не рассказывать такому ушлому змею, как Хантеров…

– Вот тебе и временная сотрудница – ничего не выдала, – мимолётно подумал он, а вслух сказал:

– Юлия, давайте полный расклад – факты и ваши выводы.

По мере изложения фактов Хак ощущал себя как кот, которому досталось ОЧЕНЬ много вкусного!

– Прямо хоть хватай девчонку и беги в концерн – трудоустраивать! – думал он. – Находка! Готовый оперативник высшего уровня – незаметная, выглядящая абсолютно безобидно, наблюдательная, память как капкан. А ну-ка, как у неё с выводами?

Выводы заставили внутреннего кота Кирилла Харитоновича точить когти на загребущих кадровых лапах:

– И аналитика у этого воробушка работает, да ещё как! Чем бы её приманить?

Впрочем, все эти сторонние рассуждения никак не мешали Хаку слушать и делать собственные выводы.

– На первый взгляд у нас вырисовывается финансовый мотив – кто-то уводил деньги из компании и хотел скрыть это, – высказался он. – Кстати, а что у вас с главбухом? Вы ей доверяете?

Евгений пожал плечами, с досадой потянув вверх съезжающее тонкое одеяло:

– Она новая, у нас недавно…

– Погоди, а что случилось с твоей Ниной? – удивился его отец. – Ты же с ней с самого начала работал и был ею очень доволен.

– Уволилась. Она же только недавно на пенсию вышла, вот и сказала, что, видимо, уже не тянет наши запросы…

– Интересная формулировка… – заинтересовался Хантеров. – Был ли какой-то конфликт? Может быть, она не выполняла свои обязанности?

– Конфликт был, – кивнул Евгений. – Говоров настаивал на каких-то личных отчётах, для того чтобы найти возможности экономии средств.

– И она не могла их сделать? – удивился Княжин-старший. – Да она же у тебя из зубров…

– Я подробно не вникал – у нас была сдача огромного объекта на Дальнем Востоке, я мотался туда, а когда заказчики всё подписали, Нина уже собралась увольняться.

Тут он увидел чуть поднятые брови Птичкиной и сообразил, что той явно есть что сказать:

– Юлия? Вы что-то об этом знаете?

– Слышала, как девочки-бухгалтера разговаривали, – призналась она. – Говорили, что Ростислав Говоров создал какую-то непомерную таблицу расходов и доходов, которую требовал заполнять ежедневно, внося туда вообще всё, что в компании происходит. Причём делать это должна была именно главбух, потому что только у неё есть все данные, а там сотни строк, сотни столбцов. Особенно его, извините, цитирую: «…плющило и колбасило в последние дни перед отчётами – Нина декларацию делает, а Ростик над ней завис и требует ему объяснить, почему бухгалтерия два месяца назад за телефонию заплатила на рубль тридцать шесть копеек больше, чем в прошлом периоде, и если бы только это!»

– Он что? С дуба рухнул? – возмутился Евгений.

– Про это ничего не говорили, – бесстрастно ответила Юлия. – Но вот о том, как главбуху пришлось доказывать, что он про эти рубль тридцать шесть копеек знал и даже сам ей это приложение по электронке отправил, но забыл, я слышала – бухгалтеров это сильно возмущало – и факт, и сумма, и время, которое пришлось потратить главбуху на доказательство того, что никто не обманул компанию вообще и Ростислава в частности.

– Вот же… – у Евгения, похоже, было большое желание высказать заму, куда он может идти со своей мелочностью, но пришлось сдержаться. – Но почему она мне-то ничего не сказала?

– Сказала… – Юлия чуть пожала плечами и пояснила: – В бухгалтерии, видимо, невзлюбили новое начальство, так что про предыдущего главбуха вспоминают часто. Я слышала, как в курилке разговаривали о том, как жаль, что вы не обратили внимания на слова Нины, когда она просила разграничить полномочия ваших замов.

– Да, было такое! – припомнил Женя. – Просила! Но у меня изначально все трое замов имели абсолютно равные права по финансовым вопросам, вот я и не счёл нужным что-то менять.

– Видимо, много чего изменилось, по сравнению с этим «изначально»… – корректно заметил Хантеров. – Я даже не исключу, что вашего предыдущего главбуха специально выжили, чтобы она не мешала. Более того, полагаю, что так оно и было.

– Возможно, – с трудом произнёс Княжин. – Хотя я так и не могу себе представить, что это Говоров… он, конечно, невыносим в своём занудстве и дурацкой экономии, и я ему неоднократно говорил, чтобы он не цеплялся к Нине, и особенно в отчётный период, но чтоб кражи и покушения…

– Кстати, почему он выдумал какую-то непонятную гигантскую таблицу? – заинтересовался отец Евгения. – В чём проблема нормальный отчёт запросить? Для любого грамотного бухгалтера его сформировать элементарно!

– А он в бухгалтерских отчётах ничего не понимает! – вздохнул Женя, отчётливо понимая, что вообще-то в ситуации с увольнением Нины виноват он сам – не разобрался, не снял с главбуха горы абсолютно лишних обязанностей, которые не позволяли ей нормально работать. – Мы уже смеялись над ним… столько лет работает, а ни в зуб ногой!

– А кто вам нового главбуха посоветовал? – уточнил Хантеров.

– Я сам нашёл – она пришла по объявлению. Характеристики у неё отличные, да и так… вроде всё тянет.

Он снова покосился на Птичкину, оценил выражение её лица и уточнил:

– Что? У тебя и тут есть другие сведения?

– Сама я с ней не общалась, оценить не могу, но в компании говорят, что она безразличная – ни во что не вникает, на особенности производства ей наплевать. Вообще сотрудники ею недовольны – ругаются.

– Понятно… – тяжело вздохнул Евгений, у которого чем дальше, тем больше возникало ощущение, что он снова стоит на верхней площадке той самой конструкции, с которой должен был говорить о преуспевании фирмы. И эта платформа ощутимо качается под его ногами. – Да, новая главбух, выходит, могла бы и не обратить внимания на то, что у нас два ООО «Ресурс инжиниринг» – документы есть и ладно.

– А как вы думаете, кто именно принёс эти документы? – спросил Хантеров, внимательно глядя на Евгения. – Говоров?

– Нет… не знаю! – беспомощность просто изводила Княжина-младшего.

Ему почему-то казалось, что если бы он сейчас мог добраться до офиса, посмотреть в глаза своим замам, поговорить с ними по душам, то непременно понял бы, кто всё это затеял.

– Ладно, мы с этим разберёмся, – веско посулил Хантеров. – А теперь скажите мне, пожалуйста, кто наследует ваши активы?

Княжин-старший возмущённо уставился на безопасника, на которого это не произвело ни малейшего впечатления.

– Недвижимость и прочее имущество – родителям, а моя доля уставного капитала компании делится между замами, – ответил Евгений. – Пап, ты чего? Я же говорил, что завещание составил – летаю-то часто…

– Вообще слышать об этом не желаю! – прорычал его отец.

– И напрасно… – протянул Хак. – Это может быть ещё одним мотивом. Кстати, а почему доля уставного капитала именно замам, а не родителям?

– А! Это исторически сложилось, когда мы ещё начинали… У меня семьдесят процентов, а у трёх замов – по десять у каждого. Так они более заинтересованы в работе. Завещание я сделал, когда ещё фирма была в зародышевом состоянии, и, если честно, больше об этом и не вспоминал.

– То есть, в случае если бы какая-то из попыток избавиться от вас увенчалась успехом, ваши замы получили бы по двадцать три с лишним процента… – посчитал Кирилл. – А вы

уже довольно-таки лакомый кусок… С имеющимися у каждого десятью процентами – треть фирмы в кармане!

– Да, выходит так… – пригорюнился Женя. – Но я никак не могу поверить, что кто-то из них…

– Вор и убийца? – понимающе кивнул Хак. – А это вообще мало кто может. Мы же так «хорошо» знаем тех, кто нас окружает, а точнее, те образы, в которых мы людей представляем!

***

Юлия Птичкина ехала домой и размышляла о том, что она-то как раз ближних знает не просто хорошо, а очень хорошо!

– Даже слишком. Даже вот пусть бы они были чуть больше загадкой – я бы не пожаловалась!

Вообще-то эта история начиналась с бабушки и деда Юлии, и если бы она сама её рассказывала, то начала бы как-то так:

– Жили были дед и баба, и было у них три сына – первый и второй умные, а третий – поздний…

Первый сын, который и был отцом Юлии, женился, и родились у него, в свою очередь, трое детей – сын, потом, чуть меньше чем через год, – дочь, а дальше, чуть больше, чем через год – ещё один сын. После чего его уставшая и вымотанная супруга пригрозила разводом, и пришлось обратить пристальное внимание на предохранение…

Второй по старшинству брат женился практически одновременно с первым, и они с женой ухитрились «идти ноздря в ноздрю» со старшим братом и его супругой – двое сыновей родились практически одновременно со своими двоюродными братом и сестрой. Но… жена среднего брата выводы делать умела, а умучившись с первыми сыновьями, до третьего ребёнка ситуацию доводить не стала, остановившись на двух отпрысках.

Третий, самый младший и поздний сын «жили-были дед и баба», имел разницу со своими старшими племянниками всего-то семь лет и, по глубочайшему убеждению Юлии, воздействовал на них самым катастрофическим образом:

– Это не дядюшка, это… орангутан какой-то! – думала она в детстве, глядя на висящих на дереве вниз головами братьев, которые копировали поведение дяди.

По истечении почти двадцати лет её мнение оставалось практически неизменным… Да-да, дядюшка в полной мере унаследовал мужскую привлекательность, свойственную всем Птичкиным, отрастил себе длинные волосы, исключительное самомнение и славу донжуанистого разлива, но…

– Гамадрил натуральный! И эти… тоже! – вздыхала Юля, вернувшись домой и обнаружив всю дружную компанию в гостиной. – Моночка, девочка моя! Как ты тут, в этом обезьяннике? – обратилась она к собаке, которая с исключительно философским видом рассматривала расположившихся кто где Птичкиных.

Глава 4. Птички на проводе

Компания радостно среагировала на возвращение хозяйки дома: белоснежная Мона Лиза завиляла коротким хвостом, братья завопили что-то приветственное, каждый на свой лад, а дядюшка, изображая крайнюю усталость, лениво взмахнул рукой.

– Юлёк, салют! – скучающе произнёс он. – А мы опять к тебе!

– Да я уж заметила… – констатировала Птичкина. – Сложно, знаешь ли, не обратить внимание на такое собрание.

– А чего ты такая злющая? – уточнил Юлин родной старший брат Костик по прозвищу Котя – рыжеватый, голубоглазый, обожающий котов и бокс. Он, несмотря на любимый вид спорта, каким-то образом сохранил абсолютно неповреждённую физиономию, чем весьма гордился.

– Я не злющая, я усталая. Пришла домой, а тут – вы!

– А тут мы, Юльчик! – охотно согласился балагур и весельчак Сашка – самый мелковатый из всех Птичкиных, зато компенсирующий это быстротой и ловкостью, насмешливый, зеленоглазый, русоволосый, увлечённый скейтер. Он, на правах младшего родного Юлиного брата, всегда позволял себе чуть больше остальных, в надежде на то, что сестра отнесётся к нему более снисходительно. – И мы тебе ужин приготовили! Почти.

– Не преуменьшай наши заслуги! – фыркнул Виктор – старший двоюродный брат, отличающийся высоким ростом, накачанной фигурой – даром он, что ли, всё свободное время проводил в спортзале, светловолосый, с глазами разного цвета – один светло-карий, а другой – зелёный. – Мы начистили картошку, поставили мясо… Скажи, Рыб?

Он вечно подкалывал своего младшего родного брата Лёху по прозвищу Рыб – синеглазого, темноволосого, даже среди Птичкиных выделяющегося привлекательностью, а ещё – очень молчаливого и регулярно влипающего в проблемы – если где-то можно было куда-то упасть и там застрять, это делал именно Лёха.

Рыб на эти слова Виктора принюхался и, каким-то сложным движением вывалившись из кресла, молча ринулся на кухню в сопровождении Моны.

– Поняяятно… это он забыл проверить, не превратился ли наш ужин в груду угля… – лениво протянул дядюшка всей честной компании – сероглазый, с тёмными длинными волосами, собранными в хвост, облачённый в дорогущую одежду, с ещё более дорогим гаджетом в руках.

По мнению Юлии, именно дядюшка Роман, а попросту Ромчик, и был самым главным раздолбаем и пижоном их семьи. Гаджеты были его слабостью, он тратил на них кучу денег, но пользовался недолго – вечно разбивал, страдал, стенал, а потом шёл и покупал ещё более дорогую игрушку.

Лёха, появившись в дверях кухни, лаконично объявил:

– Ужин!

– Он цел? – обрадовался голодный Костик, а увидев кивок Рыба, одним движением поднялся с дивана и зашагал на кухню. – Народ, ужин!

– Да мы уж поняли, – присоединились к нему остальные.

– Вот так и живём, – пробормотала Юля алабаю, которая пришла к ней и уселась у ног. – Они у меня как тараканы! Сами пришли, сами еду нашли, сами слопали… Правда, часто её и приносят, да и посуду моют, что не может не радовать!

– Вот видишь, и всё-таки мы тебя радуем! – у локтя Юльки образовался младший «мелкий» брат, которому она хорошо если до подбородка доставала, – Просто… ты же знаешь, мы – птицы стайные! Как-то поодиночке скучно и невкусно.

Это было правдой… уж как так вышло, никто не понял, но компания младших Птичкиных постоянно притягивалась в этакую дружную стайку, внутри которой им было и веселее, и уютнее, и сытнее, что уж там – кто-то из них что-то да сварганит или, на худой конец, купит на всех и приволочёт «в гнездо».

Наверное, срабатывала детская привычка, когда их родители, которые изо всех сил занимались зарабатыванием денег и противостоянием всевозможным кризисам, скидывали всех детей своим родителям, а те, в свою очередь, занятые работой, делегировали функцию присмотра за этим «детским садом» своему младшему сыну Роману.

– Ромочка, ты, как самый старший, пригляди за младшими! – командовали ему в виде напутствия, а возвращаясь и находя всех детей живыми-здоровыми, да ещё и вполне благополучными, радовались, что у них такой ответственный сын, пусть и поздний…

Правда, потом выяснилось, что Ромчик был к этому абсолютно непричастен, а к присмотру за кем-то ещё и непригоден – эту важную функцию решительно взяла на себя единственная девочка – Юлька.

Уж как Юле, мелкой и слабенькой, по сравнению с крупными Птичкиными, удавалось управляться со всеми братьями и даже дядюшкой, который был старше её аж на семь лет – сие есть тайна великая, но среди родни ходило убеждение, что всё дело было в загадочном «харрактере», передававшемся из поколения в поколение.

– Просто как только у нас в семье рождается много детей, среди них непременно появляется этакая «глава стаи», причём обычно девочка, – разводило руками старшее поколение. – Вот и нам подфартило! – радовались они, глядя, как Юлька «строит» братьев, что-то опять напортачивших в школе.

– Совести у вас ни на грош! – фыркала она, сверкая глазами на понурившихся родственников. – Вы зачем унитаз разбили? Чем он вам мешал-то? Только не надо мне рассказывать, что это была самозащита! А окно? Вы что, не соображаете, что нельзя на глазах у математички делать стойку на подоконнике четвёртого этажа? А дверь? Чем вам дверь-то помешала, балбесы! Она ж раньше вас в этой школе появилась, а вы её с петель сняли! – рычала Юля.

– И это в двенадцать-то лет… – многозначительно качал головами родня. – А уже такая командирша! И как она дальше-то будет?

А дальше так и шло – Птичкины росли, бедокурили, Юлька раздавала подзатыльники, конечно, когда могла добраться до головушек неразумных, а когда не могла, действовала тем самым загадочным «харрактерром», то есть личной харизмой, помноженной на яростное возмущение, напор и природный здравый смысл.

Отчасти благодаря этому ни один из её братьев не исполнил мрачных прогнозов учителей – все благополучно закончили школу, все поступили в вузы, причём после занятий они не отказывались от компаний однокурсников, но неизменно притягивались в свою «стаю». Даже мечта у них была – работать вместе. Собственно, они даже поступали с дальним прицелом – чтобы друг друга дополнять. Правда, когда все отучились, исполнить мечту сразу не вышло – устроились на работу кто куда, и им быстро стало понятно, что это как-то неправильно… Слишком много времени занимала у них эта самая работа и слишком мало оставалось на то, чтобы общаться.

Нет, любой другой человек сказал бы, что так и должно быть – взрослая жизнь, она такая. Но для стайки Птичкиных эти слова были не указ. Они долго соображали, что бы этакое замутить, чтобы им всё-таки всем вместе было чем заняться, чтобы это было доходно, удобно и вообще… не скучно.

Выход, найденный братьями и дядюшкой, заставил родичей схватиться за головы, а Юльку – хладнокровно пожать плечами и скомандовать:

– Лёху – в управленцы! Иначе он непременно свалится и покалечится!

Так они и поступили, организовав компанию «Птички на проводе» – высотные работы любой сложности от мытья окон в небоскрёбах до монтажа оборудования. Тут пригодились и технарские образования братьев, и их спортивные достижения, короче, как это ни странно, но братья и дядя вполне преуспевали, нанимали сотрудников, находили заказчиков, а после рабочего дня нередко «притягивались» в Юлькину квартиру – так-то по любому лучше. Стая – она и есть стая!

– Юль, а Юль, а ты чего такая злющая и усталая? – непринуждённо осведомился дядюшка, когда они расположились в кухне и ужинали. – Ты ж так Костику и не ответила!

– Я не злющая – повторила Юля, вспоминая «нашпигованную» ядом малину. – Будто вы не знаете, КАКАЯ я, когда злющая. Просто новую работу взяла, а там криминальная составляющая… Директора уже два раза пытались убить, а второй раз и мне чуть не прилетело…

Атмосфера за столом, которая мгновение назад была расслабленной, умиротворяющей и полной вкусных запахов, звона вилок и ножей о тарелки и негромкой болтовни, внезапно и стремительно изменилась.

– Чего? – сдавленно произнёс Костик-Котя, не замечая, что сгибает вилку в руках, превращая её во что-то замысловатое... – Что ты только что сказала?

– Кто? – одновременно с ним спросил Рыб-Лёха.

– Это как? – взвился Сашка, резко отодвинув тарелку.

– Кто этот смертник? – рыкнул Виктор, неосознанно потирая костяшки правой руки.

– Юлечка, – подобрался Роман, откинув назад волосы, – а вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее… Ты же знаешь, мы на удивление не переносим, когда кто-то пытается тебе даже нахамить… А уж такое!

Юля прошипела про себя нечто невежливое – вот надо же было так ляпнуть… Теперь не отвяжутся!

Да-да, братья Птичкины могли быть невозможными и надоедливыми, могли привалить к ней в час ночи и слопать всю еду, которая была в доме, а потом дружно отправиться в круглосуточный супермаркет и устроить там гонки с тележками, вернувшись с горой продуктов. Могли радостно сорвать её выходной день или приволочь к ней на знакомство очередную «любовь всей жизни», а с учётом того, что братьев четверо, плюс один дядюшка, то Юля этих «любовей» всех видов и мастей уже видела-перевидела…

Но… но они никогда и не думали оставлять её наедине с проблемами!

– Даже когда я об этом мечтаю! – мрачно думала Юля. – Я, может, сплю и вижу сама разобраться со своими проблемами, так нет же! Взяла и ляпнула во всеуслышание!

– Юлёк! – привлёк её внимание Виктор. – Давай колись, а то мы родителям нажалуемся…

– Тьфу на вас… – фыркнула Юлия. – Ладно, слушайте!

Она вкратце описала события, которые происходили с момента её устройства на работу к Княжину, и за столом воцарилась тишина.

– Странно… – наконец не выдержал обычно молчаливый Лёха. – Очень грубо.

– Это точно! – поддержал его Виктор. – Рыбка права.

– А с чего ты взял, что этот преступник непременно умный? – пожал плечами Константин. – Дураков-то тоже хватает.

– И ты думаешь, что дурака Юлька бы сразу не вычислила? – покачал головой Сашка. – Нет, тут как-то сложнее должно быть…

Дольше всех, как это ни странно, молчал Роман, он косился на задумчивую Юлю, переводил взгляд на племянников, а потом спросил:

– А ты сама-то что думаешь?

– Думаю… я думаю, что их двое. Один ворует, а второй покушается, – негромко произнесла она. – Причём тот, кто покушается, почему-то очень торопится. Ведь гораздо проще было

дождаться, пока Княжин поправится, вернётся на работу, и тогда устроить новое покушение – Евгений ведь всё равно поначалу будет перемещаться медленно, скорее всего, с палкой.

– А если устроить мозговой штурм и подумать, почему убийца торопится? – предложил Сашка. – Одна голова хорошо, а пять – лучше!

– Почему это пять? – удивился Костик. – Ты что? Юльку не считаешь?

– Юльку я считаю в первую очередь, это я просто тебя не учёл… Котя, вот ты со своим боксом точно уверен, что в твоей голове ещё что-то осталось? Или она у тебя только чтобы в неё есть?

Само собой, это заявление вызвало неотвратимое возмездие – из-под Сашки был выбит стул, и он оказался сидящим на полу, в компании сочувствующей Моны Лизы.

– Уй, Мончик, не лижись, у меня уже полголовы мокрые! А ведь за правду страдаю, за правду! Разве можно сказать, что это поступок человека умного? – ворчал Сашка, пока его не достали из-под стола руки Костика и Романа.

Юля пережидала эту детскую возню, философски нарезая прекрасно приготовленное мясо – Лёха всегда очень удачно готовил.

– Ладно, давайте попробуем, – согласилась она, когда все Птичкины снова оказались на своих местах. – Итак… кто у нас вор?

– Я ставлю на Пасечника! – заторопился Сашка. – Это же он распоряжения в бухгалтерию отдавал, а может, вошёл в сговор с главбухшей?

– А я думаю, что это Говоров! – заявил Константин.

– Почему? – Сашка спорить любил просто из любви к процессу.

– Потому, что он выжил прошлого бухгалтера.

– Да он просто туповатый… Разве такой может деньги увести?

– Ладно, положим… А кто тогда покушается? Дербенников? Но зачем ему?

– Треть фирмы! – вмешался Рыб.

– Так эта треть без нормального директора быстро станет минусом! – парировал Роман.

– Треть фирмы… – пробормотала Юлия. – Треть…

– Юль, ты чего-то поняла? – осторожно уточнил Сашка.

– Нет… что там можно понять? – независимо пожала плечами Птичкина, прекрасно зная, что предварительные выводы лучше не озвучивать.

– Так, народ! – Сашка прекрасно знал сестру. – Она что-то поняла, но делиться не хочет!

Следующие полчаса мужская часть стаи пыталась узнать у партизанящей Юлии, что именно она сообразила, или хотя бы ход мыслей.

– Кремень у нас сестра! – с досадливым уважением констатировал Котя. – Нипочём не скажет! А это значит что? – он вопросительно осмотрел присутствующих.

– Это значит, что раз она так, то мы будем её провожать и встречать! – объявил Роман на правах старшего.

– Нет, не будете!

– Будем-будем! – дружно посулили Птичкины. – Если бы тебя у нас было много…тогда ладно, одной больше, одной меньше, но ты – одна. Так что прости, но никуда тебе от нас не деться! Да, Мона?

И что оставалось Моне? Только согласиться! Так что коллективное решение было поддержано дружеским лаем и стоном Юлии, которая уже проходила это братско-дядюшкино сопровождение.

– Да на вас же все пялиться будут! – прошипела она. – У меня весь камуфляж из-за вас полетит!

– Зато все будут видеть, что ты под охраной и защитой! – солидно парировал Виктор, собрав правую руку в увесистый кулак.

– Куда я попала… с кем я связалась! В какой семье я ухитрилась родиться! Да хоть бы вы переженились скорее! – вздохнула Юля. – Вот будут у вас жёны, хоть отдохну!

– Не мечтай! У нас же будут не просто жёны, а тоже уже Птичкины – мы ж специально подбираем, чтобы в стаю… – доверительно сказал ей Сашка. – А вот когда ты замуж выйдешь – это проблема… придётся нам кандидатов пристально и внимательно отсматривать!

Юлька злорадно ухмыльнулась – уж она-то точно знала, что замуж она нипочём не выйдет – ей мужчин и так хватает! Когда-то какая-то дальняя родственница, пытаясь утешить, ей посулила:

– Вот выйдешь замуж, родится у тебя сыночек, а ты уже всё знаешь, как с ним управляться – практика-то какая была!

Доброжелательница не имела ни малейшего понятия, что этой фразы хватило, чтобы Юлька приняла решение – никаких мужей, мужчин и особенно сыночков!

– В кошмарном сне я всё это видела! В холодном поту! Ни-за-что! – твёрдо постановила она.

Глава 5. Ненужный и даже брошенный

С дневными сиделками Евгению как-то прямо-таки тотально не везло – новая оказалась невыносимо говорлива – она комментировала практически любое своё действие, и через час Княжин решил, что единственная защита от этой тётки – притворяться, что он спит, или заняться работой – тогда она уходила и оставляла его в покое.

Птичкина появилась утром, выслушала задание от начальства, исполнительно кивнула и отправилась его выполнять, а сиделка, от нечего делать подошедшая к окну, удивлённо констатировала:

– Ну надо же, как бывает! Такая девушка неинтересная, блёклая, а у неё такой парень красавец!

Евгению не было никакого дела до внешности парня Птичкиной, так что эту информацию он отбросил, как и прочий словесный мусор – прочь, да подальше!

И надо же было такому случиться, что на следующее утро сиделка, после ухода Юлии снова, конечно, совершенно случайно оказавшаяся у окна, от изумления ахнула:

– Глазам своим не верю! У этой самой вашей помощницы уже другой парень! И тоже ОЧЕНЬ красивый!

– Да какая вам разница… – прошипел раздражённый Евгений. – Может, это просто знакомый!

– Нет, не просто! – торжествующе заявила сиделка. – Он её обнимает! А вчерашний руку ей на плечо положил… так… интимно.

Княжину было абсолютно неинтересно кто и как обнимает его временную сотрудницу, зато крайне раздражала болтушка, так что он демонстративно погрузился в изучение финансовой базы собственной фирмы, устроив на выдвижном столике ноутбук.

Звонок в дверь заставил его насторожиться – он вспомнил о том, что на него было уже совершено два покушения, и, вполне возможно, будет и третье.

– Да лучше бы это оно было! – подумал он, узрев посетительницу, решительно отодвинувшую сиделку и вошедшую в его комнату.

– Милый! Так это ПРАВДА? – ахнула Лера, с которой Евгений недавно собирался ехать отдыхать.

– Лера, что ты тут делаешь? – рассердился Княжин, который точно помнил, что просил её не приезжать – ему до ужаса было неприятно сознавать, что эта безукоризненно красивая девушка будет видеть его в таком виде.

– Как что? Мы же должны были ехать на отдых, а потом ты вдруг всё отменил, да ещё не хотел меня видеть! И что я должна была подумать?

– Может, что я говорю тебе правду? Подо мной разрушилась конструкция…

– Да, ты об этом рассказывал, но… как же я могла поверить? Я подумала, что ты не хочешь ехать со мной, а нашёл себе какую-то другую! А ты… ты, оказывается, действительно упал! – по тону Леры было невозможно понять, что именно было бы предпочтительнее с её точки зрения, но она подумала и продолжила: – Упал и поломался…

От этого «поломался» Княжину захотелось куда-нибудь провалиться – желательно в подвал – туда Лера точно не полезет! Он и так ощущал себя на диво мерзко – беспомощный, преданный как минимум одним из своих ближайших соратников, с осознанием того, что его компанию, его достижения, его деньги, а главное, конечно, его жизнь и здоровье кто-то из очень близких к нему людей пытается попросту отнять!

– И тут ещё Лера… – простонал он про себя, – со своим «поломался»! Словно я – игрушка какая-то!

Лера, похоже, пыталась сообразить, как теперь ей себя вести – с одной стороны, отдых на дорогущем курорте, на который она так рассчитывала, точно обломился, а с другой – лето-то ещё не закончено, надо бы сообразить, как его лучше использовать – можно остаться с Княжиным, а можно – поискать кого-то ещё. Нет, ну а что? Ей рядом с Княжиным сиднем сидеть?

– Женчик, а ты долго… болеть будешь? – Лера решила вести себя честно – если подождать надо неделю или дней десять, то она это ещё потерпит…

– Долго, Лера! – процедил Евгений, вспоминая ироничный взгляд отца и его насмешливо поднятую бровь, когда он случайно встретился с сыном и Лерой.

– Бееедненький, – вздохнула она. – Ну тогда ладно, ты выздоравливай, а я… пошла. Договорились? Ах, да! Я тебе конфеты привезла, которые ты любишь, они у меня в машине валялись – ты их забыл, когда мы с тобой последний раз были… – Лера положила коробку конфет в шуршащем магазинном пакете на приставной столик, звучно чмокнула Евгения, кокетливо помахала ему рукой и удалилась.

Евгений только невесело усмехнулся – да, он тоже не был влюблён, просто проводил время с красивой девушкой, но так стремительно оказаться за бортом… этого он как-то не ожидал.

– Н-да… невысоко же я у неё котировался, – подумал он, и… это было неприятно! Нет-нет, в здоровом состоянии Евгений про Леру на следующий день, наверное, и не вспомнил бы, но, когда тебя так непринуждённо бросают, а ты абсолютно беспомощен и даже без штанов, это как-то до обидного усугубляет ситуацию.

Он раздражённо отодвинул коробку конфет и притянул к себе ноутбук, решив, что чем голову ерундой забивать, лучше поработать, и даже сделал это, но мерзкое ощущение его не покидало.

Через несколько часов вернулась Птичкина, принеся с собой «свежую добычу» – ненужные распечатки и очень нужные сведения, слухи и впечатления.

– Все трое ваших замов приходили ко мне с вопросом как вы себя чувствуете, – докладывала она. – Я ответила так, как мы и уговаривались – что с вами более-менее всё в порядке, – рассказывала застёгнутая на все пуговицы дешёвого офисного пиджачка «серая моль».

У Княжина, только что пострадавшего на личной почве, невольно возник вопрос, чем такая особа могла привлечь внимание даже одного привлекательного мужчины, а уж тем более двух, но так как обычно подобной ерундой он не страдал, то недостойная мыслишка была изгнана с позором – какое ему-то до этого дело?

Он задавал вопросы, получал на них подробные ответы, невольно удивляясь наблюдательности Юлии, а потом, слегка утомившись, потянул к себе коробку конфет, которые так и лежали на столике.

– Хочешь? – предложил он Птичкиной.

– Извините, а они откуда? – у Юлии невольно возникла не очень весёлая ассоциация с недавними ягодами.

– Что? Ааа, нет, этих можно не опасаться – это я в машине одной… знакомой забыл ещё до перелома.

Евгений начал вскрывать коробку, зашуршала и змейкой скользнула на пол прозрачная плёнка, Юля нагнулась за ней и замерла, выпрямившись:

– Странно… тут склейка!

– Что? Какая ещё склейка?

– Плёнка склеена прозрачным скотчем, – хмуро пояснила Юлия, отводя прозрачную конфетную «шкурку» в сторону, подальше от руки Княжина, который собирался её взять рассмотреть повнимательнее. – Не надо её брать, – пояснила она. – Лишние отпечатки.

– Юлия, вы что-то лишнее придумываете! – фыркнул и недовольно покосился на неё Евгений. – Моя знакомая к этому точно никак не причастна!

– Не спорю. Но плёнка была надрезана, а потом склеена, – констатировала Птичкина. – Вы же могли эту коробку в офисе оставлять…

Княжин уже хотел было очередной раз выразить своё неудовольствие, но тут невольно призадумался и…

– Вспомнил! Реально оставлял! Ёлки-палки… она пару дней у меня в кабинете лежала! – пробормотал он и потянулся за смартфоном – звонить Хантерову.

Тот выслушал, уточнил, не ел ли Евгений или ещё кто-то эти конфеты, велел коробку не трогать лишний раз, а лучше вообще отставить в сторону и не касаться.

– Мой сотрудник скоро придёт и заберёт конфеты и упаковку, и, если вы не против, возьмёт отпечатки пальцев – чтобы мы могли проверить, кто кроме вас касался коробки, а ещё я бы хотел пообщаться с вашей помощницей Юлией – возникли вопросы по поводу сотрудников, которых она могла видеть или что-то про них слышать. Так что, пожалуйста, отпустите её с моим человеком.

– Да, конечно, разумеется, – сразу же согласился обескураженный Княжин, который поглядывал на Птичкину со всё возрастающим уважением – кто бы ещё смог высмотреть прозрачную тоненькую полоску скотча на прозрачной же плёнке, которая предназначалась на выброс!

– Большинство людей просто смяли бы её и всё! – соображал Княжин, а вслух сказал:

– Я, кажется, опять должен вас поблагодарить!

– Не стоит, – хладнокровно ответила Юлия. – Во-первых, я тоже лицо заинтересованное – не хочется попробовать конфету с ненужной «начинкой», а во-вторых, я не люблю лишаться руководства – это как-то нерационально – кто деньги-то заплатит?

В этот момент, и Княжин почти мог бы в этом поклясться, незаметное и простоватое лицо Птичкиной сильно изменилось и стало похожим на… на совсем другое, но это длилось так недолго, что он решил – померещилось.

– Могу только порадоваться, что я вас нанял, – вздохнул он, изумлённо подняв голову – вот уж чего он не ожидал, так это того, что кто-то позвонит в дверь. – Если это опять Лера…

Юлия сделала вид, что последней фразы не расслышала – мало ли что начальство бормочет, скрипя при этом зубами…

В комнату вошла сиделка, а за ней – высокий и плечистый молодой мужчина:

– Меня зовут Иван Болотников. Кирилл Харитонович велел мне забрать коробку и упаковку к ней, а ещё проводить Юлию Птичкину, – доложился он.

– Так, секундочку… а вы что, телепортироваться умеете? – насторожился Княжин. – Я с Хантеровым говорил всего несколько минут назад!

– Нет, не умею, конечно, – бесстрастно доложил «курьер». – Просто мы же не могли оставить вас без охраны, мало ли что предпримет тот, кто устраивает покушения – ваш отец дал нам ключи от соседней квартиры, которая находится в его собственности, и у нас там наблюдательный пункт.

– Понятно… так какого же лешего вы Леру впустили? – довольно-таки язвительно поинтересовался Евгений.

– А мы её фото вашему отцу переслали, так он сказал, что это ваша девушка, поэтому и пустили, – Иван, разумеется, и не подумал упоминать о том, как Княжин-старший негромко добавил что-то вроде: «Возможно, ему это будет даже полезно».

– Ясно… ладно, забирайте коробку и плёнку. Юлия… и всё равно спасибо вам! – покосился он на Птичкину, которая встала и собралась уходить за Болотниковым.

– Всегда пожалуйста, – откликнулась «серая моль», исчезая в дверном проёме.

Ей было интересно, зачем это она понадобилась главе службы безопасности концерна Миронова, так что ехала Юля туда, пожалуй, даже с удовольствием.

– Почему по телефону-то было не спросить? – думала она.

А всё дело было в хантеровских «лапах загребущих» – Кириллу Харитоновичу очень хотелось посмотреть, как Птичкина среагирует на головное здание концерна, как воспримет его вопросы, как будет рассуждать при ответе…

Когда Хак задал «официальные» вопросы, ради которых сюда Юлию и привезли, и выслушал содержательные ответы, он мягко перешёл ко второй части разговора:

– А что вы, Юлия Андреевна, сами думаете обо всём этом? Есть же у вас какие-то предположения? Вы же помните, что Евгений Юрьевич вам разрешил говорить со мной откровенно?

– Помню, конечно, – кивнула Юля. – А предположения… я же не детектив.

– Не скромничайте! Вы своей наблюдательностью и знаниями уже два раза спасли Княжину жизнь.

– Просто повезло, – упорно скромничала Птичкина.

Но так как предположения у неё действительно были, и поделиться ими хотелось, Юлия решила не вредничать, тем более что и самой хочется…

– Мне кажется, что один из замов ворует, а другой, который и покушается на Евгения Юрьевича, это прекрасно видит, но молчит…

– Интересный вывод, – улыбнулся Хантеров. – А почему молчит и зачем покушается?

– Покушается для того, чтобы Княжин не успел обнаружить вывод денег. Поэтому, как мне кажется, злоумышленник и торопится! Если бы Евгений обнаружил хищение, то сразу вышиб бы вора из компании, а его долю изъял – у них это в уставе прописано.

Хантеров слушал с вежливым вниманием, но внутренне вовсю довольно улыбался – девчушка рассуждала абсолютно верно! А Юлия тем временем продолжала:

– А если бы покушение увенчалось успехом, то убийца получил бы двадцать три процента к своим десяти, а потом пришёл бы к вору и предъявил ему доказательства увода средств из компании. Он мог бы предложить два варианта развития событий – или вор отдаёт ему свою долю уставного капитала, официально переоформляя её, или доказательства его хищений уходят в полицию. В последнем случае вор теряет и деньги, и свободу. Таким образом у убийцы оказывается уже шестьдесят шесть процентов уставного капитала! И, если честно, я бы не поручилась за то, что третий участник ООО с таким раскладом благополучно прожил бы до старости…

Хантеров улыбался уже в открытую – выводы миниатюрной, незаметной и худенькой Птичкиной были абсолютно верны – именно к таким пришёл и он сам, и его сотрудники, ведущие расследование.

– Прекрасно! – он откинулся на спинку кресла. – А говорили, что не детектив! Всё правильно вы рассудили. А как вы думаете, кто из них кто?

– А вот не знаю, – пожала плечами Птичкина. – Подозрения есть, но это может быть личным… А вот доказательств у меня пока не имеется.

– И это тоже отлично! – одобрил Хантеров. – И то, что с окончательными выводами не торопитесь, и то, что доказательств нет… Боюсь, что, если бы они у вас появились, наш злоумышленник мог бы счесть, что ему не только Княжин мешает.

Юлия поёжилась, припомнив типа, которого подозревала больше всего.

– И про третьего участника ООО выводы у вас, как мне кажется, абсолютно верные – не будет наш упорный злоумышленник останавливаться на достигнутом. Правда, скорее всего, подождёт пару-тройку лет, может, попытается где-то подставить коллегу, чтобы отделаться от него банальным шантажом, а если не получится, будет готовить несчастный случай…

Тут смартфон Хантерова зазвонил.

– Слушаю. Понятно! Уже готов предварительный анализ? Отпечатков никаких, кроме следов Княжина и Птичкиной? А конфеты? Как мы и думали?

Он послушал ещё, пожал плечами и, отключив гаджет, положил его в сторону:

– Восемь конфет со следами вмешательств. Проверили одну – там явная добавка чего-то явно неполезного – не витамины же ему туда добавляли! Представляю, как переживает убийца – столько усилий, столько попыток, а Княжин всё жив-здоров! – хмыкнул Кирилл Харитонович. – Обидно небось «труженику»!

Юлия, услышав это, решительно постановила для себя, что пока не будет обнаружен и пойман злоумышленник, она в квартире Княжина даже воды из-под крана не выпьет!

– Начальство начальством, а я у себя одна!

Глава 6. Никакущая

Хантеров любил умных людей – им не приходится всё разжёвывать и объяснять по кругу, пока не дойдут здравые доводы до разума. Нет! Таким можно один раз объяснить и вуаля – готово!

Он особенно порадовался, что Княжин-старший принадлежит к породе подобных типов, когда завёл речь о полиции:

– Вы же понимаете, что к ним придётся обратиться… Нет, они, само собой, и так расследуют уже падение вашего сына, но у них нет наших последних данных, а, судя по всему, покушения не прекратятся, пока злоумышленник или не достигнет своей цели, или его не остановят!

– Да, понимаю! – кивнул Юрий Васильевич. – Более того, советовал сыну это сделать ещё на этапе ягод… но он упирается.

– Понимаю, понимаю, ему кажется, что вмешательство правоохранителей как-то повредит его драгоценной компании, – мягко усмехнулся Хак. – Но видите ли… вы же тоже можете это сделать – оставить заявление. Вы же лицо исключительно заинтересованное – дело-то идёт о жизни вашего единственного сына! А я, в свою очередь, вас подстрахую – обращение попадёт к тем, кто нас знает и работает с нами уже не первый раз.

Это полностью разрешило все затруднения Юрия Васильевича, и следователь, хорошо знакомый с Хантеровым, получил дело о покушении на Евгения Юрьевича Княжина, а также все собранные, пусть даже и не совсем по правилам, улики.

Когда Евгений узнал о том, что делом занялись официально, он едва в стену чашкой не швырнул, даже на отца наорал:

– Кто? Кто разрешил тебе вмешиваться? Это МОЁ дело! Я сам справлюсь!

– Да что ты говоришь? И как бы ты справился, если бы не Птичкина, которую, кстати, я же тебе и нашёл? – хладнокровно парировал родитель. – Ты спас себя при первом покушении – молодец! Отделался только травмами, но в остальном… никаких шансов бы у тебя не было! А ведь будет ещё что-то! Непременно будет, к сожалению! И даже твоя драгоценная фирма не стоит твоей жизни.

Юлия к новым обстоятельствам отнеслась с полным пониманием – не дело пыжиться, когда вокруг тебя убийца круги наворачивает! Сама она ощущала себя в полной безопасности – кому интересен серый и незаметный курьер-дурнушка? Да никому! Главное, в рот не тянуть ничего лишнего, а ещё хорошо бы отделаться от сопровождения братцев, но вот последнее пока никак не удавалось сделать – Птичкины славились своим упорством, что давало Евгению Княжину новую, хотя и совершенно непрошеную информацию.

– Ой, а девчушка-то опять с новым парнем! – изумлялась сиделка. – Да что за странность такая? Её уже пятый день каждое утро провожает новый ухажёр! И все красавцы как на подбор! И все разные такие! И чем она их берёт-то? А? На неё же без слёз не взглянешь, тощая, серая какая-то вся, никакущая…

Тут уже чашка чуть было не полетела в сторону сиделки, и только хорошее воспитание Княжина спасло посуду от преждевременной гибели!

Правда, не отметить справедливость слов сиделки было невозможно – Юля действительно производила именно такое впечатление. Нет, бывают роскошные русые волосы, но у Птичкиной они напоминали что-то припылённо-тусклое, тёмно-серо-русо унылое. Бывают сияющие чистые и ясные серые глаза, но Юлины были невзрачными, неинтересными. И лицо у неё подкачало – напоминало непропечённый бледный плоский блин, на котором почти не выделялись блёклые брови и белёсые ресницы.

– Никакущая! – с мрачным удовлетворением повторила сиделка, машинально бросая взгляд на собственное отражение – уж она-то, пусть и старше лет на десять-пятнадцать, гораздо, гораздо, симпатичнее!

Хорошо, что она не видела Княжина, который её провожал наимрачнейшим взглядом, прекрасно расшифровав её кокетливые разглядывания себя в зеркале.

– И эта туда же! Да какая мне разница, как выглядит Птичкина, если от неё столько пользы?

Он с возрастающим удовольствием слушал доклады Юлии, изумляясь наблюдательности, памяти, знаниям, безукоризненной логике и сообразительности своего шпиона. Да, конечно, тут играло роль ещё и то, что больше-то он почти ни с кем не общался, но, если честно, Юлины таланты произвели бы на него впечатление и в более привычной и нормальной обстановке. Он даже на её внешность перестал внимание обращать – какая ему разница-то, когда от человека такая польза.

Знал бы он, насколько много от Юли было этой самой пользы!

В один из дней её вызвали в кабинет Пасечника, где собрались все трое замов. Юля вошла скромно, прошмыгнув тихой мышкой мимо секретаря, и, успешно изображая ничтожную трудовую единицу, замерла у порога.

– Ну что вы там застыли, сюда идите! – приказал Александр Пасечник, кивая на стул. – Мы хотели у вас уточнить, как там дела у Евгения?

– Нормально… наверное, – с запинкой сказала серая личность, старательно расправляя на коленях серую юбку своего плоховато пошитого костюма.

– Но он же там небось от усталости уже загибается… – обеспокоенно заметил Ростислав Говоров.

– Ещё бы! – подхватил Николай Дербенников. – Столько документов запрашивать…

Они всё выражали и выражали обеспокоенность, а Юлия в это время стремительно прикидывала, что в самом-пресамом хорошем случае находится в компании одного порядочного зама, одного вора и одного убийцы, и, следовательно, эти разговоры происходят вовсе не просто так!

Она лихорадочно соображала:

– Как минимум двое из них нервничают из-за того, что Княжин может обнаружить вывод денег, и если вор просто психует – у Евгения-то сейчас появилось больше времени на скрупулёзный анализ деятельности, то убийца из-за этого же может начать действовать активнее. Кто его знает, что он там понапридумывает? Может, какого-то наёмника подошлёт или ещё какую-то отраву доставит? А может, сиделку подкупит… А нам это надо? По-моему – нет! Если Княжина… того, то кто мне заплатит-то? Нет, можно будет, конечно, к его отцу обратиться, но нехорошо будет сразу лезть с оплатой к человеку, убитому горем. Это уж как-то перебор… с одной стороны, а с другой – убийца от отчаяния и из-за того, что ничего не получается, а ему срочно нужно избавиться от Княжина, вполне может стать опаснее загнанной крысы. Нехорошо! Если что, взбодрить-то их всегда можно будет, а пока лучше бы угомонить…

Это самое «нехорошо», с точки зрения Юли, требовало экстренных мер для успокоения окружающей среды, то есть взбудораженного комплекта замов, поэтому она глуповато похлопала глазами и хихикнула:

– Да вы чего? Правда думаете, что он всё это прям просматривает? Я ж вижу, что эти кипы бумаг так и лежат нетронутые!

Замы воззрились на неё.

– Правда? – удивился Пасечник. – Непохоже на него!

– Да ладно? – отреагировал Говоров.

– Не может такого быть! – фыркнул Дербенников.

– Как же «не может»? – Птичкина сделала вид, что обиделась. – Я что, вру, что ли?

– Хорошо, положим, это правда, – нахмурился Пасечник. – Но зачем он тогда всё это запрашивает?

– Как зачем? – «удивилась» Юлия. – Он же болеет, кости у него срастаются неважно, ему обезболивающее дают да снотворное, вот он толком ничем заниматься не может, а вдруг вы тут все того…

– Чего того? – переспросил Дербенников.

– Ну это… расслабитесь? Вот он и делает что-то вроде контроля, – с выражением самодовольной уверенности ответила Птичкина.

Тут она как бы спохватилась и испуганно пискнула:

– Ой, зря я всё это вам сказала! Я того… я ж не всерьёз! Вы ж ему не скажете? Нет?

Ну, конечно, все трое переглянулись и, видя перед собой неумную болтушку, расслабились и заверили её, что доносить не будут, но чтобы впредь ни-ни! Никому это не говорила!

– Да я ж никому и не сказала бы, кроме вас – вы ж эти… доверенные лица! – оправдывалась Юлечка, старательно не выходя из роли, которую за все годы подобной работы изучила назубок!

Ах, как удобно быть глупой, серой, незаметной и неважной… этаким самым мелким и неважным камушком в пирамиде рангов и должностей. Птичкина была убеждена, что самый обычный коричневатый и мелкий воробей может подчас знать, слышать и видеть гораздо, гораздо больше зоркого сокола или орла – они-то, конечно, птицы важные, сильные…

– А я – так… жалкая мелочь, на которую и внимания обращать не стоит, только вот я могу быть везде, а главное – при мне не стесняются – чего такую стесняться-то? При мне болтают так много лишнего, что только запоминай!

***

Жаль, что даже воробьи, не говоря уже о курьерах, не умеют читать чужие мысли, а ведь они были весьма интересными:

– И как же нам быть-то? Как справиться с тендером? Если Князь постоянно под обезболом и снотворным, то я боюсь, мы не вытянем… – думал один из замов, борясь с желанием схватиться за голову и побегать по потолку. – Там же будут сложные переговоры…

– Счастье какое! – радовался второй, вышагивая по своему кабинету. – Просто облегчение! Ничего-то он не может… Вот и хорошо, вот и замечательно! Потом-то, когда вернётся, ему придётся решать такой вал проблем, что про мои платежи он и не узнает никогда… И это просто супер! А может… может, ещё разок рискнуть и проплатить? – радость и облегчение сменились сосущим чувством где-то в районе груди – жаждой взять ещё, ещё…

– Так, понятно всё! Раз он под препаратами, ему и не передали ягоды… но почему ничего не слышно об отравлении кого-то другого? – думал третий. Нет, ему не было жаль каких-то сторонних людей – тут уж каждый за себя и для себя, но лишние жертвы привлекали бы ненужное внимание… – Скорее всего, у сиделки аллергия или что-то в этом роде, вот она и не потребила Князевы ягоды с начинкой. Ну и хорошо, вот и замечательно! Раз он ничего из документов не смотрит, а дрыхнет и лишнего не отыщет, то пусть ещё немного поживёт. Потом-то его грохнуть будет куда проще – когда Женчик тут будет на костылях ковылять, он станет беспомощнее котёнка, вот тогда-то я его и достану!

Этот третий Княжина терпеть не мог, подспудно ощущая некую несправедливость – да-да, а почему этому «богатенькому» всё, а ему ничего?

Что плохого в том, что сын вполне состоятельного отца не прожигает отцовские деньги, а сам основал и поднял вполне себе жизнеспособную и доходную компанию, убийца сказать не мог бы, даже если бы задал себе такой вопрос. Также было непонятно, почему это «ему ничего», если он очень даже успешно зарабатывает с подачи этого самого «богатенького» Княжина? Тот на зарплаты и премии никогда не жилился, равно как не поскупился на начальный небольшой, но всё-таки кусок своего пирога – уставный-то капитал компании он внёс сам,

заложив свою квартиру. Да, тот кредит он давно погасил, но он же мог никакие проценты замам не раздавать.

Только вот что поделать, если некоторым всегда будет мало, но кто-то просто тащит то, до чего дотянется, а кто-то, прикрываясь какой-то особой «справедливостью», работающей только в его сторону, попытается отнять вообще всё, если сможет, конечно.

***

Юлия рассказала Евгению о результатах разговора с его замами в тот же день:

– Н-да… то есть в ближайшее время убивать меня не будут? – вздохнул он, ероша волосы. – Это, конечно, отчасти радует, но я уже так устал от этого тупого лежания, что хотелось бы решить что-то побыстрее!

Он бесконечно пытался понять, кто же из его замов, каждого из которых знал так хорошо, что считал практически близкими друзьями, пытается покушаться на его жизнь, а кто – на имущество? Ночами сон долго не приходил, а когда Женя всё-таки засыпал, то его мучили кошмары – каждый из троих примерял то одну, то другую роль…

Хантеров, который тоже узнал о самодеятельности «курьера», только хмыкнул – ему, конечно, и в голову не пришло снимать пост охраны из квартиры рядом – ещё чего не хватало. Зато он, разумеется, по согласованию с немного упирающимся Евгением, подключил к его бухгалтерии своего аудитора.

– Моя Марина проконтролирует, чтобы ваш крысёныш, кто бы он ни был, больше ничего не уволок, – усмехнулся Кирилл Харитонович. – Знаю я этот типаж – такие, запустив лапы в кубышку, не могут остановиться, непременно вновь и вновь будут пытаться уволочь что-то ещё, на этом, конечно, потом и попадаются, но вам-то лишние потери зачем? Если честно, то старания Юлии, скорее всего, успокоят убийцу, но, возможно, подстегнут вора – всё зависит от его жадности.

Юлия, поразмыслив как следует, тоже пришла к такому мнению, но всё-таки надеялась на здравомыслие этого неизвестного типа, а скорее, на его чувство самосохранения.

Увы… жадность пересилила это полезное качество…

Запланированный платёж на дублированную компанию ООО «Ресурс инжиниринг» был внесён в реестр платежей и отразился в облаке через одиннадцать дней после разговора «курьера» с замами Княжина – ровно столько времени потребовалось одному из них на то, чтобы решиться рискнуть ещё раз.

Сообщение от своего детектива-аудитора об этом событии Хантеров получил через восемь минут после этого.

– Марина у меня золото! – хмыкнул он про себя, радуясь, что он так точно и грамотно выбрал и переманил в концерн столь ценного специалиста. – Даже будучи беременной работает так, что лучше не придумать! Ну теперь пойдёт движуха, как выражается Ванька, – процитировав таким образом своего племянника, Хак с любопытством начал ожидать означенного явления.

И она пошла! Первым отреагировал предупреждённый Княжиным банк – платёж был заблокирован. Второй – обычно равнодушная главбух Евгения – она, когда её подчинённая сообщила о блокировке платежа, начала выяснять, что происходит. Дальше события развивались и вовсе стремительно.

– У нас проблемы, – сообщила она одновременно всем трём замам. – Банк, ссылаясь на какой-то внутренний протокол безопасности, остановил платёж на восемь с половиной миллионов на ООО «Ресурс инжиниринг».

Реакция замов была кардинально противоположной – один пожал плечами – с его точки зрения, это обычные банковские заморочки – ничего страшного… разберутся, разблокируют. Второй похолодел от ужаса, а третий – внутренне полыхнул яростью так, что с удовольствием

вот прямо сейчас, не сходя с места, придушил бы этого ненасытного вороватого идиота, правда, на его внешности и поведении это никак не отразилось.

И тут, в этот волнующий момент, появилась серая курьерша, к которой уже все успели привыкнуть. Она, как обычно, поскреблась в дверь и сообщила:

– Я тут чего… Вам Евгений Юрьевич просил передать, что он готов вас принять.

– Когда? – встрепенулся Пасечник.

– Да, когда? – развернулся на крутящемся кресле Говоров.

Дербенников только вопросительно воззрился на Птичкину.

– Да сегодня и готов. Ему делали рентген, вроде как кости срастаются хорошо, так что он, перед тем как ему препараты колоть будут, ну, эти… обезболивающие и успокоительные, будет рад с вами пообщаться! Часиков в девять вечера.

Три зама переглянулись и заторопились каждый к себе – собираться к начальству.

– Ну-ну, – думала Юля, глядя в их спины. – И кто с чем поедет? И что-то мне кажется, что один – с «подарочком выздоравливающему»…

Выздоравливающий, которому вообще-то делали рентген накануне, действительно обрадовав его тем, что скорость сращивания костей у него просто замечательная, с волнением ожидал замов:

– Вы ж, главное, их не спугните! – напутствовал его Хантеров. – А то намекнёте ещё на что-то лишнее.

– Я постараюсь… – Княжину явно не нравилась идея стать подсадной уткой, но он так устал и измучился за это время, что был согласен даже на такую роль, абы только всё скорее закончилось.

Правда, пока до «закончилось» было далеко – все трое прибыли точно в девять, все с гостинцами: хозяйственный Пасечник – с каким-то порошком из оленьих пантов для скорейшего сращения костей, Говоров – с грудой дорогих деликатесов, а Дербенников – с дорогущим коньяком.

– Ну наконец-то! – загомонили они. – А то ты нас как избегать стал…

– Да вы ж видите, в каком я состоянии! – улыбался Княжин, всматриваясь в лица замов – все выглядели как обычно. – Я только сегодня более-менее в себе, а то постоянно или полусонный, или почти в отключке. Ноги ноют невыносимо, спина затекает, а ещё, – тут он понизил голос, – дневная сиделка достала – невозможно болтливая. Ночная-то ничего… Коль, да не в этом смысле ничего, – фыркнул он в сторону Дербенникова. – В бытовом – она чаю себе заварит и сидит всю ночь на кухне – когда позову, приходит, а так не трогает.

Конечно, он не заметил, кто из замов выходил в сторону кухни… да они все туда выходили – кто стаканы нёс, кто деликатесы резал, кто посуду тащил.

– Нет, выпить не могу – мне же сейчас капельницу поставят, – отказался Княжин. – И нарезки не могу – ребят, я на диете… когда лежишь, многое меняется. Короче, лучше не спрашивайте, но тут я – пас! Лучше просто поговорите со мной, а то я уже одичал! Как там у вас дела?

Они пили, ели и разговаривали с ним – всё как он попросил, но кто-то из них знал, что это в последний раз…

Глава 7. Очень осмотрительный человек

Евгений смотрел на лица людей, которых, как он думал, знает так хорошо, и едва сдерживался, чтобы не заорать в голос:

– Кто из вас? Кому так мало было денег, что вы решились один на кражу, а другой – на кучу попыток убийства? Кто из вас две ненасытные твари?

Но, само собой, ничего подобного говорить он не стал, просто всё чаще прикрывал глаза, чтобы не видеть лица замов – вечерело, в комнату вползали сумерки и на лица странно укладывались тени, словно намекая на то, что люди часто не то, кем кажутся… Темнела ширма, установленная в углу комнаты, за которой стыдливо пряталось судно и прочие интимные средства ухода, тяжёлые занавески превратились во что-то монументальное, а кресло в дальнем углу комнаты напоминало какого-то зверя, замершего и приготовившегося к прыжку.

– Рося, да включи ты свет! – хохотнул Пасечник. – Чего в темноте-то сидим, как в пещере? Скоро еду будет не рассмотреть!

– Я терпеть не могу, когда меня так называют, – разворчался, явно нервничая, Ростислав Говоров, едва не выронив из рук бутерброд. – И ты про это прекрасно знаешь!

Пасечник, который не смущался никаким вариантам его имени, только фыркнул, пожал дюжими плечами, хотел было выдать ещё несколько прозваний Говорова, который уже начинал закипать, но их остановил разумный Дербенников, который обычно выступал между коллегами миротворцем:

– Да ладно вам! Раст, не заводись, а лучше, действительно, включи свет!

– Так бы сразу, – Говоров встал и щёлкнул выключателем, под потолком зажглась люстра, прогоняя тени, комната сразу стала обычной, люди – привычными, только вот это ничуть не изменило реальность…

Эта реальность воцарилась, заняв собой всё пространство, стоило только замам распрощаться и уйти – из соседней комнаты, якобы запертой, вышли несколько человек:

– Как мы и думали – один из них услышал ваше упоминание о чае ночной сиделки и подлил какое-то средство ей в заварочный чайник, – сообщили Евгению. – А потом забрал запасную связку ключей, которая у вас в прихожей в шкафу была.

– Кто?

– Пусть это пока останется в секрете…

– Но почему? И… и что там было? Яд? – вскинулся Княжин, который, если уж совсем честно, переживал, а не отравлены ли еда и выпивка, которые его замы принесли с собой.

– Зачем сразу яд? Снотворное, скорее всего. Мы проверим, разумеется – содержимое чайника уже увозят на анализ, но ему нет никакого резона травить сиделку – он же не идиот, – ответили Евгению сотрудники полиции.

Женя лежал и вспоминал, что даже хотел отказаться от этого плана, но его разубедил Хантеров:

– Ваш зам, я, конечно, имею в виду того, кто покушается, отнюдь не дурак! Все случаи, которые вы пережили, были выстроены по одному и тому же сценарию – ни один из них не мог прямо указать на виновника, да и как-то доказать его причастность было бы очень проблематично. Отравленные конфеты несколько дней лежали в офисе, но все знали, что они ваши, так что взять и употребить их никто бы не посмел, а вот взять и отравить мог практически каждый. Обрушение конструкции тоже было подстроено так, что никто не видел виновника, а подозреваемых было множество. Да и случай с ягодами подпадает под это же – обнаружить того самого курьера, который привёз фрукты и ягоды, не представляется возможным, а послать его мог вообще кто угодно. Короче, убийца не подставляется и ни за что не станет подвергать себя опасности.

Хак покосился на посмурневшего Княжина и продолжил:

– Такой человек ни за что не принесёт с собой отраву в небольшую компанию – его же смогут раскрыть. Кроме того, ему сейчас категорически невыгодна смерть двух других ваших замов… Нет-нет, только не сейчас.

– Понимаю, – с трудом сглотнув, проговорил Княжин и глубоко задумался.

– Вы, кажется, догадались, о ком речь? – прищурился Хантеров.

– Думаю, да… я, конечно, никогда не заподозрил бы его в таких вещах, как убийство, но крайняя осмотрительность с теми, кто признан им опасными или нужными – это именно его качество. Он никогда не будет рисковать, никогда не пойдёт в лобовую, если можно обойти препятствие. В бизнесе это прекрасное качество, – Княжин до боли всматривался в темноту за окном, а перед глазами стояла фигура его зама… Надёжного, умного, умелого, с которым он бок о бок проработал столько времени, с которым они делились и радостями, и трудностями… да всем, всем, что было!

– Да, для бизнеса – хорошее, да и для жизни весьма неплохое, – согласился Хантеров, прекрасно понимавший Евгения – уж он-то прекрасно знал, как тяжко пережить предательство… – Другое дело, что любое качество, да и любой предмет можно использовать как на пользу, так и на дикий вред. Но хорошо, что вы поняли, кто это.

– То есть… я прав? – имя не было названо, но Княжин почему-то был уверен, что Хантеров знает, о ком он говорит.

– Да. Это он, – кивнул Хак. – Так что теперь не удивитесь, увидев его.

– А он ножом-то меня не пырнёт? – невесело уточнил Евгений. – Или подушку на лицо…

– Ножом не успеет, – уверенно заявил Хантеров. – Подушкой – тем более. И он же знает, что вы под снотворным и обезболивающими, так что торопиться ему нет смысла. Скорее всего, что-то добавит в капельницу. А что? Сиделка выпила чай, расслабилась, заспалась, перепутала препараты, может, слишком большую дозу снотворного дала.

– Бррр… – передёрнул плечами Княжин. – Да… он же присматривался к флакону, укреплённому на штативе капельницы, который якобы был для меня приготовлен на вечер!

– Конечно, присматривался – ему же страсть как интересно было! – хохотнул Хак. – Он вообще такой любопытный. Вот мы и поглядим на ночное явление этого типа!

– Вы так говорите, словно вам это доставляет удовольствие!

– Доставляет, – согласился Хантеров, недобро прищурившись. – Люблю охоту… на таких существ. Чем меньше подобных ходит среди обычных нормальных людей, тем для всех лучше. И не волнуйтесь… Никак он вам навредить не сможет – игла капельницы будет спрятана под одеялом и её содержимое достанется ёмкости у вас под рукой. Подушка, как мы с вами уже обсудили, отпадает, нож – тоже. Сотрудники полиции и наша служба будет в непосредственной близости, – он кивнул на ширму, – Да и так их тут будет достаточно, так что не переживайте!

– Да поздно уже переживать… наверное, – вздохнул Евгений. – Теперь только выживать надо!

– Вот это правильно! – кивнул Хантеров. – Ладно, пора – выключаем свет, и вы типа спите…

Наблюдающий за квартирой Княжина довольно кивнул сам себе – погасли все светящиеся прямоугольники окон, кроме окна кухни.

– Ну, давай, давай! Пей свой чай и дрыхни! Пора! – мысленно торопил он сиделку. – Спи уже, мне как-то не в кассу и тебя на тот свет отправлять – ты мне ещё пригодишься, как коза отпущения!

Замок щёлкнул тихо, но ему показалось, что этот звук слышен на весь многоквартирный дом, и он замер, пережидая страх.

– Почему-то раньше было проще, – думал он, надавливая на дверную ручку ладонью, облачённой в медицинскую перчатку, и входя в квартиру Княжина. – Ну да… я ж не видел…

Осторожно заглянув на кухню, мужчина с удовлетворением увидел сиделку, которая спала, подмостив под голову скрещённые руки, и посапывала. А рядом стоял чайничек с прилично уменьшившимся количеством чай и недопитая чашка.

– Спи-спи… – усмехнулся он, явно подбадривая себя. – Потом надо будет чайник и чашку вылить и ополоснуть. Так, а теперь к Женьку́!

Высокий силуэт скользнул в комнату, из которой он совсем недавно ушёл, улыбаясь хозяину и желая ему скорейшего выздоровления.

– А что? Он прямо сейчас и выздоровеет, – холодно усмехнулся он про себя. – Мёртвые-то не болеют!

Шторы были не задёрнуты, так что отчётливо виднелась кровать со сложной конструкцией, на которой располагались ноги Княжина, была прекрасно видна темноволосая растрёпанная голова с отросшими за время болезни волосами, но пришелец и не думал рассматривать спящего – он, чай, не баба, любоваться на этого красавца. На ширму, за которой – он специально заглянул туда, когда только пришёл в гости с другими замами, – было всякое… ненужное для его замысла, он и не посмотрел. Нет! Его интересовала только капельница, которая стояла у кровати.

Он достал из кармана шприц, снял колпачок и решительно ввёл иглу в трубку, которая вела от капельницы к Княжину, исчезая под одеялом. Да, в катетер было бы надёжнее, но природная осторожность не позволяла хоть как-то рисковать – ещё проснётся красавчик, начнёт отбиваться…

– Да, я с ним сейчас всё равно справлюсь, ноги-то у него к этой конструкции привинчены, но тогда версия о безделье сиделки не сработает! – рассуждал пришелец. – Лучше так…

Движение поршня шприца погнало его содержимое в инфузионный проводник – именно так называется капельничная трубка.

– Так… раз, и два… – хладнокровно усмехнувшись, он достал шприц, потянул поршень на себя, набирая воздух, и снова ввёл иглу в трубку. – Десять кубов есть. Немного подожду и ещё пару введу, – решил он, подкручивая капельницу так, чтобы она работала активнее, прогоняя воздушные пузыри к вене Княжина. – Двадцати кубов воздуха в вену никто не переживёт, даже такой везунчик, как ты, Князь! А я что? Я ни при чём – сиделка заспалась, за капельницей не следила, вот она и засбоила…

Он подождал, пока первый воздушный пузырь, растянутый по трубке, почти скрылся под краем одеяла, а второй подобрался поближе к первому, и снова оттянул поршень, загоняя в шприц воздух, вводя третью порцию воздуха в гибкую прозрачную трубку. А потом… внезапно насторожился – почудился от окна какой-то звук.

– Нервы, нервы… это же что-то на улице! – успокоил себя убийца, вновь поворачиваясь к капельнице, и тут прозвучал негромкий щелчок, вспыхнул яркий свет, отлетела в сторону ширма, и оттуда к опешившему Николаю Дербенникову выскочили люди.

Он, несмотря на крайнее изумление, среагировал стремительно – прыгнул к выходу из комнаты, но тут же налетел на здоровенного крепыша в форме, под руками которого как-то быстро иссяк весь боевой пыл русоволосого красавца Николая.

– Ну надо же… а ведь вы, господин Дербенников, сумели нас удивить! – послышался чей-то насмешливый голос. – Мы-то тут коллективно думали, что вы шприц со снотворным принесёте, а это вы, оказывается, к самой капельнице присматривались, да решили не усложнять, а воздухом систему нашпиговать! Оригинально…

Дербенников во все глаза смотрел на невзрачного человека среднего роста со средней внешностью – мимо пройдёшь – не заметишь. Правда, через миг его внимание привлекло движение на кровати.

– Всё равно… воздух уже попал тебе в вену! – просипел Николай, ненавидяще глядя на Княжина. – Слышишь, Женчик? Закончилось твоё везение, Князь!

– В вену? – переспросил Евгений, доставая из-под одеяла пластиковый герметичный контейнер, куда была воткнута игла капельницы. – В эту, что ли?

– Не… Не может быть! Ты должен был сдохнуть! Ты… вечный везунчик-красавчик! И деньги ему, и девки самые красивые, и фирма – всё ему!

– Да что тебе самому-то не хватало? – Княжин честно пытался хоть как-то понять бывшего зама, бывшего приятеля, бывшего соратника. – Чего тебе надо было от меня?

– Всё! Всё твоё! Я тоже хотел всё это! – выкрикнул Дербенников. – Ну почемууу так всё выыыышлооо? – завыл он, забившись в руках сотрудников полиции. – Почемуууу…

– Всё, лирическое отступление закончилось, – скомандовал сотрудник Следственного комитета, протолкавшись в комнату и понаблюдав за истерикой задержанного. – Выводите его.

Хантеров вышел вслед за ними, а потом вернулся к Княжину, рядом с которым исполнительно караулил один из сотрудников безопасности концерна.

– Вань, иди разберись там с аппаратурой, – велел Хак подчинённому, а сам обратился к Евгению. – Завтра, как и договаривались, работаем с вашим воришкой. Отгадали, кто он?

– Думаю, что Говоров… – вздохнул Княжин. – Ростислав вчера перепсиховал просто… Так-то он все подколки по поводу его имени нормально переносит, а вот когда нервничает, аж взвивается. Да к тому же работы, которые нам делал «Ресурс инжиниринг», он принимал, то есть в документации отлично разбирается. Небось просто скопировал бы их под нужный объём денежных средства и подвёл обоснователную базу – мол, нужно для нас это, и всё тут!

– Всё верно, и тут вы не ошиблись, – кивнул Кирилл Харитонович. – Деньги уводил действительно Говоров – он себе квартиру покупает, вот и решил ускорить процесс вашими деньгами.

– Понятно… – тяжело вздохнул Евгений, который теперь пытался понять, как ему выкрутиться с работой, оставшись без двух замов, а только с Пасечником, который без сомнения был исключительно работящим и вообще этаким «рабочим конём», но звёзд не ловил… – Переговоры по тендеру… – простонал Княжин, внезапно припомнив событие, которое собирался вытягивать он сам, а когда стало понятно, что ему это физически не под силу, заменить его должен был харизматичный Дербенников.

– А что? – живенько заинтересовался Хак. – Некого послать?

– Некого… Пасечник детали, конечно, досконально обсудит, но там, с той стороны, такой зубастый тип, что он мне Сашку пережуёт и выплюнет!

– Так усильте вашего Пасечника…

– Кем?

– Как кем? Тёмной лошадкой… – доброжелательно порекомендовал Хак, которому ужасно хотелось кое-что проверить. – А ещё – фактором неожиданности – и ведь у вас всё это имеется!

– Это кто такой у меня? – удивился Евгений.

– Не такой, а такая… Вот чует моё сердце, что Юлия Птичкина сама кого хотите пережуёт и выплюнет!

– Кирилл Харитонович, да вы шутите? – Княжин аж привстать попытался, но тут же рухнул обратно, болезненно сморщившись.

– Ни в коем случае не шучу! Я более чем серьёзен!

– Она, конечно, как добытчик информации – бесценна – умная, внимательная, очень сообразительная, но она же совершенно незаметна! Такую никак не воспримут всерьёз!

– А вы попробуйте – пустите её в офис как вашего временного зама. Она уже в курсе того, что и как происходит…

– Да её там слопают! – Княжин прекрасно понимал, что внезапно возвысившуюся выскочку никто щадить не станет, так что даже посочувствовал этой невзрачной, но умненькой девчушке.

– Попытка не пытка… – явно усмехался собеседник.

– Смотря для кого, – упирался вообще-то вполне добросердечный Евгений, но Хак умел убеждать, так что Княжин решил попробовать запустить в офис Юлию – там завтра будут потрясения и кошмар, связанные с Говоровым, глядишь, и не слопают Птичкину сразу…

***

На следующий день, не обнаружив на работе Николая, Ростислав Говоров раз за разом возмущённо набирал его номер, а потом, буквально через полчаса, уже трясся в своём кресле перед людьми в форме, которые решительно вошли в его кабинет и сообщили о том, что его кража денег у работодателя отнюдь не прошла незамеченной.

Поначалу он попытался откреститься, мол, не знаю, не ведаю, я не я, платёжка не моя, но уже через несколько минут признался в содеянном и торопливо обещал всё-всё вернуть!

Пасечник, оставшись в гордом одиночестве, поначалу ничего не понял, а переговорив с Княжиным, тяжело осел на стуле в приёмной и схватился за голову:

– Они что? Все сбрендили? Один деньги попёр, другой вообще… того… – тоскливо выдохнул он. – Что же теперь с нами будет? Я ж сам всё не потяну!

Глава 8. Можно попробовать

Юлия Птичкина с некоторым изумлением рассматривала своего временного работодателя – тот мялся, ёжился и, кажется, даже краснел…

– Понимаете, Юлия… тут такое дело… – повторял он уже раз четвёртый с разными вариациями. – Как бы это…

– Говорите как есть! – решительно велела Птичкина – в самом-то деле, чего кота тянуть за хвост? Ещё вырастет у котика дополнительный хвостище!

– Эээ, короче, в связи с теми событиями, о которых я вам уже рассказал, у меня на работе административный кошмар – остался один зам, я, сами видите, сейчас ограничен этой проклятой кроватью, а в офисе – полный разброд и шатание…

– И что вам нужно? – Юля не любила, когда вокруг неё, образно выражаясь, водили хороводы, словно она – новогодняя ёлка.

– Понимаете, я подумал… Нет, наверное, вам это будет трудно… – снова запереживал Княжин, который, несмотря на видимое хладнокровие и бизнес-закалку, был вполне добросердечен и очень старался намеренно людей не подставлять.

– Да вы мне обрисуйте задачу, и я вам скажу, выполнима она или нет, – ответила здравомыслящая Юлия.

– Короче говоря, я бы хотел, чтобы вы попытались поработать в офисе в качестве моего временного зама – вы уже достаточно в курсе дела, обсуждали мы с вами многое, людей вы знаете, – обрисовал задачу Евгений, обеспокоенно поглядывая на Юлию.

– Можно попробовать, – она спокойно пожала плечами, словно ничего такого в этом поручении не видела.

– Но… но вот воспримут ли они вас… вы же понимаете, они-то вас воспринимают как курьера, да и… гм… встречают по одёжке, – замялся он, старательно пытаясь не оскорбить бедняжку…

– Это бывает, – спокойно кивнула Птичкина. – И это очень полезно!

– Дааа? – удивилось начальство.

– Конечно! Как бы я иначе могла работать…

– Это само собой, но вот сейчас… Вас же просто не воспримут всерьёз!

– Так это смотря как увидят, – Юля пожала плечами. – Вы мне лучше объясните, какие именно вопросы нужно решить в первую очередь.

Княжин весьма уважал деловой подход к работе, так что переключился на обсуждение насущных проблем, но продолжал обеспокоенно поглядывать на Птичкину, размышляя, что всё это напрасно – девчонку никто не станет слушать, а просто «замылят» её указания, переделегируя их друг другу, и спустят всё на тормозах.

– Эээээ… Юлия, я бы хотел вам предложить… – наконец-то решился он. – Может быть, вам в этот… ну как его… в салон красоты сходить?

– Зачем? – с любопытством осведомилась Птичкина.

– Нуууу, чтобы поувереннее себя чувствовать! Женщинам, кажется, это помогает! – вид у него был до того нерешительный, что был бы он женщиной, Юля прямо-таки прописала бы ему поход к визажисту, парикмахеру и ещё в пару спа-салонов до кучи! – И ещё, это…

Он широко повёл рукой в сторону Птичкиной, а потом торопливо пояснил:

– Я имею в виду одежду! Разумеется, всё это за мой счёт!

– Я поняла, что вы имеете в виду, – Юлия смотрела на начальство абсолютно бесстрастно, словно такие обсуждения были для неё обычным делом. – Но вам нет необходимости об этом беспокоиться. У меня есть подходящая одежда, да и визажист мне без надобности.

– Хммм… как скажете… – настаивать Княжин не решился – обидится ещё, потом хлопот не оберёшься.

– Завтра перед визитом в офис я к вам заеду, – пообещала Птичкина.

– Хорошо, а предупрежу Пасечника, – кивнул Евгений, обречённо соображая, что из этой идеи точно-точно ничего хорошего не получится…

После ухода Юлии он попереживал ещё какое-то время, а потом позвонил в офис и устроил грандиозный разнос главбуху, которая работает настолько спустя рукава, что даже не поинтересовалась, а для какого объекта потребовались «услуги» ООО «Ресурс инжиниринг», и не обратила внимания, что это не их обычный подрядчик – суммы-то очень немаленькие, а ей всё равно…

После этого он позвонил своей прежней главбухше, сообщил о том, что в организации глобальные перемены, и Говорова там теперь нет!

– Могу ли я вас просить вернуться? – максимально мягким тоном закончил он.

– Хм… теперь понятно, почему Говоров так носился со своими табличками – видимо, поначалу пытался понять, увижу ли я его финты, а когда понял, что всё равно увижу, начал попросту выживать! – задумчиво пробормотала бывший главбух. – А знаете, если его больше нет, а вы не собираетесь следовать его примеру и требовать от меня всякую ерунду вместо работы, я, пожалуй, могла бы согласиться…

И это было прекрасной новостью, самой лучшей за весь этот день, потому что тревога о завтрашнем бенефисе Птичкиной всё сильнее беспокоила Княжина.

– Вот поедет завтра в офис, а потом возьмёт да уволится… И это будет совсем некстати! – думал он, всё-таки решив подстраховать девчонку.

Следующим утром у него по комнате метался крайне встревоженный Пасечник, вызванный для того, чтобы представление Юлии коллективу в новой роли прошло как можно менее травматично. Правда, выяснилось, что Александр находится в столь нервном состоянии, что ему самому нужна опора и утешение.

– Что делается! – стенал он. – Ужас какой! Мужики… как они могли! Рося, Колька! Да что в мире-то творится! Один крал как не в себя, а второй... поверить не могу! Они ж были нормальные, свои, почти родные! И как теперь без них быть? Я не справлюсь! Я точно не справлюсь! А тут ещё девчонка эта… да она же курьер!

Княжину очень хотелось встряхнуть Сашку за плечи, сказать ему пару ласковых – в конце-то концов, это именно он лежит привинченный к этой кровати, как мотылёк к стенду, даже в сортир дойти не в состоянии, даже перевернуться не в силах! Это он дважды едва не простился с жизнью из-за яда! И это у него спёрли кучу денег! И всё это благодаря «почти родным мужикам»…

Так как добраться до паникёра и физически вправить ему мозги Княжин не имел возможности, пришлось справляться словами:

– Один из тех «почти родных» воровал, и, в частности, из твоего проекта! А второй планировал вора потом… после меня… шантажировать, забрать себе его долю, а дальше добраться до тебя!

– Чё? – резко притормозил Пасечник, поворачиваясь к кровати, а потом упав в ближайшее кресло и уже привычным жестом схватившись за виски. – Ты это серьёзно? Меня… того?

– Абсолютно, Саш! Более чем серьёзно! Он бы или подставил бы тебя, а потом заставил отдать долю, или убрал бы, а потом выкупил долю у твоей матери, причём задёшево – ты же сам говорил, что в делах она ничего не смыслит.

Мать Пасечника, которую тот нежно любил, была милой, приятной, но малоприспособленной к жизни женщиной, которая действительно легко поддалась бы уговорам напористого приятеля сына и отдала бы долю за бесценок.

Сашка, мгновенно представив всё это, взялся за горло, словно ему стало трудно дышать, а потом яростно засверкал глазами:

– Да, ты прав… она бы всё отдала, а потом умирала бы с горя без меня! И всё из-за одной сволочи, из-за прогнившего насквозь гада, которому вечно чего-то не хватало? Да обойдётся он! Мы… мы и без него справимся, в смысле, без них – и без твари-Дербенникова, и без шкуры-Говорова! Ты не волнуйся! Всё, что я могу, я сделаю! Нет! Я больше сделаю!

Подняв таким образом боевой дух своей единственной «замовской» рабочей единицы, Княжин решил, что осталось ему только Юлию правильно настроить да наладить между Птичкиной и Сашкой более-менее внятное общение – они же сейчас должны будут выступать единым фронтом.

Звонок в дверь заставил Княжина ускориться и торопливо проговорить:

– Саш, я тебя очень прошу, не позволяй там нашим задевать Птичкину. Она девчонка умная, нам пригодится! А вот если решит уволиться, это будет плохо! Короче, поддержи её…

Невнятное и какое-то недоумевающее бухтение сиделки, которая открывала дверь, сменилось тишиной, которая была нарушена стуком каблучков.

– Доброе утро! – поприветствовала начальство вошедшая…

– А! Юлия, вы вовремя, добрррутррр… – начал Евгений, повернув голову к двери. – Ээээ?

– А вы кто? – изумлённо спросил непосредственный Пасечник у девушки, появившейся на пороге комнаты.

Тёмно-русые, блестящие и густые волосы, синие яркие глаза, чётко очерченные скулы, тёмные длинные ресницы и уместной формы брови, прекрасный цвет лица, красивая линия носа и губы, которые явно никогда не встречались с филлерами и прочими «надувательствами»… всё это само по себе было здорово, но в совокупности составляло облик очень красивой девушки! Тоненькая фигура была облачена в прекрасно сшитый костюм, уместный и для работы в офисе, и для жаркого времени года.

За девушкой в комнату пыталась просочиться сиделка, у которой на лице было написано откровенное изумление, но гостья решительно сказала ей:

– Будьте любезны, займитесь своим делом! – и закрыла перед любопытным носом дверь.

– Ю… кх, кфф… Юлия? – откашлявшись спросил Княжин.

– Да, конечно! – серьёзно подтвердила Птичкина. – А вы ждали кого-то другого?

– Нет… но, если честно, не ждал, что ваш поход в салон красоты окажется столь… успешным, – проговорил Княжин.

– Да я никуда и не ходила, – пожала плечами Юлия.

– Вы сами так умеете… краситься? – изумился Евгений. – И линзы такие… выразительные подобрали! – уж про линзы-то он знал преотлично – одна из его девушек очень любила экспериментировать с цветом глаз, так что он периодически видел рядом то кареглазую, то голубоглазую девицу, а то и с какими-нибудь фантазийными глазами – одна золотая радужка с узкими змеиным зрачками чего стоила! Тогда он, помнится, даже отпрянул, пришлось его девушке ему втолковывать, что это сейчас очень модно – так ходит весьма популярная певица Эвил!

– Нет… я не красилась, – чуть усмехнулась Юля. – И линз на мне нет!

– Но ведь цвет-то у глаз другой! – констатировал очевидное Княжин.

Тут отмер Пасечник и тоже вмешался в разговор:

– И это… у вас цвет на лице был не такой… и само лицо – тоже. И глаза… они точно-точно были другие!

– Конечно, Александр, – улыбнулась ему Птичкина. – Разумеется, они были другими – я для работы часто пользуюсь… маскировочными средствами – серые линзы, пудра, тушь для волос, румяна не там, где нужно.

– Но… но зачем? – практически одновременно спросили её.

– Как зачем? Для успешной работы, конечно. А ещё это очень полезно – чтобы моя внешность не мешала мне общаться с людьми.

– Не… не мешала? – искренне изумился Пасечник. – Юлия, да если бы сразу такая пришли, то…

– То что? – спокойно поинтересовалась она. – Вы бы уж точно меня замечали? И вы, и другие! Так я не сумела бы быстро вникнуть в суть происходящего.

Мужчины изумлённо смотрели на безмятежную Юлию, пока она выразительно не покосилась на часы, показывая, что потешились, да и будет…

Пасечник почему-то с ходу преисполнился веры в их с Птичкиной миссию, да и вообще настроение у него стало гораздо лучше, а вот у Княжина оно, наоборот, почему-то упало. Только не сразу, а когда Александр увёз его второго временного зама в офис, слишком уж жалким показался он сам – дурацкая кровать с его жёстко зафиксированными ногами, растрёпанные отросшие волосы, отсутствие одежды…

– Оказывается, стоит оказаться перед красивой девушкой без штанов… и прочего, в одном одеяле, беспомощным и никаким, сразу такое уныние накатывает! – проворчал он, и тут же помрачнел ещё больше, осознавая, что девушка-то и раньше была красивая, пусть он этого и не видел, а вот он… он смотрелся ещё хуже!

Тут в комнату вошла сиделка, которая начала возмущаться всякими разными особами, которые мало того, что крутят пятью… нет, вы только подумайте, ПЯТЬЮ симпатичными парнями, но ещё и на начальство покушаться вздумали!

– Видала я таких, уж насмотрелась! Пришла… да я её даже не узнала сначала! Я, говорит, к Евгению Юрьевичу! А я и говорю, мол, вы кто? Вам не назначено! А она так ухмыляется… Я сразу поняла, к чему всё это!

– Да что вы несёте-то? – рявкнул Княжин, у которого почему-то настроение ещё ухудшилось – резко и сильно. Его окрик заставил сиделку изумлённо прерваться посреди тирады о злых намерениях его временной сотрудницы. – Вам что? Делать больше нечего? Закройте рот! Я сам попросил её изменить внешность!

Это замечание отнюдь не реабилитировало Птичкину в глазах многоопытной сиделки, но, по крайней мере, заставило её замолкнуть и убраться из комнаты, оставив Евгения в одиночестве.

– Интересно… как там у них? Что-то получилось? – как ни старался Княжин отвлечься, мысли неуклонно возвращались к Птичкиной.

Нет, он и не думал себя ругать, как, мол, он не увидел такую красавицу – камуфляж выполнен безукоризненно, да и не до романтических мыслей ему было, но слишком уж сильным оказался контраст.

Пасечник позвонил в обед, когда Женя уже совсем извёлся. Нет, можно было бы самому набрать, но он стоически терпел, ожидая известий о действиях своей тёмной лошадки…

– Жень, – услышал он ликующий голос зама, – её… её просто не узнали! Представляешь? А сама Юлечка – это что-то! Она, оказывается, в курсе всего… И характер такой… нам подходящий! Прикинь – главбуха только что по стенке не гоняла, выясняя детали работы в последнее время! Жень, может… может, мы её на постоянку возьмём?

– Она работает всегда только временно! – сухо произнёс Княжин. – Ладно, давай детали!

Деталей было много, и все говорили исключительно о том, что на месте зама Юлия справляется! Да, каких-то технических деталей она, конечно, не знает, но Говоров, к примеру, в них тоже никогда не вникал.

Глава 9. Натуральный вид

Ничего нового Юлия в этой работе не находила, разумеется, если отбросить покушения на Княжина.

– А так всё как обычно… – думала она, умело потроша бухгалтерскую программу.

То, что главбух тут из «недогодовичков», она поняла уже давно… Этот подвид бухгалтерской профессии старается нигде надолго не задерживаться – чуть поработает и увольняется. Особенно любит это делать в ноябре – чтобы годовой не сдавать.

– Да-да, это пусть кто-то другой горбатится, сводит воедино всё то, что вы тут… наколбасили, – думала Птичкина.

Нет, она отлично понимала, что для глубокого и всеохватывающего анализа ей не хватает сноровки и знаний опытного главбуха или аудитора – такое нарабатывается годами, да от неё, в сущности, этого никто и не требовал, но уж понять, что человек работает спустя рукава, она обнаружить могла быстро.

Разумеется, главбух не узнала в уверенной, яркой, красивой девице ту самую серую моль, которая постоянно мелькала перед глазами последние несколько дней, она её и не разглядывала – велика честь, зато на эту представленную Пасечником особу пришлось обратить внимание и главбуху, и многим другим.

Нет, несколько человек, разумеется, заподозрили, что им не померещилось нечто общее между той Юлией и этой, но они были в меньшинстве.

Офис, взбудораженный невероятными событиями и временно бросивший работу – какая уж тут работа, когда вокруг такое творится, меткими замечаниями Юлии и воплями рассерженного Пасечника, был загнан в более-менее рабочее состояние...

Вечером Александр и Юлия вернулись обратно к Княжину – на доклад.

– Я бы порекомендовала сменить главбуха, изменить структуру документооборота между отделами, улучшить контроль за расходами… – Юлия просматривала собственные заметки и озвучивала директору выводы, которые у неё возникли, а на заднем плане кивал Пасечник.

Когда Птичкина, закончив свой доклад и получив распоряжения на завтра, распрощалась и ушла, Пасечник убеждённо выдал:

– У меня появилась надежда на благополучные переговоры по тендеру! Ты бы видел, как она нашего главного инженера построила!

Юля строить умела, впрочем, рушить – тоже, а иначе-то никак! Так что она без зазрения совести воспользовалась этим своим навыком и в первую же неделю работы в своей «натуральной внешности» без сожалений порушила несколько планов куда-то её пригласить…

Отказы получили все – и главный инженер, разведённый и очень сложный в общении из-за общей вредности характера, и женатый, но чрезвычайно неверный главный бабник компании – один из юристов, и даже холостой и весьма благонадёжный Александр Пасечник.

К концу недели он приехал к Княжину настолько расстроенным и понурым, что Евгений Юрьевич решил, что что-то случилось с компанией:

– Нормально всё с компанией, – тяжело вздохнул зам. – Чудесно.

– Так что с тобой такое?

– Отказала! Я её пригласил в ресторан… В хороший, ты не думай! А она отказалась! И мужики наши её приглашали… кто куда, даже на ипподром – прикинь?

Женя прикинул. Ипподром с Птичкиной почему-то не вязался ни в какую!

– Она вообще ни с кем никуда не пошла!

Почему-то это сообщение нашло живейший отклик у Княжина – аж настроение повысилось!

– И правильно! Нечего ей по ресторанам и ипподромам ходить, если она к нам работать пришла!

Пасечник вздохнул:

– Это ты так говоришь, потому что она тебе ещё не отказывала! А, ладно… не везёт мне с девушками, само собой, с этой тоже не могло повезти. Я вот чего спросить хотел… а не случится так, что Говоров и Дербенников будут нам как-то мешать?

– В смысле? – изумился Евгений.

– У них по десять процентов уставного капитала!

– Саш, у нас в уставе зафиксировано лишение участника ООО его доли в уставном капитале, если он намеренно причиняет вред организации, – усмехнулся Евгений. – Так что они просто лишаются своих долей!

Это сообщение слегка утешило Пасечника, разумно решившего, что пусть девушка на него и не среагировала, но хоть с этой стороны есть хорошие новости!

***

Возвращение Юлии Птичкиной домой ознаменовалось грохотом, громогласным лаем и кучей не сильно-то рекомендуемых обществом выражений, которые доносились из её кухни:

– Птичкины! – вздохнула она. – И кухня… Судя по звукам, жуть жуткая!

Нет, все братья готовить умели… но вот когда в кухню набивалось больше двух Птичкиных одновременно, процесс приготовления пищи происходил как-то нервно и громковато – казалось, всё кухонное пространство ощетинивалось против возмутительной концентрации «птичек на проводе».

– Ты опять всё уронил! Баран неуклюжий! – донеслось из кухни.

– Сам такой! Это ты на угол кастрюли поставил!

– Нет, не я, а Котя!

– Котик, а Котик, так это ты у нас барашек! – насмешливый голос дядюшки заставил Юлю вздохнуть – развёрнутый состав «птичек» – это вам не шутки!

– Убери свою руку, если не хочешь, чтобы я её тебе узлом завязал! – прорычал рассерженный Костик, который терпеть не мог, когда его называли «Котик».

– Народ, а куда это у нас Лизка смоталась? – старший двоюродный брат Виктор точно знал, что от мяса, которым они сообща занимались, Мону Лизу может отвлечь только или вторжение в дом чужака, но это уже точно было бы слышно – когда к человеку топает здоровенный алабай с очень мрачной мордой, редко кто не подаёт голос. Или… или домой вернулась их сестрица. – Походу Юлька вернулась. Рыб, глянь!

Выглянувший в коридор темноволосый синеглазый Лёха узрел сестрицу, помахал ей рукой, а потом вернулся на кухню и сообщил:

– Пришла. При параде!

Тут уж мясо было забыто и из кухни вывалился полный состав Птичкиных:

– О! Юлёк! Ты у нас сегодня в натуральном виде? – удивился, тряхнув рыжеватой копной волос, голубоглазый Костик.

– Юльчитай открыла личико! – радостно констатировал зеленоглазый и русоволосый Сашка.

– Юль, ты прям красавица! – признал светловолосый Виктор, сверкнув разноцветными глазами. – Прям почти близняшка Рыбки, только красивее в несколько раз! – он покосился на своего младшего родного брата Лёху.

А сам молчальник-Лёха, проигнорировав слова брата, поднял большой палец правой руки в знак одобрения – в левой он держал здоровенную сковородку.

– Юльк, а Юльк, а чего это ты такая? – вмешался дядюшка, тряхнув длиннющими волосами и почесав за ухом Мону. – Со свидания?

– С работы, – лаконично ответила Юля. – А вы чего тут все?

– Соскучились! – загомонили родичи. – Ты ж нас сама не зовёшь и не зовёшь, вот мы и прибыли!

– Логично… только логика такая… птичкинская, – усмехнулась Юлия, начёсывая за ухом Мону Лизу. – Вы хоть собаку-то выгуляли?

– Конечно! Мы ж не просто так! Мы – полезные! Только…

– Только что? – насторожилась она – обычно именно этим словом начиналось превращение самых обычных событий в натуральный караул.

– Только выгуливать пошёл Сашок, – признался Виктор. – Это, конечно, мы того… просчитались!

Юля прикинула, что собака на месте, Сашка – тоже, а это значит… всё обошлось? Как выяснилось, не совсем!

– Юль, я не виноват, а Моночка – тем более! Но там был придурок, который в Мону кота кинул! – выпалил Сашка.

– Что сделал? – изумилась Юлия.

– Ну не целого кота… – поправился её младший брат, заставив Птичкину как-то даже занервничать, хотя, казалось бы… с её-то опытом!

– Не целого, а… сколько кота? Половину? – с опаской уточнила она.

– Нее, просто недокота! Да народ, покажите вы его уже! – возмутился Сашка, выдвинутый братьями и дядей в авангард событий.

– Юль, короче, вот! – высоченный Виктор добыл из-за пазухи нечто очень мелкое и какое-то местами слипшееся… Оно удерживалось двумя пальцами Птичкина и напоминало мокрую бумажную салфетку.

– Мамочки! Что вы с котёнком-то сделали?

– Мы? Мы ничего! Мы его просто вымыли – он был очень грязным. Понимаешь, этот недокот упал сначала на Мону, а потом соскользнул в лужу, – заторопился Сашка. – А мужика-придурка мы с Моночкой догнали и прошлись по нему несколько раз туда-сюда.

Юля прикрыла глаза, пытаясь понять, чего не хватает в этом рассказе. Поняла быстро…

– Так, а кто его уронил, когда вы его догнали?

– А это и не мы вовсе! – обрадованно сообщили ей Птичкины. – Это бабулька во дворе! Та, которая с тобой в хороших отношениях!

Это не сильно помогло – Юлия ладила практически со всеми местными бабушками, но точно знала, что среди них нет ни одной, которая бы способна догнать мужчину, который убегал от Моны Лизы и её братца… От них, видите ли, если что, почему-то убегали очень-очень быстро.

– Не верю! – она с теплотой вспомнила фразу Станиславского, которая частенько произносилась в присутствии этой компании. – Что ещё было?

– Эээх, и ничего-то от тебя не скрыть! – с затаённым восхищением выдал Сашка. – Понимаешь, мы ж с Моночкой умные… Поэтому мы специально мужика дружественному бабульцу́ подогнали! Пришлось четыре круга во дворе сделать, пока все орбиты совпали! А бабуле́ц в это время примеривалась, примеривалась… да так удачно палкой по ногам придурка врезала, что тот не просто рухнул, а ещё и на пузе проехался! А там уж мы с Моной сверху при́были и сели – а то, чего он там просто так лежит?

Юля зажмурилась, прикидывая последствия.

– Мужик-то жив? Мона весит прилично, а ты… ну, поменьше, конечно, но тоже, однако, не эльф!

– Жив-жив! – сообщили ей радостную весть. – Пузо об асфальт оцарапавши, конечно, ну, помятый слегонца, а так – жив-здоров!

– Почти, – выдал молчаливый Рыб.

Юлия с опаской покосилась на него.

– А почти почему?

– Да потому, Юлёк, что во двор на визг того придурка и голос первого классного бабульца́ высыпал объединённый отряд бабульцовых подружек, – вальяжно сообщил Костик, перехватывая жалкую белую тряпочку из рук Виктора. – Они осмотрели поле боя, увидали это, – он поднял котёнка повыше, – узнали, что случилось, ну и того… Мужик был морально уничтожен, растёрт в пыль, восстановлен – просто не на всех его с одного раза хватило, опять прибит и низвергнут… Короче, я б его пожалел, но… не стал. Зато как следует запомнил!

Судя по сосредоточенным выражениям лиц, этого типа запомнили все Птичкины.

– А вы-то чего такие? – насторожилась Юля.

– Да он про тебя чего-то нёс… – признался наконец-то Сашка. – Мол, у тебя мужиков толпа перебывала, а ты ещё чего-то кочевряжишься… Я ему сказал, что сейчас язык ему вокруг шеи завяжу, он на рожон полез, Мона гавкнула, а он котом кинул…

– Ошалеть можно! – Юля уже поняла, о ком речь – недавно переехавший в их дом тип с сытеньким пузцом почему-то решил, что за ней можно приударить, и щедро пригласил её в гости, а точнее – к нему в постель. Разумеется, получил резкий отказ, оскорбился, вот и ляпнул непотребство при самом безопасном, с его точки зрения, мужике из Юлиного окружения. – И это вы просто соскучились… Что было бы, если б вы сложно соскучились, мне и представить страшно!

– Да мы-то чего… – загудели родичи. – Это просто паразиты всякие…

Юля изъяла из рук Константина котёнка, осмотрела его, вздохнула – почему-то ей попадались исключительно котята мужеского пола, а она логично считала, что мужчин в её ближайшем окружении более чем достаточно.

– Вы его хоть кормили? – осведомилась она.

– Само собой! И кормили, и стирали, и даже почти совсем высушили! И ужин готовили – котлеты сейчас будут! – докладывали её братья и дядюшка дружным родственным хором.

Юля заглянула в кухню, в которой был обычный разгром – он там всегда был, когда готовили Птичкины. Правда, и уходил он с ними… в смысле, перед уходом они всё убирали, насмотревшись, КАКОЙ становится Юлька, если этого не сделать – чесслово, дешевле было убраться.

После оглашения меню ужина Юлия с котёнком и Моной удалилась в свою спальню, повспоминала, кто хотел белого кота, позвонила одной знакомой и предложила взять котика, жалостливо описав его сегодняшние злоключения.

– Бедный ребёнок! – впечатлилась та. – Я очень хотела бы его взять… а можно приехать?

Пристройство котёнка обернулось очень удачным спроваживанием Виктора, который отправился провожать деву с котиком, за Витьком постепенно разъехались и остальные, и Юля наконец-то осталась одна – почти одна – с Моной и зашедшей соседкой – той самой, которая так удачно свалила охальника.

– Ты, Юлечка, не волнуйся! У нас свидетельниц целый двор – все видели, как он жестоко обращался с котёнком и с Моночкой – виданое ли дело, в приличных собак котами кидаться, хамил твоему брату, мне и ещё четырём соседкам. Мы уже и к участковому сходили, и в чат всё описали, даже видео выложили – как нехорошо он выражался, когда от асфальта себя отклеил… очень невоспитанный тип!

Когда ушла соседка, напоенная чаем с котлетами, был уже поздний вечер… Юлия сидела в чистой и убранной кухне, устало глядя в окно, а потом решила, что время настало:

– На счету у меня уже есть нужная сумма, объявление пока висит… надо ехать! – сообщила она Моне. – Ехать к мечте!

Глава 10. Гнездовье Птичкиных

Раньше Юлия иногда думала, как бы изменилась жизнь, если бы… если бы в ней что-то пошло иначе.

– Положим, если бы Костя и Сашка были бы менее шебутными, а Вик и Лёха не росли бы с нами вместе? Что бы было тогда? Может, мама больше бы занималась нами?

Она и так, и этак рассматривала это предположение, пока не поняла – нет, дело было вовсе не в неутомимости и изобретательности сыновей, и даже не в том, что брат мужа и его жена подкинули им своих отпрысков, отправившись строить бизнес в Европу, благо тогда это было осуществимо.

– Нет, дело, как это ни странно, в любви… – осенило Юлю, когда она немного выросла и научилась принимать окружающих такими, какие они есть. – Все воспринимают любовь как высшее счастье, как всеобщую мечту, но… но она бывает такой разной, такой трудной и сложной!

Она вновь и вновь наблюдала за матерью и отцом, пока не убедилась, что права – между ними действительно была эта самая любовь – для родителей самыми важными и нужными были они сами, а всё остальное, точнее, остальные – это так… побочные эффекты, без которых, конечно, можно, но… ладно уж, пусть будут, раз родились!

Опять же традиции – требуется же построить дом, посадить дерево, вырастить сына или парочку, ну и дочку заодно.

– Дом они построили, деревьев насадили целый сад, детей наделали, обеспечили, даже квартиры сыновьям сделали – каждому по двушке, а дочке, то есть мне, отдали семейную трёшку, и… да и хватит с нас! – думала Юлия не без горечи…

Нет, само собой, есть множество родителей, которые дают своим детям значительно меньше, нет, сейчас речь не о маргиналах каких-то, а о вполне благонадёжных гражданах, которые просто физически не в состоянии приобрести потомкам отдельные квартиры, но…

– Но они хоть немного обращают на них внимание! – замечала Птичкина, глядя на родителей одноклассников.

Её родителям, кажется, было на них по большому счёту плевать… Да, они никогда не интересовались, чего дети хотят на самом деле, что любят, а что терпеть не могут.

– У них всё было как-то очень просто – крыша над головой есть, одеты, обуты, сыты, общаться есть с кем – вон, двоюродные братья для игр имеются и дядюшка младший захаживает, а дальше – сами-сами!

Теория о своевременном выкидывании детей из гнезда звучала для Юлиных отца и матери как великая мудрость, так им хотелось поскорее «освободить гнездо», оставив там только друг друга, без проблем, шума, криков, суеты и излишней предприимчивости их детей. А самой Юльке отчаянно хотелось крикнуть, что они-то не птицы!

– Птенцы разлетятся в разные стороны, никогда больше и не вспомнят о том, кто их вырастил, и помогать потом не будут, и крыло не подставят, а просто в свою очередь будут растить своих птенцов – на то они и птицы, но мы-то люди!

Почему-то это она, а не родители, видела, что Костику становится невыносимо дурно в машине, а Сашка до дрожи и стука зубов боится грозы, что Виктор абсолютно не переносит, когда на него повышают голос, а Лёха молчит вовсе не просто так, а потому что на него когда-то ужасно накричала и натрясла за плечи глупая воспитательница детского сада, которой надоел говорливый мальчишка.

Юля всё это не просто видела, и в какой-то момент ещё и поняла – или она помогает братьям, или… или им будет плохо, совсем плохо, как птенцам, которых в гнезде-то держат, кормить-то кормят, даже греют по необходимости, а вот крыльями прикрыть забыли.

Каким образом так вышло, что она, не будучи самой старшей, самой сильной, самой умной или просто самой активной заводилой, сумела стать для братьев кем-то очень важным, кем-то, кто был в состоянии их призвать к порядку и, если нужно, остановить, Юля и сама не знала – как-то так получилось примерно где-то между вытрясенной из Лёхи ягодой вороньего глаза и отобранной у Костика бледной поганкой.

Разумеется, она не могла заявиться в Лёхин садик и поставить на место нервную из-за развода воспитательницу, но пожалеть брата так, чтобы он перестал каменно молчать, а начал хоть что-то говорить, у Юли получилось.

Она держала за руку Сашку, когда начинал греметь гром и сверкали молнии, и брат переставал бояться. Она подавала раскрытый пакет и вытирала Костику лицо, когда его тошнило в машине – мать-то только сердилась, словно он делал это нарочно.

Юля даже заставила старшего дядю – отца Виктора – сбавлять тон, когда он говорил со старшим сыном… Правда, случилось это уже когда они были подростками. Дядьку она тогда, помнится, чрезвычайно впечатлила.

– Мелкая, тонкая, прозрачная, глазища синие сверкают, наступает на меня! Уххх, характер! – изумлялся дядя.

Само собой, характер… ещё бы! Где были бы все её братья да и она сама, если бы не этот самый Юлькин нрав. Уж как её братцев мотало в подростковом возрасте… она аж глаза прикрывала, когда про это вспоминала – жутко было! Недаром же у них было коллективное прозвище «Производители хаоса». Правда, даже тогда одно оставалось неизменным – Юльку они слышали и слушали. Нет, не потому что она могла в противном случае что-то нехорошее им сделать, а потому, что оставалась последней ниточкой, которая их всех связывала и друг с другом, и с реальностью, делая не просто кем-то, а... стаей, семьёй!

Кто же знал, что эта ниточка будет покрепче иного корабельного каната! И словно мало ей было братьев, прочность этого каната то и дело испытывал ещё и младший дядюшка, который обнаружил, что с «детишками» как-то лучше – легче, теплее и светлее.

Конечно, в подобных мыслях он бы никому нипочём не признался, но сам-то знал! Недаром же на первые заработанные деньги купил себе смартфон, а на вторые – такой же Юльке.

К совершеннолетию самого младшего из Птичкиных у них сложилась следующая расстановка сил – Юлькины родители, облегчённо выдохнув, целиком и полностью «выпихнули деток из гнезда», а точнее самоустранились из их жизни, переехав в загородный дом и наслаждаясь обществом друг друга и собственными карьерами. Родители Вика и Лёхи вернулись из Европы с неплохим капиталом, на который, решив не отставать, обеспечили жильём сыновей, купили себе отдельные квартиры и… благополучно развелись – тётка снова вышла замуж и уехала с новым супругом в Арабские Эмираты, а дядя обосновался в Москве и занялся бизнесом.

Дед и бабушка Птичкины, давно вышедшие на пенсию, благополучно жили за городом и очень одобрительно воспринимали карьеры и достижения двух старших сыновей, то и дело укоряя младшего в том, что от него никакой пользы и прока нет и не предвидится, после чего младший дядюшка прибывал к Юльке домой, забивался в кресло в самом дальнем и тёмном углу и сидел там весь вечер, терзая смартфон.

– Опять Ромчика уронили, – вздыхала про себя Юлька и шла выслушивать – ну надо же человеку хоть где-то на этом свете иметь возможность выговориться!

Если ко всему этому прибавить фирменную, а точнее семейную внешность Птичкиных, их обаяние и весёлый нрав, то понятно, что выражение «маленькие детки – маленькие бедки, а вырастут велики – большие будут», Юльке было известно не понаслышке – к ней регулярно прибывали девушки братьев и дядюшки – кто пожаловаться, кто подружиться, кто окатить презрением – они, чудачки, считали, что это Юля настраивала братцев против них.

– Дурёхи, – вздыхала Юлия, зная, что любое слово, высказанное против неё – это гарантированный разрыв отношений даже с самой роскошной раскрасавицей. Знала и постоянно выговаривала Птичкиным:

– Да что ж вы творите-то? Вы ж не мне девиц выбираете, а СЕБЕ!

Никакая ночная кукушка не могла перекуковать упрямство её братцев. А сама Юлька в конце концов осознала кое-что очень важное – она в свои двадцать с небольшим лет ощущала себя тётушкой гораздо, гораздо более старшего возраста, умудрённой опытом до состояния моральной нирваны, а ещё – осознавшей, что никаких мужчин в собственной личной жизни она не то что не хочет, а просто уже и не потянет!

Её квартиру братья воспринимали как какой-то общий дом, да это и было когда-то их общим домом. Нет, можно было сменить замки, запретить им приезжать, но на это Юля никогда не пошла бы – нельзя так с ними – они же от беспокойства с ума сходить будут! Она их любит, никогда не бросит, но усталость брала своё, и она чем дальше, тем больше мечтала о том, чтобы у неё было какое-то место, где она может хоть иногда побыть одна.

– Не совсем, конечно, а с Моночкой, – думала Юля. – А какое оно должно быть, это место?

Хотелось чего-то такого… отдалённо-лесного, скрытого в дебрях, но, так как работать-то ей было надо, совсем уж в глушь, в тайгу, уезжать возможности не находилось.

– Будем искать поближе! – решила Птичкина, а пока стала копить деньги на покупку.

Какие-то дома были чудесны по скорости доезда до Москвы, но стоили, как дворец в Монако, какие-то скрывались за дорогами, проехать по которым после дождя можно было только на тракторе, уазе или крепенькой ниве, а у Юли была недорогая городская машинка.

На поиски были потрачено уже прилично времени, когда Птичкина увидела это фото – одноэтажный дом, совсем небольшой – две комнаты и кухня, но выглядел он так, словно кто-то взял и построил во плоти все Юлькины мечты.

– Небось, стоит в людном посёлке на крохотном пятачке земли! – думала Юля, торопливо открывая объявление.

Но нет! Дом стоял на заросшей травой улочке, сзади вплотную к забору начинался лес, а сам участок был просто огромным!

– Хозяин купил несколько соседних участков и объединил их! – читала Юля. – И засадил соснами и елями.

Дорога до Юлиной мечты была вполне проезжая, а цена, хоть и немаленькая, но для неё подъёмная.

– Хочу! Я хочу туда – в тот дом, в тот лес, за тот забор! Хочу закрыть калитку, запереть её, и чтобы меня никто не нашёл, пока я сам не вернусь, – сформулировала Юля свою мечту.

***

Юлия всегда решала важные вещи быстро и энергично – вот решила покупать дом, значит, надо ехать и осуществлять это решение!

– Покупать… сначала посмотреть надо, может, ещё не понравится, – думала Юля, загружая в машину Мону, корм для неё, воду для неё и для себя, а ещё – пакет с бутербродами – она не любила полагаться на придорожный фастфуд, до которого ещё добраться нужно

Риелтор, с которым она предварительно созвонилась, должен был ждать её у дома, но Юлия выехала пораньше – хотелось осмотреть окрестности. Осень уже запустила золотые лапы в листву деревьев, чуть пожухла трава, над водой поблёскивающих кое-где речушек поднимался туман. Мона возлежала на заднем сиденье, занимая его полностью, и одобрительно принюхивалась к запасам еды – она любила ездить с хозяйкой и её предусмотрительностью, а сама Юлия ощущала себя удивительно – словно она погружается с головой в эти леса, ныряет в запахи и клочки тумана, которые ветер время от времени приносил к дороге.

Ей нравилось всё – и высоченные тёмные ели, и сосны, похожие на скопления зелёных облаков, и прохлада. И улочка дачного посёлка ей понравилась – малолюдная, заросшая травой, а особенно понравился один из участков слева – там сплошной плотной стеной стояли ёлки, словно подпирая собой рабичный забор.

– Так, а нам-то с тобой куда нужно? – пробормотала она, ощутив у уха горячее дыхание Моны. – Погоди-ка… так это и есть тот самый участок, который продаётся!

Птичкина позвонила риелтору, но никак не могла его разглядеть, пока он не открыл сплошную металлическую зелёную калитку, которая напомнила Юле про дверь в крепостной стене.

– Можете машину тут оставить, а хотите – я ворота открою. Они дальше. Тут четыре участка, владелец их все выкупил, но хочет продать в одни руки.

Юля смотрела во все глаза, пытаясь найти свой здравый смысл и уточнить у него, почему он не выполняет свою основную работу?

– Где недостатки-то? Ищи! Ищи, говорю! А то потом поздно будет! – уговаривала она себя, но всё, вот буквально всё, что она видела, ей очень нравилось!

Да, участок большой, но не кажется чем-то огромным и пугающим, потому что на части его разбит сад, а остальное пространство занято натуральным лесом, и этот лес может быть её собственным!

Дом был около сада, небольшой, и такой, словно… словно он всю свою жизнь её и ждал.

– Да тут даже ремонт делать не надо, только окна и полы вымыть да мебель привезти! – соображала Птичкина, рассматривая деревянные стены, камин, вид из окон…

– Ну как? Нравится? – осторожно уточнял риелтор – клиентка как-то уж очень глубоко призадумалась, небось, соображает, что дом не подходит для пикников и компаний – это для одиночек. – Электричество есть, вода в доме есть, туалет – тоже. Септик рядом. Есть собственная скважина, а вон там, в саду – колодец, но он закрыт и заперт.

Где уж ему было знать, что Юля уже соображает, как скоро сможет купить и привезти сюда мебель и всё прочее, что нужно для жизни.

Сделку Птичкина закрыла очень быстро – чего тут тянуть, если нашла мечту? А дальше… дальше она поняла, что для благоустройства, а главное – отдыха в её тайном месте, ей, во-первых, нужны выходные, а во-вторых, этому мешает Княжин с его незаконченной работой.

– Тендер у него, значит, да? Переговоры? – мрачновато усмехнулась Юлия. – Ну будет вам и тендер, и всё остальное прямо на блюдечке с золотой каёмочкой!

Деловые переговоры – вещь сложная, и тем более сложная, если напротив вас сидит этакая крокодилья акула бизнеса, или, по крайней мере, тип, которому очень нравиться так о себе думать.

Артур Максимович с говорящей фамилией Бычаров усмехался про себя – он уже давно выяснил, что Княжина на переговорах не будет, да даже его «переговорного» зама не будет!

– Княжин себе чего-то сломал, а Дербенников и Говоров как-то странно уволены. Интересненько… может, их компанию подгрести под свою руку? Нет, а что? У Княжина остался только какой-то невнятный пухлик, я его раньше и не видел, кажется. Ну ничего. Сейчас увижу. Увижу, и сделает он так, как МНЕ НАДО!

Появление красивой синеглазой девицы вместе с пухликом Артура Максимовича ничуть не смутило – личные помощники нынче не редкость, кто бы что в функционал этой должности не вкладывал.

Бычаров вальяжно обменялся рукопожатием с пухликом, не отказав себе в удовольствии покрепче сжать руку, а потом с некоторым изумлением обнаружил, что девица тоже протягивает руку, как равный переговорщик. Она представилась, и Артур не удержался от улыбки: Птичкина – она и есть Птичкина – косточки тонкие, мозгов как у курицы!

Через три часа он уже так не думал… точнее, думал он только о том, как бы переманить, перетянуть, да как угодно заманить эту самую Птичкину к нему в компанию, потому что она его не просто загоняла в угол, она его буквально смела со всеми его позициями…

Знал бы он, что просто стоял между Юлей и её домом, а это никому не позволено, ибо чревато!

Глава 11. Так ей и надо

– Что не так с этой Птичкиной? – возмущался раздосадованный Артур Максимович через пару дней. – Она ж вообще на меня не реагирует! На переговорах раскатала… и всё, и делает вид, что больше её ничего не интересует.

Увы… это была чистая и неприкрытая правда! Предложение сходить в очень крутой ресторан было отклонено. Букет и ювелирный подарок, приложенный к нему, решительно присланы обратно, а намёк на поездку в Дубай был встречен в бесстрастном равнодушии, да ещё с пожеланием счастливого пути!

Бычаров к такому не привык… нет, само собой разумеется, что на свете было полным-полно девушек, которые бы его отвергли, но каждый из нас вращается в каком-то своём кругу, а круг Артура Максимовича был им выстроен именно для его приятного времяпрепровождения, посему отказы случались крайне редко. А тут такое дело – случайно встреченная на переговорах девица мало того, что его «сделала», так ещё и кочевряжится!

– Чего? Вот чего ей ещё надо-то? А? – возмущался Артур такому странному поведению. – Повышает ставки?

Юлия однозначно повышала, но вовсе не ставки, а темп и производительность работы – у неё был план, купленный дом, лес и сад, а ещё – мечта… Какой, ну какой там Бычаров мог бы хоть каким-то образом конкурировать с этим восхитительным набором.

Когда Птичкина промчалась мимо Артура Максимовича, который самолично приехал к офисному зданию, где она работала, чтобы уточнить, чего же хочет эта зараза, и даже не обратила внимания на него самого, его костюм, дорогущие часы, его очень крутую тачку и всё прочее, он взял… и обиделся! Нет, честно. Обиделся, оскорбился и решил, что больше к этой синеглазой бестии он даже головы не повернёт!

– Доигралась! – мрачно изрёк он. – Так ей и надо!

Знала бы Птичкина – хохотала бы вовсю! Но ей и без того хватало, чем заниматься – работа, ежедневные доклады Княжину, тайные закупки для дома, а ещё, разумеется, братья и дядюшка, уже сделавшие стойку на нового настырного ухажёра.

– Опять? – мрачно возмутился Котя, разлёгшийся на Юлином диване во всю его (и свою) длину. – Юльчик, как только ты снимаешь камуфляж, около тебя тут же вьются всякие разные… И почему бы это?

– Потому, что она у нас очень красивая! – пояснил Вик, развалившийся на кресле так, что ноги свисали с одной стороны от подлокотников, а голова и плечи – с другой. – Почти как Рыбка, только круче! Рыб, а Рыб, ты чуешь?

Рыб молча скорчил непередаваемую рожу и слегка подправил положение братца относительно мебели, отчего Вик свалился с кресла.

– И вредная такая же! – возгласил Виктор уже с пола. – Ай, Мона! Не садись на меня! Ладно-ладно, не садись хотя бы на солнечное сплетениииееее… – выдохнул он из-под здоровенной Моны, привычно улёгшейся поперёк его туловища.

– Вы-та-щи-теее! – шёпотом скандировал Вик, пока Сашка, которому это надоело, подозвал к себе алабая, не обращая ни малейшего внимания на стоны Вика, по которому Мона от души прошлась задними лапами.

– Не туда смотрите! – вздохнул их дядюшка, – окинув взглядом всё честное собрание. – С этим кабанчиком, который за ней приударить решил, проблем не будет – Юлька таких видела-перевидела, но меня смущает другое – она от нас явно что-то скрывать начала… может, ей понравился тот, который со сломанными ногами? Женская жалость и всё такое…

Собрание насторожилось – личная жизнь сестрицы Птичкиных беспокоила чрезвычайно – так-то глянуть не успеешь, как прицепится к Юльке какой-нибудь типчик… Разумеется, её

недостойный! А ну как сделает её несчастной? Уж они-то знают, как мало нужно девушке, чтобы почувствовать себя не очень-то приятно…

– Почём знаешь, что она что-то скрывать начала? – не поверил Котя, уставившись на Романа.

– Видал, – с невыносимым высокомерием фыркнул Рома, который был старше этих сопляков аж на целую эпоху – на семь лет! – Вы попробуйте в её смартфон заглянуть – она же сразу шипит, как гюрза… Я тут погоду хотел глянуть – лень за своим было лезть, взял её смартик, так Юлька меня чуть не слопала!

– Так это небось объясняется тем, что лично ты её достал… Ты всех достал! – дружелюбно хохотнул Вик.

– Да? Ну так попробуй сам! – оскалился Роман, впрочем, не возражая против того, что таки да, достал он всех и каждого – а что? Ноша старшего в этой компании тяжела!

– И попробую! – фыркнул Вик, а уже через пару часов вернулся к братьям с сообщением, что Юлька мало того, что смартфон не даёт, так ещё и пароль там поменяла.

– Таааааак… – прищурился Костя. – А вот это уже серьёзно! Женская жалость, да? – покосился он на Романа. – Надо бы уточнить, что и как… Понаблюдать.

Было бы за кем наблюдать… Нет, они добросовестно прибыли в выходные к сестрице, не обнаружили её на месте, начали дозваниваться, Юлька звонок приняла, объяснила, что уехала на выходные, вечером в воскресенье вернётся!

– Погодь! А куда уехала-то? – заторопился Костик.

– Отдыхать, Коть! Мону взяла с собой. Телефон отключу, меня не искать, не суетиться, квартиру не громить! Любому, кто посмеет на моей новой сковороде что-то жарить и подходить к ней ближе, чем на три метра с ножом и вилкой, откручу ушу и скажу, что так и было! Всё, пока!

Всё! Больше никакие попытки дозвониться до Юльки успехом не увенчались!

– Зараза! Отключила телефон! – ярились все пять Птичкиных. – Куда она усвистала? А если… А вдруг? А ну как проблемы?

Нет, Юлька была человеком самостоятельным, даже слишком, но они предпочитали её подстраховывать, не круглосуточно, конечно, но периодически, а тут… ррраз, и нет Юльки! Привычка опекать сестру и присматривать за ней возмущённо подняла голову, и братья начали соображать, а куда, собственно, могла деться их Юля?

– К родителям? – предположил Сашка.

– И нам не сказала? Да ну… а потом, ты же знаешь, они не очень любят, когда мы приезжаем, – мотнул головой Вик. – Ром, а к твоим не могла?

«К твоим» означало к бабушке и деду, то есть к родителям Романа.

– Неа, точно не у них!

– Тогда где? У этого… который жалости достоин? – поморщился Вик.

Ну уж, конечно, Птичкина была не там, и пока братья горячо обсуждали, где она может быть, её машина, нагруженная горой покупок, забранных в пункте выдачи заказов, торопилась к свежекупленному дому Юлиной мечты.

Оказалось, что у Юлиных владений есть несколько особенностей, которые делали их в глазах хозяйки ещё более привлекательными: во-первых, с дачной улочки вообще невозможно было увидеть, что именно происходит внутри на участке – плотный ряд молодых елей не позволял любопытствующим что-то рассмотреть, во-вторых, дом и участок чрезвычайно понравились Моне, а в-третьих, в колодце оказалась на диво вкусная вода.

– Скважина неподалёку от колодца и там вода хорошая, но в колодце – просто потрясающая! – удивлялась Юля. – А ещё там живёт эхо!

Птичкина заботливо закрыла и заперла колодец на старый тяжеленный навесной замок – чтобы не распахнулись от ветра створки колодезного «домика» и не попáдала внутрь всякая любопытная звериная да птичья мелочь.

В саду на деревьях висели яблоки, которые тоже оказались очень вкусными, за домом нашёлся дровник, где было немало сухих расколотых полешек, часть из которых Юля перетаскала в свежевымытый дом, сверкающий чистыми стёклами и новым белым тюлем. Старенький, но вполне рабочий холодильник наполнился продуктами, водонагреватель исправно выполнял свою работу, так что Юлия даже душ приняла, смывая с себя кучу пыли и грязи, накопившихся в доме.

А к вечеру она затопила камин и заворожённо уставилась на огонь, ощущая, как уходит усталость, как затихает гул в ушах, который, кажется, постоянно преследовал её на работе, да и дома тоже, как приваливается к её ногам тёплым боком Мона, как пахнет свежевыглаженное бельё на чистой кровати с новым матрасом, привезённым в багажнике.

На участке шумели деревья, гудел в трубе ветер, а потом и вовсе начался дождь, а в Юлином доме было тепло и так спокойно, что ничуточки не смущало её наконец-то обретённое одиночество и близость тёмного осеннего леса – подумаешь, всего-то забор отделяет участок от густых зарослей.

– Счастье какое! – думала Птичкина, вытянувшись на кровати. – Тихо… никому ничего не надо, никто ничего не хочет, не требует… Надо будет поскорее разделаться с работой у Княжина и сделать перерыв. Поживу тут хотя бы немного, и… пусть весь мир подождёт!

Мир… мир-то может, и подождал бы, но вот на выключенный Юлин смартфон безуспешно шли и шли звонки от… Елизаветы Александровны Птичкиной, приходящейся Юлии родной матерью.

Она звонила и звонила, а потом, раздражённая непонятным отсутствием контакта с дочкой, набрала номер старшего сына:

– Костя! Где твоя сестра?

Этот вопрос мучил всех пятерых Птичкиных, собравшихся у Юльки дома, но… но раз матери она ничего не сказала, то и нечего ей об этом знать! Так что, разумеется, братья и дядя тут же сплотились вокруг отсутствующей Юлии, и Костик уверенно заявил:

– И тебе, мам, добрый вечер! Юля уехала по работе, но там плохо работает связь! Она нас предупредила.

– Что за безобразие! Почему со связью такая ерунда… – фыркнула Елизавета Александровна. – Ладно! Когда появится, пусть мне перезвонит!

– Если у неё будет такая возможность, перезвонит, – ответил Котя, пожимая плечами – если совсем честно, у него не было никакого желания выяснять, что именно нужно матери – не те отношения.

Зато Елизавета Александровна считала себя идеальной мамой, о чём с гордостью рассказывала знакомым и коллегам:

– Нельзя их распускать, нельзя слишком вникать в их дела – пусть учатся самостоятельности! Не нужно приучать их к «рукам» – пусть растут уверенными в себе! Нельзя опекать – хорошие родители вовремя выпихивают птенцов из гнезда! Уж поверьте мне, я знаю, о чём говорю!

О да… она знала! Когда они с мужем решили, что пора заводить детей, она родила трёх погодков, с лёгкостью перекладывая рутинные дела на няню, благо муж зарабатывал хорошо… Когда брат мужа с женой решили ехать и развивать бизнес в Германии и по договорённости решили оставить двух сыновей родному дяде и его жене, оплачивая нянь, Елизавета почти и не заметила увеличения «поголовья» – именно в это время её карьера пошла вверх, она сумела написать интересную монографию, её заметили, пригласили на работу в один из самых известных музеев России, короче говоря, не до детей как-то было. Да и потом…

– Ну что за проблема? Так раньше жили все знатные люди – мама́ и папа́ видели только вечером, когда бонны приводили их поздороваться с родителями, и ничего… никто от этого не умер. Какие талантливые люди вырастали! – рассуждала Елизавета. – А у наших и няни отличные, и кружки, и секции, и занятия… Садик платный, что ещё нужно?

Нет, она, конечно, обратила внимание, что, когда детей отвозили к родителям мужа в деревню, единственная из всей компании девочка вела себя как… ну даже не как няня, а как старшая заботливая сестра.

– И замечательно! Это очень пригодится ей в жизни! – радовалась Елизавета Александровна первому «урожаю» своего воспитания. – Самостоятельная и умненькая дочка у меня получилась!

Муж полностью её поддерживал, тоже гордясь результатами – сыновья и племянники фордыбачили, конечно, но не более, чем они с братом с своё время, а дочка просто радовала! Но главное… главное-то им с женой самим никто не мешал!

Да, детей они оба хотели, но когда один за другим желанные наследники появились на свет, то выяснилось, что они отнимают как-то слишком много времени… того самого времени, которое должно было целиком и полностью принадлежать Елизавете и Андрею!

– Какая у вас любовь… – восхищались подруги Лизы. – Просто аж на загляденье – как неразлучники – всё время вдвоём!

И вот в это счастливое и идеальное «вдвоём» вклиниваются младенцы! Нет, пожалуй, с младенцами даже было проще – няни справлялись, а сами Птичкины частенько позволяли себе отдых – то на выходные уедут, а то и на подольше – надо же им побыть вместе, чтобы не заела рутина, не запылились их чувства, не ослабела душевная связь.

А потом… потом дети росли, росли… и выросли в школьников. Вот тут уже стало сложнее – они почему-то нипочём не сидели в рамках удобного для родителей формата, от них стало на порядок сложнее отвязаться, чтобы не мешали, чтобы не лезли с вопросами, с рассказами, с просьбами.

– Да что за глупости? – возмущалась Елизавета, жалуясь коллегам. – Что значит «мам, почитай нам»? У них куча, гора дисков, пусть слушают! Так нет, не дают с мужем побыть!

Тут она, конечно, лукавила – она и не читала детям никогда, и сказки не рассказывала, да и вообще старалась свести разговоры к минимуму – в самом деле, не о картинах великих художников с ними говорить – нет, она пыталась было, но её искусствоведческое взросло-научное изложение никак детей не интересовало! А вникать, что там за глупости, безусловно безвкусные и ширпотребные, нравятся её детям, ей никогда и не было интересно.

То ли дело Андрей – с мужем Лизе было интересно всегда! Они с самого начала говорили на одном языке, смотрели в одну сторону, понимали друг друга с полуслова, так что, когда удалось наконец-то отделить закончивших школу сыновей и дочку, муж и жена обрадовались. Была ещё возможность купить им квартиры побольше, да и дочке новую, но… но решили не баловать отпрысков – и так хватит.

Елизавета тогда вздохнула с облегчением – миссия выполнена, птенцы выпущены из гнезда, она прекрасная мать, ура!

На всякие мелочи, типа а почему это в десять лет очень серьёзная Юля попросила купить книги о растениях средней полосы и грибах, почему сыновья смотрят на мать уже гораздо менее восхищённо и по какой такой причине годам к четырнадцати её дети вообще перестали к ней подходить, она внимания не обращала – меньше лезут, значит, стали самостоятельнее, значит, она их правильно воспитывает!

Да, про то, что для этого самого хорошего воспитания надо бы хоть минимальный набор знаний для выживания дать, она как-то не подумала – это её десятилетняя дочь, на которую мамой были радостно переложены многие материнские обязанности, сообразила выучить все ядовитые растения и грибы и тем самым спасла как минимум двоих из своих братьев. Это

именно Юля, отыскав информацию об обратном течении, зудела над ушами «подопечных», пока они это не запомнили, и только благодаря её словам Ромка сумел выплыть, когда ездил на море. Это именно мелкая синеглазая Юлька таскала с собой в лес пластыри и йод, а ещё – бинт… И хорошо делала, потому что, в противном случае, напоровшегося стекло на речке Сашку могли бы вовремя и не довести до дома…

И это именно она решила, что больше в её жизни не будет никаких дополнительных мужчин – достаточно с неё уже имеющихся!

– Моих нервов на большее просто не хватит! – решила Юлия.

Впрочем, в эти выходные она позволила себе просто отдохнуть и не думать ни о каких проблемах, мужчинах, рабочих вопросах и прочих сложностях – только лес, осень, мелкий дождь, ели и сосны, жестковатые лесные папоротники, довольная жизнью Мона, Юлин участок, на котором неожиданно обнаружились прекрасные грибы, её сад, колодец с эхом, камин, на который можно было смотреть сколько угодно, вкусная еда, и вежливая соседка, аккуратно поинтересовавшаяся, ест ли Мона котов, а если да, то что нужно сделать, чтобы соседкин кот Кузьмич ей был не по вкусу…

– Нет-нет, Мона Лиза котов не ест, она и собак не ест. Правда, не могу дать гарантию про всех людей… положим, если кто-то полезет через забор, то она его загонит на дерево и будет держать до моего прихода, – задумчиво ответила Юля. – Съесть, возможно, и не съест – она брезгливая, но впечатление произведёт!

– Это исключительно правильный подход! Если ко мне через забор кто-то полезет, я тоже буду его держать… на мушке – у меня ружьё есть – пристрелить, может, и не пристрелю, но напугаю точно. Так что в этом я с Моной Лизой весьма солидарна! – решительно ответила соседка, убедившись, что им повезло – дом купила девушка здравомыслящая и правильная.

Глава 12. Хорошо и никого

Всю ночь шёл дождь, осенний, холодный, но от камина было тепло, Мона уютно сопела на полу, а Юле в первый раз, уж и не вспомнить за сколько времени, снился какой-то на редкость безмятежный и уютный сон.

А вот её братьям безмятежности явно не хватало…

– Так… последний балбес не мог её как-то заставить поехать с ним? – размышлял вслух Котя.

– Последний это какой? Который со сломанными ногами? – удивился Вик.

– Да нет… тот, который на Минотавра-коротышку смахивает. Рыбка Юльку как раз провожал, когда это недоразумение к сестре приставать начало. Рыб! Как его звали-то? Фамилия какая-то говорящая…

Молчальник Лёха неохотно отозвался из своего угла:

– Артур Максимович Бычаров.

– О как! – обрадовался Костик. – Я ж помнил, что говорящая фамилия. А ему идёт – точно какой-то… Бычаров. Кстати, а как ты это узнал? Юлька говорила?

– Нет, водитель к нему обратился. А Бычаров на Юлю обиделся, – исчерпывающе объяснил Рыб, который в тот вечер присматривал за сестрой.

Нет-нет… конечно, у Птичкиных не было столько свободного времени, чтобы постоянно Юлю сопровождать, но, когда сестра упоминала какого-то активного «приглашателя», они старались её в одиночестве не оставлять. А ещё – когда она заканчивала работу.

Почему-то людям, которые активно запускали лапы в чужие карманы, пусть даже это карманы не физического, а юридического лица, совсем не нравилось, когда рушится такой удобный, привычный и логичный порядок пополнения их личных доходов – отчего-то это сразу начинало им казаться очень несправедливым. А воплощение этой несправедливости – вот оно, тонкое, звонкое и вредное – ходит и рушит своими действиями их хорошую жизнь.

Нетрудно догадаться, что бывали и настолько возмущённые особи, которые считали, что стоит только пригрозить этой пигалице, как всё наладится и будет расчудесно – как раньше.

Как раньше не получалось – пигалица наотрез отказывалась бояться, а из-за ближайшего укрытия – деревьев, угла дома, припаркованных машин – неприятно-уверенным шагом выдвигались несколько молодых мужчин…

До тяжких телесных не доходило, на камеры вообще никто ничего не делал – Птичкины, имея очень неплохое образование, со всевозможными кодексами были в ладах, так что всегда ухитрялись причинить опрометчивым противникам максимальные неприятности, не опускаясь до банального мордобоя.

– Юлёк, не волнуйся… мы применяем небанальные способы приведения зарвавшихся типов в реальность – вот прям берём… и ведёёёём, – расписывал процесс балагур-Сашка.

Проблема была только она – Юлька редко сама говорила им о том, что ей нужна помощь – боялась их подставить.

– Да что ты с ней делать-то будешь! – шипел в очередной раз рассерженный дядюшка, обнаружив на зарядке в Юлькиной квартире явно использованный недавно шокер. – Юль, что, ОПЯТЬ? Ты опять занималась самодеятельностью и нас не звала?

А ухажёров они проверяли по двум причинам – во-первых, уже два раза было так, что приглашениями куда-то поужинать прикрывались типы с совсем иными идеями на уме:

– И почему этот безумец считал, что если сможет Юльку себе на дачу увезти, то она непременно станет ему помогать и покрывать его делишки? – непринуждённо интересовался у братьев Вик, машинально потирая кулак – очень уж хотелось им воспользоваться при общении с опрометчивым типом… – Хорошо, что Юля у нас никогда никуда с клиентами или их

приближёнными не ходит, но плохо, что молчит как партизан и ничего сама о вот таких гавриках не говорит!

«Гаврик», уже сто раз пожалевший, что вообще к этой мелкой синеглазой заразочке подошёл, ныл в углу о том, что он ни-ни… больше никогда! Никогда он не будет пытаться затащить в машину девушку – это оказалось очень больно, обидно и неожиданно!

А во-вторых – у них сестра одна, запасных нет, так что проще понаблюдать за «кандидатом», глядя, как Юлька «раскатывает» очередного ухажёра, чем потом переживать.

Но вот в этот раз из наблюдения ничего не вышло – Юлька куда-то умотала бесследно!

– И всё бы хорошо, – вздыхал Костик, – если бы хоть понимать точно, куда и с кем она поехала.

Но вздыхай не вздыхай, Юлька где-то непонятно где, а тут ещё странный звонок матери:

– Вот чего ей от нашего Юлька́ надо? – фыркал уже Вик, который, несмотря на свою двоюродность, тётку знал расчудесно!

***

Удивительно, когда утром открываешь глаза, но твоя мечта и не думает уходить вместе со сном – нет, она на месте – рядом с развалившейся у кровати Моной, с камином, с мелкими брызгами дождя на окне, с острым и прохладным запахом осени, с кучкой отличных грибов, которые удалось найти на своём же участке – прямиком к завтраку!

– Хорошо-то как! И, что показательно… ни-ко-го! – счастливо выдохнула Юля, и тут же насторожилась – за дверью её дома явственно послышались какие-то звуки, а потом раздался скрипучее и требовательное:

– Мяяяя…

– Поняяятно, – усмехнулась Птичкина, выглядывая в окно. – Гость… Нет, друг мой полосатый, у меня тут дамская территория – был бы ты кошкой, я бы тебя, может, и пустила бы, а так – Кузьмич, иди домой, тебя хозяйка ждёт – а меня на жалость брать не стоит!

Коты умеют делать выводы, особенно умные коты... Кузьмич был как раз из таких – он даже слегка зауважал решительную новую соседку, с ходу раскусившую его поползновения – ну, конечно, это была разведка боем – насколько можно «прогнуть» новенькую.

– И… снова тишина! – оценила его разумное решение Юлия. – Просто чудесно, жаль только не очень надолго – вечером придётся ехать обратно… Ну ничего-ничего! Теперь-то я знаю, к чему мне стремиться!

Она сразу же пожалела, что не получится устремиться назад прямо сразу, когда при въезде в Москву включила смартфон…

– О! А что это маме от меня понадобилось? Обычно-то ей чем дальше от нас, тем лучше. Или… это братцы меня так разыскивали, что даже родителей побеспокоили, – пробормотала она себе под нос тоном, каким говорят о странных типах, за какой-то неочевидной надобностью полезших в логово дракона.

Тут же телефон затрясся от вызовов – братья, получившие сообщения о том, что запропавший абонент вернулся в сеть, начали ей названивать.

– Да, Коть… – деловито отозвалась Юлия.

– Ну наконец-то… с тобой всё в порядке? – первый вопрос был самым важным и насущным.

– Да! Я же сказала, что еду отдыхать!

– Понятно-понятно… – согласился разумный Костя. – А тебя мать разыскивала. Велела передать, чтобы ты ей позвонила.

– Прямо сама позвонила, или это вы её достали?

– Юль, мы бы скорее с твоей новой сковородкой кулинарные эксперименты бы делали! – хмыкнул Костя.

Юлия доехала до дома, припарковалась, позвонила матери и была удивлена неожиданной теме для разговора:

– Мам, привет! Ты звонила?

– Ну конечно, я звонила! Почему ты так поздно перезваниваешь? Что у нас за безобразие со связью происходит! Хотя речь не об этом… Я хотела у тебя спросить, знаешь ли ты среди папиных сотрудников какого-то Петрова?

– Петрова? – удивилась Юлия – мать никогда не интересовалась отцовскими сотрудниками, впрочем, со всеми ключевыми была прекрасно знакома… – Нет, такого не припомню. Но я же у папы не так чтоб очень часто бываю.

– Постарайся сосредоточиться! – дала распоряжение Елизавета Александровна. – Зовут его Александр… Это какой-то его новый зам.

– Мам, когда я к нему последний раз приезжала, у него не было новых замов, – пожала плечами Юлия. – Но это ничего не значит – мало ли… он мог нанять кого-то нового.

– Нового? – переспросила мать странноватым тоном. – Ладно, я поняла.

Юлия покосилась на замолкший смартфон и пожала плечами – ей даже неинтересно было, с чего бы матери потребовался какой-то отцовский свеженанятый зам. Зато было очень любопытно, чего надо тому самому соседу, который недавно бросался в её собаку котёнком, за что и пострадал.

Правда, сосед не торопился излагать, что именно, а нервно скрывался за своей машиной, то и дело оттуда выглядывая.

– И что? Гоняться мне за ним, что ли? – усмехнулась про себя Юлия. – Пойдём, Мона, не обращай внимания на этого типа! – скомандовала она тихонько.

Алабаю ли обращать внимание на всяких разных… подлапных, так что мимо соседа к подъезду профланировали две абсолютно равнодушные личности – Юлия и её собака.

– Эй… стойте! – не выдержал он всё-таки. – Если вы… если вы ещё раз нападёте на меня своей собакой, подговорите кого-то или натравите на меня тех безумных бабок, я на вас в суд подам!

Ошибка его была велика, почти фатальна! Нет-нет, он и не собирался как-то подвергать себя опасности – да и что могло пойти не так – саму Юлию он не боялся, собаку, когда она вместе с этой особой, – тоже, а больше никого стрёмного во дворе и не было.

Он сразу и не понял, почему эта мерзкая девица выглядела так, словно едва сдерживает смех, но осознал причину довольно быстро – когда его за шиворот прихватила чья-то крепкая, даже слишком крепкая рука, а вкрадчивый голос уточнил:

– Это кого же ты сейчас безумными бабками назвал?

Дёрнувшись, тип попытался вырваться, но ничего-то у него не вышло – высоченный крепкий светловолосый парень с глазами разного цвета – светло-карим и зелёным, кажется даже не заметил усилий зафиксированного соседа.

– Да! Вот и мне очень интересно! И кого же? – пронзительный и странно знакомый голос, кажется, прозвучал ровно над головой типа, который уже упирался всем организмом, чтобы как-то вырваться из стальной хватки.

Сосед втянул голову в плечи и попытался сообразить, откуда же ему это говорят… Загадка была несложной – на первом этаже распахнулось окно, в котором застыла одна из тех дружественных бабульцов, которые поддержали совсем недавно Сашку и Мону…

– Молодой человек… вас же Виктором зовут, да? – строго покосилась она на Вика. – Держите его крепче, а главное – так, чтобы он вас не испачкал… Я иду на… тьфу, даже сказать «иду на вы» язык не поворачивается! – неожиданно пожаловалась она Юле. – Иду на это… недоразумение! – нашлась она, отступая от окна и выключая запись на смартфоне – гаджет был ей нужен, чтобы отправить возмутительное звуковое доказательство своим приятельницам.

– Ну, мужик, ты и попал! – хмыкнул Вик насмешливо.

– Пппууууустиии! – проскрипел тот.

– Да с чего бы? Сам пришёл, сам нарвался, сам полез к моей сестре!

– Погодь… так это твоя сеструха? А эти… ну остальные, которые к ней ходят? – заперебирал ногами тип.

– Мы все родственники, – лаконично объяснил Виктор, провожая взглядом Юлю, решившую поскорее завести Мону домой – негоже приличным собакам наблюдать то, что сейчас должно произойти – ещё плохому научится!

– Да ладно… – выдохнул тип. – Вот это я попал! Я ж думал…

– Думай аккуратнее, – мило посоветовал ему Вик, от ледяной ухмылки которого у соседа по спине аж мурашки поползли.

Впрочем, через несколько секунд ему уже стало не до мурашек – из подъезда вышла его личная Немезида, и была она не одна…

***

– На редкость невезучий, – с Юлиного балкона шёл прямой репортаж с места действий в исполнении Костика. – Как можно было ухитриться всех так достать, что у него остался уже один шанс на выживание – кидаться в машину и уезжать поскорее! А… нет, уже не успеет, уронили. Ты ж глянь, как красиво подножку поставили, прямо в кусты уехал!

– Опять на пузе? – лениво осведомился Роман, который то и дело пытался выяснить у племянницы, куда именно она ездила.

– Само собой! Куртку на выброс, самомнение – туда же, уверенность в себе ремонту не подлежит. Короче, не злил бы он старшую по двору, может, и был бы у него шанс выбраться без глобальных потерь, но сейчас уже всё… Жизни ему тут не дадут!

Юле, если честно, сосед был вообще не интересен, а вот размышления о грядущей неделе – да! Она, ловко уворачиваясь от хитрых вопросов братьев и дядюшки, уже планировала увеличить темп работы у Княжина, чтобы поскорее добраться до вожделенного отпуска и своего лесного дома. Про мать она и думать забыла.

А напрасно – в жизни Елизаветы Александровны Птичкиной тоже пошла невезучая полоса – случилась роковая находка, которая буквально выбила почву у неё из-под ног! А всего-то… услышала она странные интонации в производственной беседе супруга с его замом.

– Какой-то Александр Петров… Не помню такого! – думала Елизавета, подтягивая к себе смартфон мужа, пока тот отлучился в душ. – Надо у Юльки выяснить.

Пояснения Юлии вопрос не сняли – что поделать, если у неё такая бестолковая дочь!

– Ладно, съезжу в офис Андрея, посмотрю, а не пора ли там дизайн менять, – решила Елизавета, которая когда-то получила от мужа в подарок тридцать процентов уставного капитала его компании, а значит, имела все права там появляться. – Заодно и на этого Петрова посмотрю…

Петрова она так и не увидела, а вот Александру Петрову – да, разглядела хорошо – муж как раз доставал из своей машины сие дивное видение, нежно называя её Сашенькой.

К счастью, Елизавета Александровна смотрела на это с противоположной стороны дороги, движение было активным, так что супруг её попросту не заметил.

– Что? Что это? Как он мог? Мы же столько лет душа в душу, а он… – рыдала у себя в машине Елизавета. – Я должна с ним поговорить! Как же он смел?

Но ещё больший шок она испытала, когда выполнила свой план и бросила в лицо мужа собственные выводы о личности его «зама Петрова».

– Лиз… ну это так… несущественно, – спокойно ответил Птичкин. – Я тебя люблю, разводиться не собираюсь, а это… просто развлечение!

В шоке от подобного невыносимого цинизма Елизавета прорыдала полночи, а потом придумала идеальный план:

– Дети! Я всё расскажу детям, и они тут же вынудят отца прервать эти позорные отношения!

Глава 13. Пропащее поколение

Нет, вообще-то Елизавета Александровна ещё ночью, когда бледная осенняя луна заглядывала в окно, в первую очередь подумала о родителях мужа – всё-таки старшее поколение, авторитет и так далее, но потом вспомнила, что они не сильно интересуются жизнью детей:

– Да и вообще, развод старшего деверя они фактически поддержали! – вспомнила она.

Вообще-то была высказана не то чтоб поддержка, а что-то вроде «сами разбирайтесь», но, как бы то ни было, понимания того, что сына нужно призвать к порядку, у свёкров тогда не наблюдалось.

– И общаемся мы мало, что они думают о таком поведении, я не знаю… Нет, если я к ним обращусь, ещё скажут Андрею, мол, всё правильно он делает.

Таким образом кандидатуры родителей на вакантную должность «загонщики блудного мужа обратно в семью» Елизавета отвергла. Дальше, поразмыслив как следует, отказалась от идеи привлечь к этому среднего из братьев супруга:

– Он сам развёлся… ещё надоумит мужа… Нет-нет, так нельзя!

Самый младший деверь – Роман – для Андрея авторитетом ни разу не был, муж вообще именовал младшего брата редкостным раздолбаем, поэтому Елизаветой даже не рассматривался.

И тут она поняла, кто ей поможет – ну, конечно, дети!

– Они-то наиболее заинтересованы в том, чтобы их отец ничего этакого не устраивал! – решила Птичкина-старшая, набирая номер телефона Константина.

– Да, мам, слушаю! – Котя был в компании своих братьев в небольшом офисе своей организации «Птички на проводе».

– Костенька, нам надо поговорить! Приезжайте ко мне сегодня – ты, Саша и Юля, – без предисловия потребовала мать.

Её старший сын хмыкнул что-то невнятное, а потом ответил:

– Мы вообще-то заняты…

– Костя! Это важно! – с её точки зрения, ничем таким срочным и нужным дети не занимались.

– Хорошо, раз тебе важно, приезжай сама. Позвони Юле, спроси, удобно ли ей будет, чтобы ты к ней приехала, и, если да, мы тоже подъедем, так уж и быть.

– Что за тон? – возмутилась Елизавета. – Я – твоя мать!

– Я помню. Видишь ли, я сразу послал бы любого человека, которому от меня что-то нужно, и он мне названивает и приказывает наплевать на свои планы и куда-то ехать, – ровным тоном отозвался Котя. – Но так как ты мать, я согласен на встречу.

Возмущение Елизаветы грозило перейти в своё звуковое выражение, но она вовремя опомнилась – Костя всегда был своевольным – сколько на него жаловались няни и воспитатели… так что он мог действительно упереться и никуда не поехать.

– Ну, хорошо, я так и сделаю! – сказала Птичкина, заканчивая разговор.

Юле она действительно позвонила, но, конечно, и не подумала спрашивать, удобно ей или нет – вот ещё не хватало!

– Юля, мне нужно с вами поговорить, так что я сегодня к тебе приеду часиков в шесть…

– В шесть меня дома не будет, – ответила дочь. – Я вернусь где-то около восьми.

– Это поздно! Давай пораньше.

– Нет, это нормально. Пораньше я не могу по работе.

Пришлось и тут уступать – вот она, тяжкая материнская доля… по крайней мере, как-то так казалось Елизавете Александровне.

Она приехала к восьми и была ужасно недовольна тем, что Константина и Александра ещё нет, а дочь отправилась выгуливать свою собаку.

– Что за дети пошли? Это какое-то пропащее поколение! Никакого внимания, уважения, никакого почитания родителей! – гневалась Птичкина, пока Юля не вернулась с Моной.

Нет, конечно, она бы и вслух что-то такое высказала, но увы… Мона терпеть не могла повышение тона в сторону своей хозяйки – сразу начинала гулко и крайне внушительно лаять, так что и тут материнское терпение подверглось испытанию – безобразие какое-то, право слово!

Через несколько минут после прихода Юли с прогулки в её квартиру прибыли братья-Птичкины, причём в полном составе, и даже дядю прихватили.

– Я же сказала им, что мне нужны только Костя, Юля и Саша! – разозлилась Елизавета и отправилась к дочери, чтобы та удалила лишние элементы со своей территории.

Юля ставила на плиту большую кастрюлю с рагу, которое требовалось подогреть, и на материны требования не обратила ни малейшего внимания.

– Юля, ты меня слышишь? Мне нужно поговорить только с вами тремя!

– Я слышу, но выгонять Вика, Лёшку и Рому не буду – они с работы, голодные и уставшие. Чего ради я должна их выкидывать?

– Как ради чего? Я же тебя попросила!

Юля только покачала головой и принялась за нарезку салата, впрочем, её тут же отстранили – в кухню вошли Котя и Саша, один взял из рук сестры нож, а другой деловито достал из шкафа тёрку.

– Не мечись, салат мы сами сделаем, – братья и не собирались сидеть и ждать еду – Юлька устала ничуть не меньше, чем они.

Нет, обычно в кухню набивалась вся птичкинская толпа, но сейчас остальные решили не раздражать тётку – очевидно же, что она и так не в настроении, вот и пришли только двое Птичкиных, как раз тех, которые Елизавете Александровне и были нужны!

– Очень рада, что вы хоть так послушались моей просьбы! – решительно начала их мать, не замечая удивлённые переглядывания детей – они никакую просьбу и не выполняли, а просто готовили ужин. – Я вас собрала, чтобы сказать – вы должны срочно поговорить с отцом! Он… он завёл любовницу!

Да, дети удивились… великая любовь их родителей демонстрировалась постоянно – в детстве они, пытаясь быть как-то поближе к отцу и матери, всё время натыкались на непреодолимую стену из этой любви – родителям были нужны только они сами! Весь остальной мир, включая и их троих, при приближении к старшим Птичкиным был, скорее, помехой.

– Отец завёл любовницу? – удивился Котя. – Да ладно…

– Что значит «да ладно»! – возмутилась Елизавета. – Ты хоть понимаешь, о чём так легко говоришь? Он… он мне изменяет!

– А что говорит? – уточнил Сашка.

– Говорит, что это просто развлечение, что любит меня, развода не хочет, но… но это же недопустимо! И вы должны это прекратить! – решительно сказала мать. – Я требую!

После этого удивительного заявления в кухне воцарилась тишина.

– Мам… а как мы должны это прекратить? – Юлия прекрасно понимала, что матери эта ситуация крайне неприятна, но… но у них нет никакого влияния на отца, более того, родители никогда не подпускали детей близко, так чего же теперь от них нужно?

– Как что должны? Поговорите с ним, заставьте прекратить эту связь! – Елизавета всё говорила и говорила, требуя, возмущаясь, раздражаясь, но увы, почему-то не встречая нужного отклика… – Вы обязаны!

– А почему обязаны? – любознательно поинтересовался Сашка.

– Ты что? Издеваешься? Ваш отец завёл какую-то девицу, а ты…

– Мам, погоди, я не понял! Он же не хочет с тобой разводиться… Да если бы и хотел – он сам подарил тебе и дом, в котором вы живёте, и квартиру в городе, и тридцать процентов уставного капитала его компании – твои. Так чего тебе переживать? – пожал плечами Костя.

– Чтооо? Как это что переживать! Никакого развода не будет – никто его не хочет! А имущество… да как у меня могли вырасти такие меркантильные дети?

– Почему меркантильные? – не поняли братья. – Если бы тебе не было где жить, мы бы как-то решали этот вопрос. И с деньгами тоже… Но у тебя совсем не такой случай.

– Вы что? Всерьёз не понимаете, что речь не об имуществе? Что… что это оскорбительно, больно, невыносимо! Я имею право на любовь вашего отца, а он… он завёл какую-то девку!

Мимолётное переглядывание своих детей Елизавета Александровна попросту не заметила, а ведь все трое подумали, что они в детстве тоже имели право на любовь родителей, да и не в детстве тоже… Но, к сожалению, это чувство по обязанности не выдаётся.

– Мам, он же сказал, что тебя любит… просто вот так у него трансформировались отношения… – осторожно произнёс Котя.

– Так ты… ты его поддерживаешь? – ахнула от возмущения Елизавета. – Кого я вырастила? Как ты можешь? Что за невероятный цинизм!

– Мам, ну какой же тут цинизм? – Сашка по привычке отвлекал ненужное внимание от брата – да они постоянно так раньше делали… – Котик просто имеет в виду, что отец вряд ли всерьёз воспримет наши слова, вот и пытается тебя утешить.

– Не смей так называть брата – чтобы я больше не слышала это дурацкое прозвище! – утончённая Елизавета Александровна терпеть не могла этого «Котик» или ещё хуже «Котя». – Я дала своему старшему сыну прекрасное имя, а вы его с детства уродуете!

– А мне нравится, – довольно хмыкнул Константин. – И цинизма я никакого не вижу. И Сашка прав – я не вижу никакого смысла в этом разговоре – отец никогда нас не слушал, с чего бы в этот раз обратил внимание на какие-то наши слова?

– Возмутительно! – фыркнула мать. – Вот оно… воспитание Птичкиных! Юля, ну хоть ты-то понимаешь, насколько это невозможная ситуация?

Юля понимала и… не понимала одновременно. С одной стороны, пусть она замуж не собиралась принципиально, но категорически не хотела бы, чтобы так поступили с ней, а с другой… с другой – да о каком «праве на любовь» может говорить их мать, которая всё детство игнорировала детей, перекладывая свои обязанности, ах, нет… простите, делегируя свои обязанности няням, помощникам, воспитателям…

– Юля! Я задала тебе вопрос! – требовательно обратилась к ней Елизавета Александровна.

Да, можно прямо сказать, что если ты требуешь любовь, то сначала отдай нам, что задолжала – хоть Котю по голове погладь, о чём он когда-то так мечтал, Сашку обними – он же хвостом за тобой ходил всё детство, уповая хоть на какую-то ласку, просил о ней, но вместо этого слышал: «Александр, что за глупости, лучше иди и позанимайся, мне жалуются на твой почерк». Да Юля и сама когда-то хотела бы… эх, как мечтала она о том, что мама наконец-то оценит её старания, её попытки позаботиться о братьях, чтобы маме было полегче с ними со всеми – ведь недаром же она в разговорах с подругами неизменно рассказывала, как трудно и утомительно быть хорошей матерью!

Это уже потом, чуть повзрослев, она стала соображать и анализировать поведение мамы, потом задала себе вопрос, а что такого уж сложного было в бесконечных замечаниях и фырканье в адрес детей? Потом поняла, что это просто образ такой – идеально-строгая мать, которая изо всех сил занимается воспитанием отпрысков, готовя их к самостоятельности. А поначалу и она очень хотела, мечтала о том, как мама обнимет, как они немножечко посекретничают, ну хоть чуточку! Как её похвалят за старания, заметят то, что она делает, подскажут, как лучше… Но дело-то в том, что родителям было всё равно…

– Юлия! Что ты молчишь? – непонятная задумчивость дочери, которой всего-то надо было с готовностью ответить на элементарный вопрос, совсем рассердила Елизавету. – Ты что, язык проглотила?

– Я понимаю, что ситуация неприятная, – кивнула дочь. – Но, мам, мальчики правы – наше мнение для отца ничего не значит! Да он скорее разозлится от нашего вмешательства! Нет, нам-то без разницы, но ведь он на тебя и выплеснет своё раздражение.

– Ситуация неприятная? И это всё, что ты можешь сказать? Всё, чем ты можешь меня поддержать?

– Мам, если бы я пришла к тебе и начала делать какие-то, пусть даже и справедливые замечания, что бы ты мне сказала?

– Что? Какие ещё справедливые замечания? – искренне возмутилась Елизавета, и её можно понять – когда всю свою «материнскую» жизнь от души считаешь себя идеалом, свысока выговаривая менее правильным подругам и знакомым о том, как они неправильно воспитывают детей, услышать о каких-то гипотетических замечаниях – это, знаете ли, натуральное безобразие!

– Вот и я о том же, – кивнула дочь. – Ты сразу же возмущаешься! Отец поведёт себя так же, я уверена.

– Так что… и ты не собираешься меня поддерживать? Не пойдёшь к отцу?

– Нет, не пойду. Вы нам всё детство говорили о том, что ваши отношения – священны, что они важнее всего остального, что мы не имеем права что-то от вас требовать – у родителей, и это главное, есть время исключительно для них.

– Так и что в этом неправильного? – холодно спросила Елизавета.

– Я сейчас не о правильности-неправильности, а о том, что мы очень часто вообще не имели доступа к вам – вы наслаждались своим временем на двоих. Так что же ты от нас сейчас хочешь? Чтобы мы шли к отцу и рассказывали о том, как правильно любить? А кто мы такие, чтобы ему или тебе об этом рассказывать? Выброшенные из гнезда птенцы? Отец никак не задевает тебя в финансовом плане, а остальное – это только ваше дело.

Ооо, как же была возмущена Елизавета Александровна, возвращаясь домой!

– Бесчувственные, грубые, безответственные, меркантильные! Потерянное поколение! – шипела она, вцепившись в руль. – Можно подумать, всё ограничивается деньгами! «Отец не задевает тебя в финансовом плане»… да как она смела так сказать? Как они все смели? Разве дело в этом? А любовь? Она-то должна это понимать!

Но что понимала или не понимала Юлия, было для Елизаветы закрытой информацией – желание ребёнка посекретничать с родителями имеет свой срок годности, и если это желание без конца пинать, оно просто исчезает.

А в квартире, покинутой гневной и разочарованной матерью, четверо братьев и один молодой дядюшка изо всех сил отвлекали помрачневшую Юлю от её невесёлых мыслей:

– Юлёк, прикинь, да… и этот ушастый тушканчик мне и говорит…

– Да какой я тебе ушастый тушканчик?

– Здоровый такой, прям косая сажень в плечах! А уши – дело наживное. Счас вытянем!

– Народ, а это вообще нормально, что вы дурачитесь, а на вас из кресла смотрит Мона с таким выражением на морде, что я б прямо устыдился?

– Кто пустил собаку в это кресло? У него ж Рыб ножку отломал!

– Я чинил…

– Чинил он! Слышите, оно потрескивает…

Да, и пусть на полу валялось сломанное кресло, рядом стояла растерянная Мона и смущённый Рыб, но всё равно это было гораздо более тёплое и уютное гнездо, чем то, откуда их всех выкинули, пусть и неидеальное.

Глава 14. Наладка жизни

Евгений так ждал этот момент… всеми силами он мечтал о том, чтобы наконец-то сняли с него дурацкие конструкции, которые приковывали его к кровати, чтобы он мог хотя бы на костылях, но передвигаться по комнате, самостоятельно дойдя до таких привычных, родных и необходимых удобств, перестать во всём зависеть от посторонних.

Да, как выяснилось, тело отвыкло от нагрузок и ныло, да, из зеркала на него смотрел какой-то заросший тип – волосы у него всегда росли очень быстро, да, к костылям надо было привыкнуть, но всё равно это было уже счастье!

Отец обеспечил лучшие средства ухода, его подстригли, он наконец-то сам добрался до ванной и туалета, даже посетил все комнаты квартиры, словно заново знакомясь с родной обстановкой.

– А жизнь-то налаживается! – оптимистично подумал он.

В офисе после всех бурь и трагедий воцарилось более-менее устойчивое равновесие – Пасечник перехватил часть обязанностей двух других замов, которые были уволены в связи с тем, что задержаны полицией, их доли уставного капитала по порядку, прописанному в уставе компании, вернулись Княжину, компания работала, а ещё… ещё работала там Юлия Птичкина!

– Если бы не Юля, я бы не справился! – откровенно рассказывал похудевший и уставший от увеличившейся нагрузки Пасечник. – Она тянет на себе столько… Нашла несколько слабых мест, подала мне список кадровых перестановок – оказывается, было несколько явно затираемых сотрудников, которые тянули на себе много, а вот результаты захапывались более громкими. Так-то и не увидеть, а Юлечка, когда приезжала к нам как курьер, всё это рассмотрела. И, знаешь, эти перестановки реально сработали! Да… кое-кого я бы хотел уволить – привёз тебе кандидатуры на рассмотрение.

– Главбух в списке есть?

– Если честно, то да… Я не знаю, как быть с новым, но та, которая у нас сейчас, откровенно не тянет и даже не старается это делать.

– Я уговорил нашу прежнюю вернуться! – довольно усмехнулся Княжин. – Увольняем эту! Готовь приказ. Давай показывай, кого ты ещё считаешь балластом…

Есть такие люди, которые «звучат» громче и солиднее других, которые умеют принять крайне деловой вид даже когда режутся в сетевую игрушку вместо того, чтобы работать, но они прекрасно пользуются результатами чужого труда, оставляя в дураках тех, кто это всё реально делал…

Юлия таких терпеть не могла, очень быстро их вычисляла, какое-то время наблюдала, и если человек был непригоден ни к какому другому полезному делу – например, морочить голову вздорному заказчику, водя его кругами по объекту, то, как правило советовала своим нанимателям избавляться от таких «белокрылок».

– Почему белокрылок? Да потому что налетают как те насекомые-вредители, присасываются к ресурсам, портят жизнь реальным трудягам, да ещё и атмосферу загаживают – начальство перестаёт видеть реальную расстановку сил, а те сотрудники, которые реально работают, потихоньку увольняются. Белокрылки-то потом улетят на другой сочный бюджет, но при этом навредив по максимуму! А если их много, вообще могут фирму прикончить! – думала она, предоставляя Пасечнику список подобных паразитирующих особей.

Теперь над списком склонился Княжин, вчитываясь в причины, которые были указаны рядом с фамилиями, и ощущая, что ему очень, ну просто очень нужна эта самая Птичкина, но на постоянной основе.

– Ёлки-палки, а вот этого же я подозревал в присвоении результатов, но он так быстро подогнал нового клиента, что я решил – померещилось. А, оказывается, это был не его клиент, а Василькова? Ах ты ж жук! – думал он, делая пометки на полях распечатки.

– Так… я со всем согласен. Васильков уволился?

– Да, как раз после того, как ты упал… В смысле, когда тебя столкнули.

– Позвони ему, пригласи обратно! Предлагай место того паразита, который его подсидел и присвоил объект. Разумеется, премия за клиента будет Василькова.

– Понял! – обрадовался Пасечник.

– Да… кстати, а как там Птичкина? Она уже несколько дней не заезжала…

– Она по объектам ездила. Говорила, что сегодня тебе позвонит по результатам, – расцвёл улыбкой Пасечник.

– Саш, ты чего, влюбился, что ли? – хмуро уточнил Княжин. – Ты прямо сиять начинаешь, когда о Юлии говоришь.

– Эээ, ну она… Она такая… Короче, она мне нравится, – признался Александр, тут же понурившись, – но… но я её и в ресторан приглашал, и в театр, а она говорит, мол, спасибо, не хочу.

– А чего так? – настроение Евгения парадоксальным образом улучшилось – странное оно такое… прыгает, как белка.

– Я спросил, а она сказала, что на работе принципиально отношения не заводит.

– Какая правильная позиция! – хмыкнул Княжин. – Ладно, давай дальше. Что у нас с Бычаровым?

Пасечник усмехнулся:

– Эх, не видел ты, как его Юля «сделала»! Артур Максимович только хрюкал, когда она продавила наши условия, кажется, даже не занервничав ни разу! А потом… наши слышали, как он к Юле подкатывал…

– И до чего докатился?

– Говорят, что до поездки в Дубай.

– И что?

– И был послан! – произнёс Пасечник с глубоким удовлетворением человека, который тоже приглашал эту же девушку и получил отказ, но отказ мягкий и вежливый.

– И правильно! – горячо поддержал Княжин. – Так ему и надо!

После ухода единственного оставшегося у него зама Княжин подумал над тем, кого из ведущих менеджеров можно взять в помощь Сашке, а потом поморщился – пришла сиделка, которую он отчаянно мечтал уволить, но опасался, что новая будет ещё хуже. Да и нужда в её услугах вот-вот отпадёт, чего уж тут замены проводить…

– К вам массажист пришёл, – сообщила она.

– Хорошо, приглашайте.

После массажа мышцы ныли, требовали одного – лечь и лежать, а ещё лучше – поспать как можно дольше, но рассерженный своей слабостью Евгений начал упражнения, которые ему предписали делать, и страдал с ними ровно до звонка Птичкиной.

– Да, Юлия! Есть результаты? Прекрасно! Приезжайте, конечно! – настроение опять стало просто сияющим, словно он ждал чего-то подарочно-сюрпризного, как в детстве на праздник.

Категорически отказавшись от помощи сиделки, Княжин сам привёл себя в порядок и уселся в кресло, ожидая приезда Юлии:

– Она же меня ещё не видела не в постели! – сообразил он, постаравшись выглядеть как можно более привлекательно – нет, не подумайте чего, просто никому же не хочется, чтобы его воспринимали только как заросшее и бессильное брёвнышко с прикованными к кровати задранными ногами.

Очень кислое выражение лица сиделки, которая выглядела так каждый раз, когда видела новый облик Юлии Птичкиной, развеселило Евгения окончательно.

– Добрый вечер! – Юлия обрадовалась, что Евгений уже не в кровати, разулыбалась, отчего стала ещё красивее. – Как я рада, что вам лучше! Такими темпами вы уже скоро совсем поправитесь!

Княжин смотрел на красавицу, которая так радовалась его грядущему выздоровлению, и ощущал, что почему-то дышит через раз…

– Какая же она, оказывается! – мелькнула связная мысль.

– Какое счастье, что он уже вот-вот вернётся в строй, а я закончу работу у него и… Не буду пока никого брать, а поеду в свой дом, в свой лес! – думала Юля, неосознанно улыбаясь уже им – своему отдыху, лесу, дому, который совершенно точно был ей рад, своему саду, даже колодцу с такой вкусной водой, что она даже в Москву бутылку привезла.

– С ума сойти! Где ж были мои глаза! – Княжину казалось, что эта улыбка – самое прекрасное, что он вообще видел в своей жизни…

Правда, очень долго любоваться ею не вышло – Юлия как-то быстро опомнилась, зашуршала бумагами, начала докладывать о том, что узнала, так что пришлось срочно приходить в себя, включаться в работу, а потом постоянно одёргивать себя, чтобы не отвлекаться, случайно встречаясь руками или ощутив почти неслышный, слабый, но удивительно приятный запах духов Юлии – прохладный, лёгкий, ненавязчивый.

Когда она уходила, официально попрощавшись на пороге, Евгений едва-едва сдержался, чтобы не попросить её остаться – хоть чай с ним выпить, но поймал собственное отражение и притормозил – вид уставший, словно бежал кросс или вкалывал день в спортзале.

– И опять её встречает тот парень рыжий, яркий такой… – выдала сиделка, добравшаяся до окна, якобы чтобы поправить штору. – Ну, один из пяти…

– Какой ещё один из пяти? – вскинулся Княжин.

– Как же, я ведь вам говорила уже – её встречает то один парень, то другой. Такая вертихвостка!

– Так… если вам делать нечего… идите домой! – рыкнул Княжин, как-то подзабывший об этой информации, да и то сказать, какое ему было дело до ухажёров его временной сотрудницы!

Ночь он провёл скверно – срастающиеся кости болели, ныли, протестовали мышцы, которые он тоже прилично перетрудил, а ещё – отчаянно раздражала собственная беспомощность, ещё вчера казавшаяся верхом мечты.

– От кровати отвязался, но с костылями… даже не могу пригласить её куда-нибудь! Даже сказать об этом сейчас смешно! И парни эти…

Почему-то он, при всей его искушённости, никак не мог представить Юлию, которая крутит головы аж пятерым!

– Такая бы и Бычарова не послала, и с Сашкой не отказалась бы закрутить отношения! – размышлял он. – Да о чём я вообще думаю? Нечего слушать эту бабищу. Вообще пора, пора с ней расставаться! До сортира я теперь и сам дойду, всё остальное тоже сделаю, а эта… с языком как помело, пусть того… выметается!

На следующий день сиделка, получившая полный расчёт, покинула дом Княжина навсегда, а вечером, после ухода деловитой Юлии, Евгений сам убедился в правоте слов сиделки – Юлию действительно встретил молодой мужчина, но уже не рыжий, а темноволосый. Он похозяйски привычным жестом перехватил Юлину сумку с документами, на секунду приобнял Птичкину и увлёк за угол дома.

***

– И чего это Евгений такой злой сегодня? – недоумевал на следующий день офис, который в полной мере ощутил начальственное недовольство и по телефону, и по видеосвязи.

Нет-нет, всё было по делу, и даже, пожалуй, полезно для коллектива, слегка подрасслабившегося без жёсткого контроля, но причина-то была вовсе не деловой необходимости, а в Юлии Птичкиной, которая безмятежно занималась делом под грохот начальственного рычания.

Вечером она заехала к Княжину с кипой бумаг на подпись, и если и удивилась общей мрачности Евгения, то никак это не показала.

Директор подписывал документы злобно, словно наказывал и бумагу, и ручку, а у Юли зазвонил смартфон.

– Да, Саш? Нет, сумка не тяжёлая, до машины точно донесу. Да ладно тебе, езжай, конечно, а то твоя девушка забудет, как ты выглядишь! Нет, Лёша приезжал вчера. И Костя заезжал недавно. Саш, у меня сейчас всё спокойно, не надо меня «пасти», честное слово! Короче, иди себе на свидание с чистой совестью! – она снова улыбалась, но уже так, как улыбаются близкому человеку…

Княжин подслушивал без зазрения совести, а когда она закончила разговор, нейтральным тоном спросил:

– Что-то случилось?

– Нет, это брат хотел встретить… – Юля аккуратно протёрла экран смартфона. – У меня их несколько, вот и встречают, если думают, что у меня на работе какой-то форс-мажор. Правда, я им объяснила, что у вас уже всё спокойно, но они бдительные!

Грохот горного массива, рухнувшего с плеч Княжина, Юля, конечно, не расслышала, но то, что выглядеть он стал гораздо менее мрачным, было видно невооружённым взглядом.

– И сколько же у вас братьев?

– Двое родных, двое двоюродных, но мы вместе росли, так что я их всех родными считаю, – объяснила Птичкина.

Количество встречающих как-то не сходилось, Евгений призадумался, а удобно ли будет это как-то уточнить, но Юлия добавила:

– А ещё дядя…

– Дядя? – удивился Княжин.

– Да, он тоже с нами в детстве постоянно время проводил – у нас разница с ним всего-то семь лет, так что он тоже как брат.

Количество сошлось, Евгений облегчённо выдохнул, а Юлия, не подозревая о том, что творит, сказала:

– Они уже немного привыкли, что я у вас работаю… Но ничего, скоро будут отвыкать.

– В смысле? – изумился Евгений.

– Ну как же! Вы же почти восстановились, так что скоро сможете сами всё делать, а я вам буду уже не нужна, – Птичкина аккуратно собирала подписанные листы, не глядя на начальство, да и что она там не видала?

Зато Княжин, после прекрасного чувства облегчения по поводу братьев, внезапно как в бетонную стену влетел со всего маху – он как-то подзабыл за последние дни, что это принципиально временная сотрудница:

– Гхххм… – откашлялся он. – Эээ… Юлия… Боюсь, вы как-то слишком торопите события.

– В смысле? – удивилась Птичкина.

– Ну… понимаете, я ещё того…

Юлия изучающе покосилась на Евгения, чуть склонив голову набок.

Для Княжина, который рвался произвести впечатление как можно более сильного и здорового, ну, ладно, пусть стремительно выздоравливающего человека, следующее признание было трудным:

– Я просто… храбрюсь, понимаете? Я пока не могу без вас справиться!

– Да? – удивилась Юлия, ощущая, что её отпуск как-то отодвигается. – А может, всё-таки сможете? Александр вам поможет.

– Нет… Пасечник, конечно, молодец, но вы мне… вы мне ОЧЕНЬ нужны! Юлия, пожалуйста… мне трудно это признавать, но я реально не смогу без вас!

Птичкина тяжело вздохнула, а потом, чуть прищурившись, сказала:

– Раз так… ладно, я ещё немного задержусь, но вы меня отпустите на четверг и пятницу!

– Хорошо-хорошо! – Евгений обрадовался так, что мог бы и ещё много чего ей пообещать, но Юля больше ничего не просила, выторговав себе передышку.

***

Вечером в среду в её квартире было тихо – все братья были кто где – Сашка на свидании, Котя и Вик – в спортзале, Лёха и вовсе не сказал куда собирается. Нет, Юля могла бы запросто это выяснить, но зачем?

– У всех должно быть своё личное время и своя жизнь, – объясняла она Моне. – Вот как у Ромочки – у него она такая активная и настолько личная, что мне, боюсь, опять придётся утешать очередную его пассию, которую он бросит ради следующей… И как только успевает?

Впрочем, учить Романа жизни она не собиралась – взрослый уже, сам уж как-нибудь разберётся.

– Да и пусть себе они сами собой занимаются, а мы с тобой, Мона, поедем в наш дом!

Собранные сумки были перебазированы в багажник, Мона запрыгнула в салон, Юля села за руль и со счастливой улыбкой отправилась на свидание… со своим отдыхом, со своим домом, лесом, садом и вкусным колодцем.

Глава 15. Наивные птенчики

Ночью начался снег… да, наверное, рановато, но снегу вообще-то всё равно, у него свои идеи и планы, когда и куда ему приходить. Он всё падал и падал на притихший лес, на сад, укрывал белым крылом небольшой дом, в котором Юлия наконец-то нашла место, где можно было побыть одной и отдохнуть.

Мона, которая в Юлином одиночестве выполняла роль тени, пусть и белой – то есть чего-то абсолютно своего, следующего за тобой след в след, сидела у окна и провожала взглядом падающие снежинки – снег она любила и очень хотела бы выйти из дома и побегать, но хозяйка не выражала такого желания, а значит, пока это было делать не нужно.

Юлия весь четверг ленилась – неспешно гуляла, а потом вновь ныряла в тепло дома, словно кролик в нору, с удовольствием ела, дремала, а к вечеру, уснув уже крепче, была разбужена звонком смартфона. Она покосилась на экран и вздохнула – братья, слегка увлёкшиеся делами, обнаружили, что сестра не дома, и начали выяснять, а где она, собственно…

– Привет, Птичка! – Котя сидел у неё на кухне и пытался понять, куда делась Мона… Нет, то, что сестра может задерживаться на работе, он прекрасно понимал, но вот собака-то её куда исчезла?

– И тебе привет, Котище! – довольно зевнула Юля, ощущая себя на редкость… целой, словно эти сутки, посвящённые самой себе, были как недостающие пазлы в мозаике.

– Я вот чего… привёз тебе кусок хорошего мяса, а тебя нет… и, что удивительно, даже Монки нет. Ну ладно, ты где-то на работе, но что у тебя там такое случилось, что ты туда алабая взяла?

– Логика интересная, жаль, отправная точка рассуждения не та – я не на работе! – рассмеялась довольная Юля. – Я, Коть, отдыхаю! И, что показательно, вместе с Моночкой.

– Погоди… ты разве уже закончила с этим… поломанным директором?

– Неа… но он, оказывается, умный, так что отпустил меня на четверг, пятницу и, соответственно, выходные в мини-отпуск.

– Ага… так и запишем, «поломатый» директор умный, – усмехнулся Константин. – Лады, я понял, остался один вопрос – а отдыхаешь-то ты где?

– В секретном месте, Коть.

– Надо понимать, что ты и от нас отдыхаешь? – осторожно предположил Костя.

– Нет, не от вас, а от людей, – расплывчато объяснила Юля. – От всех людей скопом.

– Ага… понятно, что ничего непонятно… Юль, но… но нам туда, где ты отдыхаешь, нельзя, да?

– Коть, это моё тайное место. Секрет такой. Лично мой.

– Ясненько… но там хоть нормально? В смысле, тебя там не обидят? – вот что поделать старшему брату, для которого младшая сестра – это не просто сестра, а… самое-самое близкое и родное?

– Тут ненормально спокойно, хорошо, тихо, уютно, и я сплю, гуляю и ем! – отчиталась Юля, которая своих любила и нервы расчёсывать им не собиралась.

– Ладно… Тогда я мясо уберу в морозилку, народу скажу, что ты в отпуске до понедельника, а ты… веди себя хорошо!

– Слушаю и повинуюсь! – рассмеялась Юля. – Только учти, я с тобой поговорила и теперь, наверное, смартфон отключу.

– А может, не надо? – засомневался Костя. – Ну мало ли что…

– Вот если мало ли что, тогда и включу!

Вредная Юлия закруглила разговор и отключила гаджет – и ничего такого страшного! Жили же люди когда-то без мобильников, и ничего, чай не вымерли!

А Костик, оставшись в одиночестве в её квартире, задумчиво почесал затылок, спохватившись, уволок мясо в морозилку, а сам отправился варить пельмени – ибо какой смысл тратить хороший кусок на себя одного? Нет, само собой, у него и своя квартира была, но там его подстерегала соседка…

– А я что, дурак, что ли, туда соваться, когда она с чего-то решила, что должна меня себе заполучить? – рассудил Константин, который девушкам нравился, да и девушки ему нравились, вот только он предпочитал самостоятельно решать, с кем и как ему общаться. А симпатичная соседка уже всё решила за него, вплоть до того, как они назовут своих будущих детей… И стоило только её родителям уехать в отпуск, повела такую прицельную охоту, что Костя счёл за лучшее смотаться подальше – не силком же отталкивать из квартиры целеустремлённую деваху, а слов она в упор не понимала.

В пятницу в Юлину квартиру прибыл Сашка, потом Вик, который был на тренировке и теперь искал, чего бы холодненького приложить к физиономии, дальше приехал Лёха, и последним, уже ночью, прибыл их общий дядюшка…

– Мы чего-то как магнитом притягиваемся, – вздохнул он, оглядев гостиную, забитую Птичкиными и продолжил: – Что на работе, что тут… А где Юлька? Я ей звонил, но она вне зоны доступа…

– Отдыхает от людей. Где-то… – пробурчал Костя, который уже всем рассказывал о своём разговоре с сестрой.

– От нас тоже? – удивился Роман. – Кстати, а вам, братцы-кролики, в смысле, братцы-Птичкины, не кажется, что этот отдых происходит с каким-то мужиком?

Четыре пары глаз очень мрачно уставились на Романа.

– Что? Чего вы так на меня все уставились? Да, девочкам иногда нравятся мальчики… вам ли не знать?

– Пасть захлопни! – велел ему Костя. – Если Юлька сказала, что она одна с Моной, значит, так и есть!

– Котя прав! – поддержал его Вик. – Юлька нам врать не стала бы.

– Да! Если бы ей кто-то понравился, она бы так и сказала! – присоединился к братьям Сашка, а молчаливый Рыб решительно кивнул темноволосой головой.

– До чего ж вы ещё наивные-то, – вздохнул Роман. – Можно подумать, вас девицы никогда не обманывали…

Это он ляпнул зря… собственно, довольно быстро это и осознал – хватило всего-то оказаться под вновь развалившимся морально неустойчивым креслом с четырьмя «наивными» племянничками, вольготно рассевшимися на креслиных останках.

– Ну всё, всё! Был не прав! – скрипел он из-под обломков. – Казнюсь и каюсь, каюсь и казнюсь! Слезьте вы с этой проклятой мебели, вы ж весите прилично!

– Ладно, вставай, болтун! Только учти, мы про Юльку никому трепать языком не позволим… даже тебе! – пригрозили ему племяннички.

Но… но что поделать, если он тут был самым старшим, считал себя самым умным и опытным из этой компании, а ещё… ещё отчаянно боялся за хрупкую и тоненькую Юльку, которая вечно бесстрашно лезла во всякие опасные дела!

– Надо будет выяснить, куда она уезжает! На следующих выходных возьму и прослежу за ней! Вот племяннички, запинали как… страусы! – думал он, потирая бока и собирая обратно несчастное кресло. – Этим и говорить ничего не стану. Они всё-таки ещё такие… птенцы желторотые, даром что вымахали шкафами!

***

Вечером в воскресенье Юлия вернулась домой на диво отдохнувшей, порозовевшей, надышавшейся свежим воздухом и как следует выспавшейся.

– Юлька! Не знаю, где ты была, но видать, там классно! – встретил её на пороге Сашка. – А мы с Лёхой ужин приготовили! Вик и Котя моют кухню после этого, а Роман спит в гостиной! Как ты отдохнула?

Да, можно было бы уточнить, с какого такого перепуга они что-то делают у неё дома, пачкают её кухню, моют её же, и почему это дядюшка спит именно в её гостиной, а не где-то в другом месте – да вот хотя бы у себя дома! Но Юля точно знала, что очень их любит, просто от них нужно иногда отдыхать… Вот так, как она это делала совсем недавно.

– Отдохнула замечательно! – честно ответила Юлия, проходя в квартиру за деловитой Моной и ожидая вопроса, а где именно она так расчудесно провела время, но… так его и не дождалась.

– Забавно, – думала она, наблюдая за немного странноватым общением братцев и дядюшки. – И чего тут с ними такое случилось, что они ничего не спрашивают, Ромка какой-то помятый, а кресло почему-то скручено шурупами… Небось кто-то любопытничал, и его проучили. Бывает… но раз он тоже молчит, значит, решил устроить за мной слежку, а остальные это не поддерживают! Вот чудак-то! – что поделать, если она прекрасно знала всех пятерых, так что с приличной долей вероятности могла предугадать их действия.

Но до момента начала гипотетической слежки было прилично рабочего времени, так что Юле хватило возможностей, чтобы придумать, как именно оторваться от настырного дядюшки, если он, конечно, действительно решит её выслеживать.

Знала бы Юля, что когда она продумывала эти планы, то начинала немного улыбаться, но так загадочно и чуть зловеще, что завхоз Княжина, первым узревший эту улыбку, торопливо вернул на склад четыре банки краски, а потом спешно вытащил из бумаг уже приготовленный акт об их списании:

– Нет уж, нет уж… – бормотал он. – Да, пока Князя нет, а зам один и разрывается между объектами, можно было бы и побольше взять на дачку… но с этой девицей лучше не связываться! Вот прямо чую, что она про меня знала!

Следующим этот грозно-улыбчивый прищур узрел Бычаров, приехавший в офис на утрясание мелких деталей… Нет, он вообще-то шёл к Пасечнику, но увидел задумчивую Юлию в коридоре у окна и…

– Да что ж такое-то! Она что? Специально меня поджидала? – думал он, медленно, но верно осознавая, что Птичкина с большим отрывом выигрывает у его новой пассии – та недавно сделала себе «лисьи глазки», что-то с носом и скулами, а ещё, кажется, с подбородком. – Да, та красивая, но они же все на одно лицо, только мастью отличаются, и то до очередной покраски. А эта… такой ни у кого нет! И смотрит так… уххх! Какие там лисьи глазки! Эта – прямо… прямо как… – с воображением у него было не очень-то, но пришло ему в голову по аналогии с лисьими глазками «хищно-зверское» сравнение, с его точки зрения, подходящее к Юлии: – Как снежный барс косится, только как мелкий такой барс, эксклюзивный.

Эксклюзив Бычаров любил. Считал себя его достойным, но как быть, если вредная нахалка нипочём не собирается с ним общаться даже ради дорогой поездки, а?

– Ломается всё… – проворчал он про себя. – Ладно… попробую ещё раз!

И ещё раз Юлия расслабилась над своими мыслями и планами, когда дома у директора раскладывала бумаги. Княжин завис над одним из документов, вот Птичкина и позволила себе немного отвлечься на меры противодействия дядюшке, а тут и Евгений поднял взгляд, собираясь что-то спросить, да так и забыл, что именно!

– Юлия… – выдохнул он, а потом, когда его временная сотрудница вопросительно уставилась на него, опомнился и затряс документом: – Я тут это… спросить хотел… хотел я спросить… только забыл что!

– Давайте вспоминать! – тоном детсадовской нянечки подхватила Юлия, нагнав на Княжина несусветную тоску – очевидно же, что эта девушка видит в нём кого угодно – директора, покалеченного и болящего типа, но только не приятного для неё мужчину!

– Да пусть бы хоть вообще мужчину видела! – переживал Евгений, после ухода Юлии вышагивая на костылях по комнате. – И что мне со всем этим делать? Она же скоро уволится! Я же с ней потом и не встречусь так просто...

Юлия однозначно и собиралась увольняться – такая уж у неё деятельность, а если бы она узнала о страданиях Княжина, то посоветовала бы ему на кого-то другого смотреть – она же не музейный экспонат, чтобы на неё пялиться!

А после обеда в среду она обнаружила, что на неё в упор смотрит Артур Максимович Бычаров, которого каким-то недобрым ветром опять занесло в компанию Княжина. Бычаров стоял посреди коридора и пристально наблюдал за ней.

– Юлия! Я тут узнал, что вы временная работница! – тоном человека, сделавшего мировое открытие, произнёс он.

– И вам добрый день, Артур Максимович, – холодно ответила Птичкина, каким-то непостижимым образом ухитряясь смотреть вежливо, но исключительно презрительно, словно увидела особо противную гусеницу на безукоризненном паркете офисного коридора. – Да, я выполняю работы по временному контракту.

– Так это ж замечательно! – обрадовался Бычаров. – Тогда я вас нанимаю!

Видимо, Юлия решила, что гусеница – это слишком роскошный образ для такого типа, так что презрение во взгляде только усилилось.

– Извините, но я сама решаю, с кем я работаю, – максимально тактично ответила она.

– Погодь! То есть типа со мной ты работать не хочешь? – рассердился Артур.

– Мне не кажется интересным ваше предложение, – вежливо ответила Птичкина, обходя собеседника подальше.

– Да стой ты! Ты ж даже не знаешь, сколько я могу заплатить! – Бычаров топал за миниатюрным «эксклюзивом» как привязанный, всё повышая и повышая ставки.

– Спасибо за предложение, но нет! – спокойно отвечала Юлия, продолжая движение вперёд и не считая нужным объяснять этому типу, что именно для того, чтобы не работать с такими, как он, и придумала этот свой стиль работы...

Само собой, распалённый отказами Артур Максимович дошёл до совсем уж неприличных сумм, что не могло не вызвать ажиотаж у свидетелей их разговора, хотя Юлия и пыталась неоднократно прервать этот «кадровый аукцион». В конце концов ей это надоело, она резко развернулась, заставив Бычарова отшатнуться, шагнула вперёд, приблизившись почти вплотную, и снизу вверх глядя ему в глаза, тихо сказала:

– Да у вас денег не хватит, чтобы меня нанять!

Она уже давно скрылась за поворотом коридора, а Артур Максимович всё переваривал это оскорбительное утверждение.

– У меня… у меня не хватит? Да я… да она… – булькал и пыхтел он, так и не осознав, что и этот раунд переговоров он проиграл вчистую.

Через полчаса после этого про инцидент с таким оригинальным способом найма сотрудников уже знали и Княжин, и, как это ни странно, Кирилл Харитонович Хантеров.

Княжин просто шипел от ярости, понимая, что пусть с Бычаровым Юля сотрудничать и не будет, но будет с кем-то другим… Не с ним!

Зато гораздо более опытный Хантеров понимал, что это его шанс, чтобы хотя бы временно, но заполучить ценный кадр в ряды концерна.

Глава 16. Почти полонез…

Бычаров, как человек целеустремлённый, но не сильно владеющий полезным навыком торможения, решил, что Юлия в любом случае будет у него работать!

– Не хочет она… Такие деньги ей предлагал, а она? А она вот так вот, да? Ну ффффсё… Ну я ей! Ну я её! Она у меня как миленькая работать будет, в смысле, не просто работать!

Заведённый и до крайности рассерженный отказом Артур решил, что раз эта зараза не хочет наниматься к нему напрямую, значит, её наймёт его приятель, слегка подставит, а уж дальше он, Бычаров, будет сам диктовать свои условия!

– Вот ещё не хватало! Будет мне такая в лицо фыркать, мол, денег не хватит нанять! Ты мне ботинки чистить будешь, если я велю! – злился он, набирая номер приятеля.

Тот не стал возражать – должен был Артуру приличную сумму денег, так что исполнительно позвонил Юлии и, сославшись на общих знакомых, предложил работу с прекрасной оплатой.

– Нет, спасибо! Я сейчас не заинтересована в новой работе, – ответила Птичкина, занимаясь заданием Княжина.

– Но вы же скоро уволитесь, да? Вы же, как говорят, долго на одном месте не работаете… Мы вас подождём!

– Благодарю вас, но после окончания текущей работы я не планирую брать новых заказчиков, – на взгляд Юлии, она вполне чётко обрисовала свою позицию, так что неизвестный работодатель должен был уже отстать… Ах, если бы!

На четвёртом звонке с настойчивым предложением работы Птичкина заблокировала номер, уже абсолютно отчётливо почуяв что-то неправильное, нехорошее… Разумеется, отвергнутый подставной работодатель поспешил доложить о провале дела, а доведённый до ярости Бычаров опрометчиво решил выяснить у Юлии и кем же это она себя возомнила?

Птичкина как раз собиралась сесть в свою машину, чтобы после работы поехать домой, как вдруг у её плеча образовался опасно покрасневший Артур Максимович, который начал громогласную и исключительно гневную тираду о офисных крысках, которые непонятно что о себе думают, и…

Продолжение застряло в глотке Бычарова, потому что его взяли за шиворот и исключительно настойчиво, хотя и бережно, отодвинули от невелички-Юлии.

– Да кто ты такой! – взвился Артур. – А ну пшёл вон отсюда!

– Я? – бестрепетно переспросил высокий и внушительно плечистый молодой человек. – Я – сотрудник СБ концерна Миронова. Прислан руководством для охраны Юлии Андреевны. А вы кто?

На этот вопрос сразу ответить было сложновато… Вот кто такой Артур Максимович Бычаров? Достаточно успешный делец? Да – вовремя нашёл нишу, удачно вписался в неё, нанял грамотных сотрудников, на том и держится. Но это никак не объяснило бы его претензии к Птичкиной.

А кто же он ещё? Ах, да… человек, уверенный в том, что он достоин самого-самого лучшего, но и это тоже не очень-то редкое явление. Ещё – он человек, который ЗАХОТЕЛ, чтобы всё было именно так, как ему размечталось, наткнувшийся на отказ и разозлившийся из-за этого. Только не скажешь же это посторонним, да и себе далеко не все могут в таком признаться, вот Бычаров, например, никак не мог, поэтому прорычал что-то невнятное и попёр на препятствие, которое ему мешало.

Дальнейшее можно было охарактеризовать как изощрённое издевательство – сотрудник СБ раз за разом нежно подхватывал несущегося на него типа, чуть ли не фигурой полонеза

проводил вокруг себя и отправлял в вольное топанье по стоянке, разумеется, в противоположном от Юлии направлении.

Птичкина, ощущающая себя в полнейшей безопасности – уж что-что, а надёжность защитника она определять умела – ещё бы, с её-то братцами, прямо-таки эстетическое удовольствие получала от этого «танца».

– На граблях, не иначе! – решила Юлия про себя. – Он же на ногах уже чудом удерживается. Вот впишется куда-нибудь личностью – небось мало не покажется. И даже обвинить никого не получится – сам же нападает… ничего себе, как его зацепило, что я ним работать не хочу!

Любой танец, даже самый интересный и необычный, когда-нибудь да заканчивается, случилось это и с сольным балетом в исполнении Бычарова – он таки запутался в ногах, улетая в очередной раз прочь от Юлиной машины, врезался в ограждение стоянки, рухнул на асфальт и замер там – собрать себя воедино он мог только если бы встал на четвереньки, но сделать это при свидетелях было положительно невозможно!

Юлин незваный защитник немного порассматривал «танцора», легко пожал плечами, а потом обратился к Птичкиной:

– Простите, не знаю, помните ли вы меня? Я – Иван Болотников, направлен к вам с поручением от Кирилла Харитоновича Хантерова.

– Конечно же, я вас помню. И с каким же поручением? – с завидным самообладанием уточнила Юлия – уж чего-чего, а этого качества у неё было полно, всё детство его тренировала!

– Кирилл Харитонович очень вас просил заехать к нему… Нет, я понимаю, что у вас другие планы, вечер, работа закончена, но наш офис тут недалеко, и потом я вас обязуюсь доставить домой гораздо быстрее, чем вы бы ехали традиционным маршрутом!

– Знаете какой-то особый способ перемещения? – полюбопытствовала Птичкина, которая и так уже решила выполнить эту просьбу – она не любила оставаться в долгу, а в том, что Болотников избавил её от неприятных моментов общения с Бычаровым, сомневаться не приходилось.

– Выбор правильных способов перемещения – часть моей работы, – объяснил Иван, с благодарностью принимая из рук синеглазой девицы ключи от её машины. С благодарностью, потому что та не стала корчить рожи, впадать в панику, отказываться, отпрыгивать от него с возмущением… Короче, повела себя как исключительно здравомыслящий человек, а это качество Болотников весьма ценил и уважал.

До головного офиса концерна Миронова Иван доехал действительно очень быстро, а потом провёл Юлию к своему начальству, которое по совместительству было и его родственником.

– Юлия, добрый вечер! Спасибо, что приняли моё приглашение, – радушно поприветствовал Птичкину Хантеров, чётко сознавая, что это не просто интересная кадровая находка, а вызов для его страсти коллекционера.

Да, знаете ли… кто что собирает – кто-то марки, кто-то магнитики, а кто-то – полезных и интересных сотрудников, причём последнее коллекционирование ещё и очень полезно в практическом плане.

– Иван? – Хак вопросительно воззрился на Болотникова, а тот чётко, ясно и коротко доложил, что да, объект навязчиво преследовали, нет, физического воздействия не было, травм не было. Преследователь устал и остался отдыхать прямо там, на стоянке.

Юлия невольно улыбнулась – очень уж ей понравилась заключительная позиция Бычарова.

– А вопрос можно? – она кивнула на Ивана. – Почему вы послали вашего сотрудника меня охранять? Наверняка у вас и без меня хватает, чем заниматься.

– Разумеется, – покладисто согласился Хак. – Просто мы в вас заинтересованы, а я предпочитаю подстраховывать таких людей.

Юлия с достаточным самообладанием подумала о том, что на неё в последнее время прямо какой-то взрывной спрос идёт, такими темпами она вообще уедет в свою глушь и там поселится – уж на несколько месяцев безначальственной жизни накоплений у неё хватит.

Разумеется, вслух ничего подобного говорить он не стала, а воззрилась на Хантерова, демонстрируя повышенное внимание.

– Я наводил о вас справки, – начал Кирилл Харитонович. – И то, что я узнал, мне понравилось. Я бы хотел, чтобы вы работали на концерн Миронова.

– Это очень лестное предложение, но, к сожалению, я вынуждена отказаться, – спокойно ответила Птичкина. – Я ни с кем не работаю на постоянной основе.

– Понимаю… это бывает скучно. Но у нас концерн огромный, предприятий много, мы бы могли вас отправлять на разные задания…

– Да, именно в этом и проблема, – кивнула Юлия. – Вы бы меня куда-то отправляли… А я предпочитаю сама выбирать, куда именно я хочу отправиться, с кем хочу или не хочу работать. Вот, например, Артур Максимович… тот самый, от которого меня так удачно избавил ваш Иван… Если бы он был в числе ваших директоров, то вы бы меня к нему запросто послали. Кстати, и всё же… как получилось, что ваш сотрудник меня охранял? Я точно об этом не просила! Вряд ли вы всех людей, в которых заинтересованы, круглосуточно охраняете.

Внутреннее мироощущение Хантерова напоминало исключительно довольного жизнью кота, который только что получил дивное лакомство:

– Умница какая! Вот полностью подходит! И вопросы задаёт верные, и тон правильный.

Разумеется, вслух он произнёс совсем другое:

– Дело в том, что я получил информацию о том, что некий Бычаров планирует достаточно агрессивно настаивать на вашем трудоустройстве к нему. Так как я сам заинтересован в сотрудничестве с вами, я счёл разумным отправить за вами Ивана.

Тут Хак усмехнулся и продолжил:

– Расчёт был на то, что вы не захотите быть обязанной и выполните просьбу того, кто вас выручил.

– Хм… надеюсь, это не вы надоумили Бычарова, что ему непременно нужно принять меня на работу? – с некоторым сомнением уточнила Птичкина.

– Нет-нет, в этом вините вашу харизму, – пожал плечами Хак, получая удовольствие от такой беседы – обычно-то его опасались… – Насколько я понял, господин Бычаров не привык к отказам.

– Однозначно не привык, – кивнула Юлия, которой очень хотелось спросить, а сам Хантеров в состоянии спокойно принять её отказ?

– Пытаетесь просчитать, что я буду делать, раз вы отказались работать на концерн? – предположил Кирилл Харитонович.

– Пытаюсь, – не стала увиливать Юлия.

– Предложу снова, но уже с другими условиями – раз не хотите на постоянку, тогда давайте рассмотрим временное трудоустройство по вашей схеме.

– Но зачем вам это нужно? Я уверена, что у вас хватает и финансовых юристов, и оперативников, и аудиторов.

– Конечно, хватает, но… Видите ли, у одного из моих самых лучших специалистов по… так скажем, детективному аудиту через несколько месяцев будет ребёнок. Она не отказывается работать, но понятно же, что, во-первых, какое-то время ей будет не до того, а во-вторых, даже если она сможет выделять силы для работы, ей нужен помощник, а лучше – помощница. И вы подходите идеально – эта ваша камуфляжная личина, ваши знания и умение находить тонкие места плюс Маринино чутьё и профессионализм должны сработать.

– То есть распоряжения в этой временной работе мне будет отдавать ваш аудитор? – Юлия выделила голосом слово «временной».

– Да, именно так. Марина, конечно, может работать и с оперативниками, но все наши сотрудники, кто может разбираться в финансовых сложностях и при этом не выглядеть откровенным засланцем – мужчины. А мужчины в бухгалтериях, как правило, очень уж на виду, сами понимаете, они в меньшинстве, а значит, слишком заметны. Именно поэтому, наведя справки о вас, я решил, что вы нам идеально подходите и сможете прекрасно подстраховать Марину, да и вам это может быть интересно… Опять же оплата…

Он назвал сумму оплаты за выполнение временной работы, и Юлия была вынуждена признать – да, это весьма достойно!

– Пока я работаю у Евгения Княжина… – напомнила она Хантерову.

– Я помню…

– А потом собиралась сделать перерыв – очень хочется отдохнуть.

– Это важно, – серьёзно кивнул Хак, который понимал, как именно работает Птичкина, и хорошо знал, что отдых при такой интенсивной занятости необходим. – У нас пока есть время, но я бы хотел какой-то определённости. Кстати, как долго вы хотели бы отдохнуть?

Юлия сдержалась и не сказала «годик-другой» – право же, шутки шутками, но всё должно быть в меру, а ответила всерьёз:

– Пару недель.

– Хорошо, это нам подходит. Так мы можем на вас рассчитывать после окончания вашей работы у Княжина и отпуска?

Юля призадумалась – с одной стороны влезать в такую серьёзную организацию не очень-то хотелось, а с другой… ну почему же время от времени не брать у них работу?

– К тому же если там реально опытная и знающая аудитор с детективным уклоном, то мне это может быть просто полезно! – думала Юлия, которая профи очень уважала и учиться у них зазорным не считала.

Ещё, конечно, сработал контраст между Бычаровым, которому вынь да положь Юлю Птичкину, и даже не потому, что ему так уж нужна её работа, а просто потому, что Юлин «парадный» антураж заинтересовал, и Хантеровым, напоминающим этакого хищника в засаде, но хищника корректного и весьма вменяемого.

– И вполне возможно, что это он тоже просчитал, – хихикнула про себя Юлия. – Интересный какой… Можно разок и поработать!

Получив положительный ответ Птичкиной, Хак довольно усмехнулся – тоже про себя, разумеется, исключительно галантно закончил разговор, вызвал Ивана и велел доставить Юлию домой.

Правда, у Болотникова был и ещё один приказ, отданный уже наедине:

– Увидишь рядом с ней этого… Бычарова, убери его подальше – как контраст он нам уже не нужен, а вот навредить может – у таких голова не очень-то перегружена здравым смыслом.

Доставка сестры на её же машине, но каким-то незнакомым типом сильно заинтересовала любопытного Романа, который принял решение начать слежку за племянницей в ближайшие выходные и даже прикупил кое-что для облегчения процесса.

Решение принял и Евгений Княжин – он уже всю голову себе сломал, пытаясь понять, как же ему не остаться за бортом, когда Юля от него уволится?

– Буду собирать информацию, авось что-то да сработает как зацепка! – сообразил он, заказав на следующий день прекрасные пирожные и с нетерпением поджидая свою почти уже доработавшую сотрудницу.

Обсудив все рабочие вопросы, Евгений попросил Юлию его выручить – разделить с ним десерт – он прикинул, что сладкое Птичкина любит. Через полчаса они уже вполне себе свободно разговаривали.

Выяснив, чем занимаются Юлины братья, Княжин понял, что ему делать:

– Раз она с ними так ладит, надо постараться нанять их – вот хоть окна в конторе вымыть, крепление кондеев проверить, да придумаю ещё что… А дальше буду действовать по обстоятельствам!

Глава 17. Повод для довольства

Юля про себя тихонько усмехалась, заметив, как её дядюшка Роман глубокомысленно осматривает ошейник Моны Лизы.

– Чудак, – вздохнула про себя Юлия, собрав вещи и перебазировав их в машину, а потом нашарив на солидном кожаном ошейнике собаки вместо одного адресника два…

У Моны шерсть пусть и не очень длинная, но настолько густая, что можно было бы и не заметить эту небольшую штучку, аккуратно прицепленную за основной подвеской с указаниями Юлиного номера телефона, но Юля-то заметила…

– Трекер… Ромочка, лапочка ты моя длиннохвостая! Лис хитрованистый! – рассмеялась Юля, позволив себе помечтать о небольшой, но действенной мести – вот возьмёт она и потихоньку выполнит бабулину мечту – отстрижёт его несусветно длинные, с точки зрения Роминых родителей, волосы, которые дядя обожал собирать в хвост. – Да-да! И меня даже похвалят! – кивнула она Моне, снимая с ошейника дополнительное «украшение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.